

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ (1783–1841):
язык и литература в России
на рубеже XVIII–XIX веков**

Санкт-Петербург

2009

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Российская Академия (1748–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. – СПб. 2009. – ... с.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН Е. В. Багно, академик М. Н. Боголюбов,
к.и.н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
академик А. В. Лавров, д.п.н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д.и.н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова, И. А. Малышева

Финансовая поддержка – Научная программа Санкт-Петербургского
научного центра РАН 2008 года

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2009

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009

© Институт лингвистических исследований РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>Предисловие</i>	5
<i>А. Вачева</i>	
Фенелон и Ломоносов как предшественники Российской академии	7
<i>Е. А. Захарова</i>	
Отражение лексикографической практики «Словаря Академии Французской» в «Словаре Академии Российской» (1789–1794)	13
<i>С. С. Волков</i>	
Несколько заметок о слове «славенский» у М. В. Ломоносова	26
<i>М. П. Лепехин</i>	
Четыре столпа Российской академии (И. И. Лепехин, Т. С. Мальгин, П. И. Соколов, А. С. Шишков)	40
<i>Е. Г. Милюгина</i>	
Н. А. Львов и Российская академия: о театрально-музыкальной картине «Пролог»	51
<i>А. А. Костин, А. А. Малышев</i>	
Московский член Российской академии И. И. Мелиссино (по материалам переписки)	66
<i>С. И. Николаев</i>	
Словари и словарное дело в русской поэзии XVIII века	85
<i>Н. Ю. Алексеева</i>	
Риторика и поэтика Российской академии: история неудачи	95

<i>А. А. Костин</i>	
О проекте А. А. Нартова по переводу классических авторов в Российской академии	107
<i>Н. Д. Кочеткова</i>	
Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесно- сти древней и новой», осуществленный Российской акаде- мией	132
<i>Д. А. Иванов</i>	
Об академической деятельности А. А. Шаховского: к ре- конструкции «Слова о Петре Великом»	141
<i>М. Н. Приёмшьева</i>	
Лексикографическая деятельность Российской академии в 20–30-е гг. XIX в.: на пути к новому академическому сло- варю	149
<i>И. А. Малышева</i>	
Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.) как источ- ник Словаря русского языка XVIII века	159
<i>А. В. Воынская</i>	
Локализмы в «Словаре Академии Российской» и «Словаре русского языка XVIII века»	173
<i>Е. В. Кочнева</i>	
Портретная галерея Российской академии в собрании Лите- ратурного музея ИРЛИ РАН (по материалам выставки «Слава Академии Российской», посвященной 225-летию учреждения Российской академии)	183
<i>Указатель имен</i>	206
<i>Список сокращений</i>	214
<i>Сведения об авторах</i>	216

ПРЕДИСЛОВИЕ

Деятельность Российской академии с самого начала определена была ее создателями достаточно широко. Академия занималась и составлением словарей, и написанием правил стихосложения, изданием сочинений, объявлением литературных конкурсов. Эта многогранная деятельность оставила значительный след во многих областях духовной жизни России конца XVIII – начала XIX в. Российская академия стала одним из первых научных учреждений гуманитарного профиля в России, в рамках которого был создан первый образцовый словарь русского языка, 6-томный «Словарь Академии Российской». В стенах Академии становлением и развитием отечественного славяноведения занимались многие важнейшие русские писатели и поэты рубежа XVIII–XIX вв.; ее членами были Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, И. А. Крылов и др. Деятельность Российской академии привлекала и привлекает внимание многих исследователей. В первую очередь следует упомянуть 8-томную «Историю Российской академии М. И. Сухомятина» (СПб., 1874–1887), а также работы В. В. Коломина, С. М. Некрасова, М. Ш. Файнштейна и др. Между тем до сих пор исследования о Российской академии сводятся зачастую к трактовкам богатейшего фактического материала, представленного в обстоятельном труде М. И. Сухомятина, а новый материал вводится в оборот довольно скупой. Сравнительно хорошо исследован разве что узко лингвистический аспект деятельности Академии, в первую очередь – ее лексикографические опыты, а также персоналии отдельных ее членов. Однако до сих пор мало описаны такие направления, как переводческая или издательская деятельность Академии, роль в ее деятельности иерархов русской Церкви, требует новых исследований вопрос о роли Академии в спорах о языке конца XVIII – начала XIX в., о деятельности Французской академии как образце для Академии Российской и т. д. Разумеется, множество научных находок все еще возможно и в связи с исследованием крупнейшего памятника русской лексикографии – «Словаря Академии Российской».

Пытаясь ответить на эти вопросы, Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам при Президиуме СПбНЦ РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Институт лингвистических исследований РАН провели в конце октября 2008 г. конференцию, посвященную 225-летию Российской академии. Конференция собрала историков и филологов из Петербурга, Москвы, Твери, Софии (Болгария) и Тарту (Эстония). Материалы этой конференции мы публикуем в данном сборнике.

Как показывают собранные здесь работы, при изучении деятельности Российской академии возможны еще самые неожиданные интересные находки. Прежде всего, до сих пор требует обстоятельного изучения деятельность Академии в XIX веке, особенно – в 1800-е годы, в период президентства А. А. Нартова. Сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН материалы Академии (протоколы заседаний, переписка, рабочие материалы, финансовые документы), несмотря на значительную репрезентативность в трудах М. И. Сухомлинова и его последователей, все еще ждут исследователей. Помочь в этих исследованиях могло бы, возможно, создание «Летописи Российской академии», осуществить которое желательно было бы к предстоящему в 2033 г. 250-летию Академии.

ФЕНЕЛОН И ЛОМОНОСОВ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Ангелина Вачева

Общеизвестно уважение основательницы Российской академии Е. Р. Дашковой к филологическому наследию М. В. Ломоносова¹ и к сочинениям классика раннего Просвещения Ф. Фенелона. Однако малокомментированным остается вопрос об истоках программы деятельности созданной в 1783 г. Российской академии. Один из возможных образцов – филологические взгляды Ф. Фенелона, изложенные в его «Письме в Академию» (1714), написанном накануне выхода в свет второго издания Словаря Французской академии, создание которого затянулось на добрую четверть века.

«Письмо» было написано в ходе обсуждения задач дальнейшей деятельности учреждения. В конце 1713 г. секретарь Французской академии А. Дасье обратился к ее членам с просьбой высказать свое мнение как по поводу работы над Словарем, так и о дальнейших путях развития Академии. Текст «Письма» и последовавшая за ним переписка с А. Ударом де Ла Моттом о «древних и новых» стали лебединой песнью знаменитого писателя и педагога; через три месяца его не стало². Этот факт придал «Письму» характер завещания потомкам, которое, благодаря авторитету автора, получило широкую известность и повлияло на развитие не только француз-

¹ *Вомперский В. П.* Е. Р. Дашкова – выдающийся филолог и организатор академической науки в XVIII веке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 4. С. 5.

² *Mazure A.* Préface // Lettre à l' Académie Française sur la grammaire, la rhétorique, la poétique et l' histoire par Fénelon. Paris, Berlin, 1879. P. III–IV. Далее ссылки на «Письмо» Фенелона приводятся в тексте статьи с указанием в скобках страницы по этому изданию.

ской филологической мысли того времени, но и на общеевропейские культурные процессы.

В «Письме в Академию» Фенелон очерчивает основные задачи как самого учреждения в социальной жизни страны того времени, так и конкретные проблемы, стоящие перед французской филологической мыслью эпохи в связи с кодификацией французского литературного языка, а также с осознанием возросшей культурной роли Франции в европейском пространстве.

В тексте «Письма» несколько разделов, посвященных собственно Словарю (*“Du dictionnaire”*), а также необходимости составления грамматики, находящейся в тесной связи с нормативными установками Словаря (*“Projet du Grammaire”*). Другой важной проблеме посвящен третий раздел письма, «Проект обогащения языка» (*“Projet d'enrichir la langue”*), предлагающий при отказе от обветшалых слов сохранять из старой лексики то, что доступно и понятно современникам. Эта задача, по мнению Фенелона, должна быть поставлена перед людьми «хорошего вкуса»; легче всего выбор таких слов можно произвести на материале латинского языка, не только по причине благозвучия латинских звуков, но также из-за того, что «они связаны со многими словами, которые укоренились во французском языке и ухо к ним уже привыкло» (*“ils tiennent à d'autres mots qui ont déjà pris racine dans notre fonds; l'oreille y est déjà accoutumée”*, р. 9). Следует напомнить, что в конце XVII – начале XVIII века латынь все еще оставалась широко распространенным литературным языком, и даже знаменитый словарь П. Бейля по меньшей мере на треть состоит из латинских вставок. Фенелон настаивает на развитии лексической синонимии, так как «нет таких слов, которые бы были абсолютно синонимичны между собой» (р. 7). Писатель не отвергает также возможность заимствований «у соседей» всех слов, которые им кажутся «удобными» (*“commodes”*), как это делают англичане (р. 8), но в то же время к иностранным словам надо подходить с должной осторожностью, чтобы не сделать французский язык «огромной и безобразной кучей», в которую «свалены» элементы языков других народов, носителей совершенно иного духа (*“génie”*). Таким образом, Фенелон проявляет себя как умеренный пурист, который осознает неизбежность процесса заимствований и стремится ввести его в рациональные рамки. Неологизмы, по мнению Фенелона, – это инструмент, способствующий избеганию двусмысленности.

Четвертый и пятый разделы «Письма в Академию» посвящены риторике и поэтике (*“Projet de Rhétorique”*; *“Projet de Poétique”*). В них автор развивает особенно дорогую его сердцу идею культурной памяти. В этих разделах в синтезированном виде представлена позиция Фенелона в споре

«древних и новых», которая была достаточно своеобразной и лишена крайностей, в которые склонялись обе стороны. Фенелон широко иллюстрирует свои суждения цитатами из древних – греческих и римских – авторов: Аристотеля, Платона, Демосфена, Цицерона, Квинтилиана, Лонгина, Тита Ливия, Овидия, Вергилия, Горация (творчество последнего станет особым предметом эпистолярного диалога с Ударом де Ла Моттом, что позволит впоследствии многим критикам сравнивать фенелоновское «Письмо» с «Посланием к Пизонам»³) и ряда других. Фенелон часто ссылается на Библию и отцов церкви, прославившихся своим красноречием: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Блаженного Августина. Привлекают его внимание и «новые» авторы – М. Монтень, П. Ронсар и Ф. Малерб, Н. Буало и Ж. Расин. В этом отношении из русских авторов – первопроходцев классицизма – к нему ближе В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков со своими эпистолами и теоретическими работами об отдельных жанрах. Фенелон ратует за умеренность в украшениях, за «простоту» и понятность возвышенного; ему близка идея поэзии как говорящей живописи, поэтому он вводит для большей иллюстративности своих рассуждений параллели с Рафаэлем и Тицианом. Остальные разделы посвящены одному из главных жанров французского классицизма – трагедии (хотя здесь Фенелон рассуждает и о драматургии вообще, и о комедии), а также проблемам создания исторических сочинений, которые вплоть до XIX века многие воспринимали как часть художественного творчества. Заключают «Письмо» разделы, в которых Фенелон отвечает на возможные упреки со стороны своих критиков и специально останавливается на проблеме «древних и новых», столь актуальной для его эпохи.

Отзвуки филологических идей Фенелона слышны в основных работах М. В. Ломоносова по реформе русского литературного языка и жанровой системы русской литературы XVIII века – в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке», «Риторике», в предисловии к «Российской грамматике». Предлагая реформу литературного языка и введение «трех стилей», Ломоносов так же стоял перед дилеммой старого и нового языка, как и Фенелон. Как и французский теоретик, устанавливая грамматические правила, он исходил из непосредственной языковой практики, считаясь с живым языком. Грамматика для него, как и прежде для Фенелона, а впоследствии – для Российской академии и Е. Р. Дашковой, должна была представлять необходимую норму. Любопытно, что у Фенелона так же можно найти идею «молодости» французской культуры, как у русских ав-

³ *Mazure A. Préface... P. IV.*

торов середины XVIII века, в том числе и Ломоносова, – о новизне российской. «Я заметил, – пишет Фенелон, – что у греков есть длительная традиция, которой у нас нет <...> У нас не сохранилось никаких впечатляющих памятников красноречия ни от наших древних парламентов, ни от наших древних собраний, ни от встреч знатных...» (р. 13–14). С другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что французский язык уже становится образцовым для многих других народов. Фенелон, как и более поздние теоретики французской словесности, ориентировался на ведущее место французского языка и культуры в тогдашней Европе: «Этот “Словарь” найдет разнообразные применения. Он послужит иностранцам, которые проявят любопытство к нашему языку и которые будут читать с пользой великолепные книги разных жанров, сочиненные во Франции» (р. 4). Ломоносов же сообщает с гордостью, что все качества универсального языка присущи русскому, который в его представлении становится общим в огромной многонациональной империи: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе», – пишет Ломоносов в начальных строках предисловия к «Российской грамматике»⁴. По его мнению, русский язык соперничает по своим качествам с другими языками больших европейских наций. Широко известны его слова о том, что в русском можно найти «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Реминисценцию на них можно найти в начале речи княгини Дашковой при открытии Российской академии:

«Государи мои!

Новый знак попечительного о нашем просвещении промысла всеавгустейшей нашей монархини – вина настоящего собрания. Содейтельница толиких наших благ дает новое отличное покровительство и российскому слову, толь многих языков повелителю. <...> Вам известны обширность и богатства языка нашего. На нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндара лира не теряют своего достоинства; тончайшие философические воображения, многообразные естественные свойства и премены, бывающие в сем видимом строении мира, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи...»⁵.

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 391.

⁵ Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 265.

Одно из главных сходств между филологическим мышлением Фенелона и Ломоносова – это прагматизм авторов. Здоровый смысл, рационализм – общая черта их взглядов. Как Фенелон за много лет до него, Ломоносов утверждает, что правила «должны быть, первое, кратки, чтобы, не отяготить памяти многим изусть учением <...>; второе, порядочны, для того, чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовлетворены примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений»⁶. Для русского ученого важен не только чисто филологический аспект упорядочения языка грамматикой, но ее применимость на практике людьми, далекими от литературы: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики»⁷. «Желательно, как мне кажется, присоединить к Словарю французскую грамматику: она во многом поможет иностранцам, которые затрудняются нашими неправильными фразами. Привычка говорить на нашем языке мешает нам почувствовать, что именно препятствует им. Однако большая часть французов имела бы необходимость время от времени считаться с этими правилами: ведь они выучились своему языку лишь в употреблении, а употребление везде имеет свои недостатки» (р. 5), – писал Фенелон во второй части «Письма», посвященной необходимости создания грамматики.

Трудно сказать, насколько Ломоносов был знаком с филологическими идеями Фенелона. Установлено, что ему был известен ряд французских авторов, среди которых Ш. Роллен и Ф. Лами, а также он читал грамматику Пор-Рояля. Вполне вероятно, что хотя бы частью тезисы Фенелона дошли до Ломоносова через немецкое посредство; один из возможных посредников – И. К. Готтшед, который оказал значительное влияние на формирование поэтики и филологических интересов Ломоносова⁸. Однако схожие задачи в области кодификации национального языка и литературы, к решению которых каждый из них в свое время был причастен, позволяют проводить сравнение между их взглядами. Многие идеи Фенелона в области риторики и поэтики, которые имеют аналогию в творчестве других представителей русского классицизма, более близких к французской культуре, какими были Тредиаковский и Сумароков, а также деятельность Академии Российской по составлению Словаря и изданию русских текстов, как древ-

⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 93–94.

⁷ Там же. С. 392.

⁸ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 307, 312.

них, так и современных, позволяют поставить вопрос о судьбе взглядов этого влиятельного автора в России XVIII века, которая далеко не исчерпывается популярностью «Приключений Телемака» и трактата «О воспитании девиц».

Сходство с «организационными» идеями французского мыслителя можно увидеть также в письмах Ломоносова, посвященных деятельности Академии наук. Многие из высказанных положений, в свою очередь, получили воплощение в документах Российской академии.

Организация работы над Словарем Академии Российской: разделение сотрудников на нескольких «отрядов» (Объяснительный, Грамматикальный, Издательный; Словопроизводный и Технический)⁹, выбор в сотрудники знающих людей «со вкусом», которые были лицом тогдашней русской литературы, культуры и науки; ориентация не только на книжный язык, но и на живую речь, в т. ч. и областную (хотя и в ограниченном количестве), на язык различных профессиональных кругов; интерес к семантическим оттенкам лексем, – все это может свидетельствовать о внимании к филологическому наследию Фенелона, положенному в основу деятельности Французской академии в начале XVIII века. Умеренные пуристические установки Российской академии, сформулированные Н. Я. Озерецковским, потребовавшим исключения лишь слов «без нужды введенных» и оставления «уже получивших права гражданства», может быть, и были результатом здравого разума¹⁰, но подобная позиция, как мы уже видели, содержится в «Письме» Фенелона.

Собирание и изучение истории и памятников старины как важнейшие задачи, которые ставила перед собой Российская академия, также имеют аналогию с теми задачами, которые поставил перед Французской академией за семьдесят лет перед тем Фенелон.

Таким образом, сочетание национальной филологической традиции, символом которой для членов Академии Российской и, в первую очередь, для ее основательницы, княгини Е. Р. Дашковой, стало наследие М. В. Ломоносова, и французской, получившей значение универсального образца, одним из символов которой был Франсуа де Ла Мот Салиньяк де Фенелон, обеспечило конечный успех, несмотря на все трудности, которые встретились российским академикам на пути к составлению первого академического Словаря.

⁹ Файнштейн М. Ш. Е. Р. Дашкова и «Словарь Академии Российской» (1783–1794) // Е. Р. Дашкова: личность и эпоха. М., 2003. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 65.

**ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
«СЛОВАРЯ АКАДЕМИИ ФРАНЦУЗСКОЙ»
В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ» (1789–1794)**

Е. А. Захарова

Европейские научные сообщества XVI–XVIII веков организовывались прежде всего с гуманитарной, филологической целью – установить общеупотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку практически во всех сферах жизни и деятельности людей (государственно-административной, политической, экономической), во всех жанрах литературы. Национальные языки в период формирования отличались пестротой и хаотичностью, особенно в отношении лексического состава. Подобное состояние языка становилось социальной проблемой. По причине литературной неформленности национальных языков европейские ученые стойко придерживались традиции и писали свои сочинения на латинском языке, что препятствовало распространению знания и тормозило развитие самой науки, ограниченной кругом людей, знающих латынь. Дальнейшее развитие науки требовало перехода ее на живые, *развивающиеся* языки.

Таким образом, перед академиями стояла задача очистить язык от всего, что нарушает его красоту и ясность, выработать языковую норму для общего употребления и тем самым способствовать переходу науки на национальные языки¹.

¹ Идея очищения присутствует в самом названии одной из первых академий, образованной во Флоренции в 1582 году – Accademia della crusca (Академия отрубей).

Обращение к лексикографическому жанру с целью упорядочения языка следует признать выдающимся и дальновидным решением первых европейских академических сообществ, по образцу которых создавалась Академия Российская.

Именно для сочинения словаря, грамматики, риторики и поэтики «славено-российского» языка была учреждена в октябре 1783 года Академия Российская.

В одной из бесед с императрицей, рассуждая о красоте и богатстве русского языка, для очищения которого «так не хватает правил и хорошего словаря», Дашкова заметила, что ничего не может быть легче, как исполнить это намерение, потому что существует много различных *образцов*².

В основу концепции Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. (далее – САР¹) положена идея очищения и упорядочения языка. Но в данном случае концептуальное сходство не является результатом влияния европейских академических словарей, оно, скорее, вызвано сходством языковых ситуаций, сложившихся в национальных языках на определенном этапе их развития. Необходимость регламентации языкового употребления ощущалась и обсуждалась образованной частью российского общества с начала петровских реформ. Однако в том, что решение этой проблемы изначально (с петровского периода) предполагалось осуществить посредством словаря, безусловно, сказывается влияние опыта европейских академий. Р. А. Будагов пишет: «Упорядочение языка тогда мыслилось как бы через словарь, с помощью словаря. Такое понимание было обусловлено господствующей тогда концепцией, согласно которой язык – это совокупность слов и только слов»³.

Создание словарей, особенно таких, какими являлись первые академические словари национальных языков, имело большое общекультурное и научное значение. Решая задачу нормирования языкового употребления, составители приводили в порядок лексическую систему, касаясь практически всех уровней языка: фонетики, орфографии, морфологии, стилистики, синтаксиса.

Самым авторитетным европейским словарем был Словарь Французской академии (*Dictionnaire de l'Académie Française*). Ко времени учреждения Академии Российской вышло 4-е его издание. О его популярности в России говорит тот факт, что на протяжении XVIII века словарь трижды издавался с русским переводом. Первую попытку осуществляло «Общест-

² Дашкова Е. Р. Записки // Дашкова Е. Р. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1987. С. 160.

³ Будагов Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989. С. 11.

во, старающееся о переводе иностранных книг». В 1773 году была напечатана часть на букву «А» в переводе С. И. Волкова под названием «Словарь Французскою Академиею сочиненный и четвертым тиснением изданный в Париже 1762 года». Спустя 13 лет, в 1786 году, вышел «Полный французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный собранием ученых людей». Он состоял из четырех частей, объединенных в два тома. В 1798 году появляется второе его издание, «рачительнейше сличенное с французским оригиналом, исправленное и дополненное статским советником И. Татищевым».

К XVIII веку французский язык был самым разработанным и совершенным из европейских языков. Этому, прежде всего, способствовали творчество писателей, среди которых бесспорный приоритет в литературной обработке языка отдается Корнелю, Расину и Мольеру, и теоретические работы литераторов и филологов XVI–XVIII вв., авторов грамматик и риторик. Существенную роль в деле исследования и кодификации языка сыграла Французская академия (*Académie Française*), образованная в 1635 году под патронатом кардинала Ришелье и зарегистрированная актом Парижского парламента в 1637 году.

Языкознание во Франции успешно развивалось с начала XVI века. «Синтаксические особенности разговорного и письменного языка и слога разработаны подробно очень издавна, – писал И. И. Срезневский, – труды Этьеня (P. Etienne) вышли еще в половине XVI века; труды Фабра де Вожла (Cl. Fabre de Vaugelas) в половине XVII века. Едва ли грамматика какого языка выработала и вырабатывает свои вопросы с таким успехом, как Французская»⁴.

Французская академия проводила языковую политику, следуя двум требованиям к литературному языку, выдвинутым Малербом (1555–1628), – ясности и правильности. В стенах академии это направление развивал Вожла (1585–1650), опубликовавший в 1647 году свои «*Remarques sur la langue françoise*». Он разделяет языковое употребление на дурное (большинства) и хорошее (избранных), к последним он относит лучшую часть придворных и лучших современных писателей. По теории Вожла, из литературного языка исключается все, не соответствующее изящному вкусу. Существенное сокращение лексического состава литературного языка требовало от писателей большого искусства в передаче сложных и тончайших оттенков мысли, вынуждало к кропотливой работе над стилем. Усилия пуристов и словообразовательные особенности французского языка

⁴ Срезневский И. И. О французских словарях по поводу словаря А. П. Поатвеня. СПб., 1860. С. 4.

способствовали тому, что его лексика утратила конкретность, окрашенность, красочность, сочность и обрела отточенность, силу, рациональность и абстрактность⁵. А. Доза в «Истории французского языка» пишет: «XVII век, поклонник порядка и дисциплины, стремится к стабилизации, упорядочению и очищению языка. Он решительно освобождает язык от всего ненужного, запрещает архаизмы, специальные, провинциальные, просторечные и грубые слова, стремится придать языку интеллектуальный и рациональный характер и устанавливает нормы для обретающихся еще в хаотическом состоянии морфологии и синтаксиса»⁶.

Достигнув высокой степени совершенства, французский язык получил широкое распространение за пределами Франции, он становится международным языком политики, науки и культуры. Так, немец Лейбниц писал научные трактаты на латыни и французском; русские переводчики XVIII века предпочитали делать переводы немецких и английских авторов не с языка оригинала, а с французских переводов. Проблема совершенства языка была одной из актуальнейших на протяжении всего XVIII века. Яков Козельский в этой связи замечает: «А что некоторые рассуждают о лучшей приятности французского языка пред другими, думая, будто бы она ему натуральна, то это делается от незнания свойства, происхождения и возвращения языков. Нет на свете такого языка, коего бы не можно было столько ж сделать приятным, как французский, ежели только ввести в него столько ж наук, художеств, мод и страстей, как во французском»⁷.

Ученые и писатели объединялись в научные сообщества для совместной работы по совершенствованию языка, таким образом, лексикографическое сочинение становилось плодом коллективного труда. Словарь Французской академии – труд коллективный. В Предисловии к четвертому изданию его составители пишут: “S’il y a quelque ouvrage qui doit être exécuté par une Compagnie, c’est le Dictionnaire d’une Langue vivante”⁸ (Ежели есть какое сочинение, которое обществом сложено быть долженствует, то конечно оно есть словарь живаго языка⁹).

В Полном собрании законов Российской империи под 1783 годом в связи с учреждением Российской Академии читаем: «Как такового рода

⁵ Сергеевский М. В. История французского языка. М., 1947. С. 167, 168.

⁶ Доза А. История французского языка. М., 2006. С. 19.

⁷ Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные... Яковом Козельским. СПб., 1768. С. 210.

⁸ Dictionnaire de l’Académie Française. Paris 1762. V. I. Preface.

⁹ Словарь Французскою Академиею сочиненный и четвертым тиснением изданный в Париже 1762 года. СПб., 1773. Предисловие.

книги (российская грамматика, российский словарь, риторика и правила стихотворения. – *Е. 3.*) не могут сочинены быть одним человеком, то и нужно общество»¹⁰. Академия Российская предпринимает коллективный труд, прежде всего, как и французская, по созданию словаря. Готовится и утверждается проект будущего словаря, в соответствии с которым ведется дальнейшая составительская и издательская работа. Все подготовленные материалы обязательно обсуждаются на ученых заседаниях или собраниях. Члены академии подают свои «примечания» на составленные листы словаря.

В первую очередь утверждаются «пособия» для выборки слов. Среди них основное место отводится словарям XVII и XVIII веков, печатным и рукописным.

Русская лексикография XVIII века развивалась стремительно. Так как особенно ощущалась потребность в переводных словарях, то они создавались в большом количестве. За основу, как правило, брался авторитетный иностранный словарь. В этом отношении составители САР¹ продолжают традицию века, избрав для своей работы в качестве образца французский академический словарь. Но здесь есть весьма существенное отличие от предыдущей лексикографической практики. Составители предшествующих словарей (в большинстве своем дву- и многоязычных) использовали преимущественно материал словаря, который брался за образец или служил источником перевода. Использовалась реестровая или объяснительная его часть, или та и другая, в зависимости от задачи, поставленной автором. Составителей САР¹ во французском образце прежде всего интересовала лингвистическая и лексикографическая сторона – объем научно-лингвистической информации и способы ее представления в словаре. Авторы САР¹ располагали, к сожалению, лишь двумя теоретическими пособиями по русскому языку – «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова и рукописью раздела о частях речи из «Российской грамматики» А. А. Барсова. Вследствие этого составители САР¹ были вынуждены искать решение проблем лингвистического характера на страницах Словаря Французской Академии и использовать опыт французских коллег. В Предисловии к первому тому САР¹ его авторы пишут, что именно Словарь «откроет непосредственно правила к утверждению его (языка. – *Е. 3.*) нужные, и послужит к приведению в совершенство всех частей наук словесных; ибо не правила язык раждают, но из употребления онаго извлекаются правила»¹¹.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXI. СПб., 1830. С. 1024.

¹¹ Словарь Академии Российской. Т. I. СПб., 1789. Предисловие. С. VI.

Первое издание Словаря Французской академии, вышедшее в 1694 году, вызвало серьезные нарекания в адрес Академии из-за неудобства пользования словарем: «долгожданное первое издание словаря Академии принесло разочарование: расположение слов по этимологическим гнездам делало пользование им неудобным; кроме того, многие слова были из него произвольно выброшены, а определения были часто неясны, туманны и даже неверны»¹².

Оживленное обсуждение вызвал вопрос о порядке расположения слов в словаре и в Академии Российской. В «Начертании для составления толкового словаря Славяно-Российского языка» – проекте САР¹, подготовленном «отрядом» из пяти человек (Д. И. Фонвизин, Н. В. Леонтьев, С. Я. Румовский, И. И. Лепехин, возглавлял работу митрополит Гавриил), предлагалась гнездовая порядок.

Самый строгий из критиков в академической среде – так характеризует его М. И. Сухомлинов – Иван Никитич Болтин, отсутствовавший на заседании, когда принимался проект, представил в Академию ряд замечаний, которые были приняты на заседании 30 января 1784 года. По одному из них, касающемуся порядка расположения словника, решение не было принято. Фонвизин отстаивает этимологический порядок в Словаре: «Главнейшее *примечание* осталось, как слышу, без решения, то есть: расположить словарь аналогическим ли порядком, или этимологическим? Резоны против начертания кажутся мне нимало не основательны. ... Г. сочинитель *примечаний* говорит, что “в этимологическом лексиконе, нашед *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь в ней слово, как по прочтении ее с начала до конца”. Сие *иногда* случается не реже и с лексиконом аналогическим; но и в том, и в другом нет конечно нужды читать страницу с начала до конца, а надобно ее обозреть, потому что не в естестве вещей в один миг попадать глазами на искомое слово. Что же надлежит до первого издания лексикона французской академии, который был этимологический, то конечно неудобности его были весьма велики, ибо не было при нем той таблицы, которая все неудобства отвращает и которая будет при нашем словаре. Впрочем, я то знаю, что из словаря этимологического шестьдесят подъячих в один год сделают словарь аналогический, а из словаря аналогического шестьдесят членов российской академии ни в пять лет не сделают словаря этимологического»¹³.

¹² Доза А. История... С. 23.

¹³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1887. Т. VII. С. 17–18.

На заседании Академии 12 марта 1784 года победили сторонники этимологического, словопроизводного способа расположения слов, приведя следующую аргументацию: «Сей порядок весьма полезен для определения языка; ибо чрез оный открывается первообразность, происхождение и сложение»¹⁴.

Таким образом, избрав словопроизводный порядок расположения словника, наши академики получили возможность представить лексику русского языка в системе и исследовать ее так же, как это делали их французские предшественники при описании лексики французского языка. Л. Л. Кутина пишет: «Сами члены Академии прекрасно осознавали, как много дает для решения вопросов, связанных с семантикой, этимологический тип словаря», — приводя в качестве основного довода возможность обнаружить и объяснить свойства языка, все смысловые отклонения производных слов от «знаменования» коренного слова¹⁵.

Французская академия отказалась от этимологического словорасположения во втором издании своего словаря, появившемся в 1718 году, и во всех последующих. В Предисловии к первому тому САР¹ сделана следующая оговорка: «Порядок сей *на первый случай* (курсив мой. — Е. З.) признала Академия к утверждению языка необходимо нужным; ибо чрез оный корень, сила, различное в разных случаях употребление, сложность, уклонение или прехождение в другой смысл, преносительность, и иносказательность слов и зависящих от них речей, в одном толкуются и объясняются месте»¹⁶.

Приняв словопроизводный порядок расположения словника по примеру первого издания французского словаря и учитывая неудобство такого расположения слов для читателя (в первом издании Словаря Французской академии гнездовые слова выносятся в словник с отсылкой на корневое слово, под которым они разработаны), наши академики «по примеру Целляриева лексикона» приложили к каждому тому «роспись всем словам и речениям по чину азбучному, с означением столбцов, на котором какое слово находится»¹⁷.

Другой важной проблемой для обеих академий был состав словника. Именно состав словника Словаря Французской академии подвергся наи-

¹⁴ Начертание для составления толкового Словаря Словяно-Российского языка // *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1880. Т. V.

¹⁵ *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // *Словари и словарное дело в России XVIII в.* Л., 1980. С. 79.

¹⁶ *Словарь Академии Российской.* Т. 1. С. X.

¹⁷ Там же. С. XI.

большей критике как современниками, так и исследователями истории французского языка. И. И. Срезневский писал: «Трудность соглашения мнений, почти неизбежная при всякой общей академической работе, должна была вести к тому, чтобы Словарь Французской Академии был только выбором того, что невозможно отвергнуть». К архаизмам, равно как и к неологизмам, а также словам провинциальным и иностранным академия «была очень строга, как будто воображая, что чего она не примет в состав своего словаря, того не останется и в самом языке»¹⁸.

В отборе слов, их написании, грамматической и стилистической характеристике, показе синтаксической сочетаемости, в семантической разработке слов и в иллюстрациях Словарь Французской академии ориентируется на «*bel usage*» – языковое употребление, принятое в аристократических кругах и у лучших писателей.

Проект САР¹ в части, касающейся словника, утверждает те же принципы строгого отбора¹⁹.

Статья 1-я

О выборе слов и речений, долженствующих войти в Толковый Словарь Славяно-Российского языка.

не должны иметь в Словаре места

1-е Собственные имена людей, городов, морей и проч.

В Предисловии к первому тому САР¹ это положение объясняется и уточняется: «Исключить все те слова, кои к составлению языка не способны, куда относятся собственные имена людей, земель, городов, морей, рек, озер и проч.».

2-е Все те названия технических наук, художеств и ремесел, кои, не находясь в собственном употреблении, мало известны, и одним только ученым, художникам и ремесленникам сведомы (т. е. слова специальные. – Е. 3.).

В САР¹ специальная лексика представлена значительно шире, чем это было предусмотрено проектом.

3-е Все неблагопристойные слова и речения (т. е. грубые слова. – Е. 3.).

4-е Все те иностранные слова, кои не вошли еще в такое употребление, чтоб объяснение их в Российском Словаре необходимо было нужно.

¹⁸ Срезневский И. И. О французских словарях... С. 7, 8.

¹⁹ Начертание... С. 305.

Следует отметить, что самые жесткие ограничения коснулись именно заимствованной лексики, в Предисловии четко оговариваются конкретные группы заимствований, включаемых в Словарь: исключаются «все иностранные слова введенные без нужды, и которым равносильныя Славенския или Российския находятся; удерживая токмо (I) названия Еврейския и Греческия в священных книгах принятыя, которыя во всех языках Христианских известны, и употребительны как между просвещенным, так и между простым народом, и не терпят никакого преложения. (II) Названия властей, степеней, достоинств, чинов, званий в новейшия времена введенных, которыя яко изреченныя законом без всякой перемены внесены в Словарь наш. (III) Названия произведений как естественных так и художественных отъинова привозимых, которым по общему праву всех языков дано место и в нашем Словаре».

5-е Провинциальные неизвестные в столицах слова и речения не должны иметь в Словаре места. Из сего правила исключаются те провинциальные слова и речения, кои силою и красотою могут служить к обогащению Российского языка.

Возражая на предложение И. Н. Болтина включать в Словарь имена собственные и географические названия, Д. И. Фонвизин в упоминавшемся выше письме к О. П. Козодавлеву о плане российского словаря пишет: «Г. сочинитель *примечаний* говорит, что знание положения земель весьма полезно. Без сомнения; но я уверен, что он также признает полезным и знание грамматики: следует ли же из того, чтоб в географию заехала грамматика, а в грамматику география? Мне кажется, всякая вещь должна быть в своем месте. Всего бы лучше держаться и в сем случае лексикона французской академии»²⁰.

Следует сказать, что издания Словаря Французской академии 1740 и особенно 1762 гг. существенно расширили свой словник, частично включив лексику отвергаемых ранее пластов. О французском языке этого периода А. Доза говорит: «XVIII век продолжает дело своего предшественника; но неологизмы теперь снова в чести, снова проникают в язык специальные термины, и появляются заимствования в виде англицизмов»²¹. Эта ситуация нашла отражение в четвертом издании Словаря, в которое во множестве вошли термины наук, искусств, ремесел, промышленности, охватывая лексика практически всех отраслей знания и деятельности. CAP¹ в части состава словника также отстает от первоначального замысла и достаточ-

²⁰ Сухомлинов М. И. История... Вып. VII. С. 17.

²¹ Доза А. История... С. 19.

но широко вводит просторечные, областные, специальные слова и выражения.

В статье «Способ, коим работа толкового словаря словяно-российского языка скорее и удобнее производиться может», приписываемой Болтину, находим следующую рекомендацию: «Остается сделать положение, относительно до технических названий. Довольно, если в Российском Словаре будет оных столько, сколько, например, в Лексиконе Французской Академии. Но как наша Академия никаких материалов к составлению технических названий, сколько известно, не имеет, и оным аналогической таблицы сделать не из чего, то наилучший способ к собранию их состоит, кажется, в том, чтоб поручить двум или трем из господ членов выписывание таковых названий из Лексикона Французской Академии на особенных листах»²².

По вопросу о включении специальной лексики в САР¹ на собраниях Академии высказывались разные мнения. Первоначально было принято предложение Болтина о включении в Словарь всех без изъятия «названий в науках, художествах и ремеслах употребительных». По мнению Болтина, Словарь должен был служить и справочником, позволяющим читателю узнать значения слов, которые «единственно ученым и художникам известны». Но, приступив к практическому осуществлению замысла, академики очень скоро осознали невозможность его воплощения в Словаре, и чтобы «не увеличивать словарь помещением названий большей частью иностранных» приняли решение «внести в словарь только такие названия, учеными, художниками и ремесленниками употребляемые, которые суть прямо русския или вновь по российскому корню составленные и ясно вещи выражающия».

В соответствии с «Начертанием» (пункт 2-й, статья 1-ая), «названия технические наук, художеств и ремесел», которые не находятся в «собственном употреблении», не должны иметь места в Словаре. В предисловии к первому тому САР¹ отражена практика введения в Словарь специальной лексики: исключены «слова и речения Наук и Художеств, которые не входят в общее употребление, но единственно ученым и художникам известны, изъемя из сего однако же естественныя в России произведения, имеющия особливья названия, которые большею частию суть народныя»²³.

²² Способ, коим работа толкового словаря словяно-российского языка скорее и удобнее производиться может // П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1880. С. 314.

²³ Словарь Академии Российской. С. IX.

По подсчетам В. В. Замковой, «специальная лексика в САР составляет около семи с половиной процентов всей его лексики. Большая часть – это научная терминология и номенклатура – около 60%, лексика ремесел – около 6%, лексика промыслов – около 9%, остальные 25% специальной лексики в САР¹ падают на долю промышленно-хозяйственной (торговой, финансовой, военной, морской и пр.), бытовой (кулинарной, спортивной, картежной и пр.), культовой специальной лексики»²⁴.

Широко включая в свой состав специальную лексику, Словарь французской академии снабжает ее специальными ремарками, указывающими на ее принадлежность к той или иной подсистеме языка. Указания на функциональную сферу получают не только отдельные слова, но словосочетания и специальные значения многозначного слова.

По примеру французского словаря, САР¹ достаточно последовательно снабжает специальную лексику, словосочетания и специальные значения многозначных слов аналогичными пометами.

В САР¹ оказалась наиболее широко представленной естественнонаучная лексика и терминология, что же касается лексики искусств и художеств, то она дана фрагментарно, значительно беднее, чем во французском словаре, несмотря на частотность ее употребления в русских текстах XVIII века. Музыкальная терминология в Словаре Французской академии представлена значительно полнее, чем в САР¹, где, например, отсутствуют слова, обозначающие знаки альтерации, музыкальные темпы, оттенки исполнения и т. п. Осталась за пределами САР¹ также значительная часть лексики архитектуры, скульптуры и живописи иноязычного происхождения, уже достаточно хорошо освоенная русским употреблением. Это положение, прежде всего, объясняется преобладанием естественнонаучных интересов у составителей Словаря, среди которых были математики, химики, физики, врачи, священники, литераторы и отсутствовали деятели искусства.

Главным в толковом словаре является семантическая разработка слова, определение его значений. Влияние Словаря Французской академии, по замечанию М. И. Сухомлинова, ярко обнаруживается в САР¹ «и во взгляде на главную цель и значение словаря, и в определении слов, и выборе примеров, и в литературных понятиях вообще»²⁵. Сухомлинов приводит целый ряд примеров совпадения определений в двух словарях, количество которых можно при желании значительно увеличить. Но для нас важно не сов-

²⁴ Замкова В. В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской (Лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 90.

²⁵ Сухомлинов М. И. История... Вып. VIII. С. 165.

падение отдельных определений и не количество этих совпадений. Существенным является принятие составителями САР¹ *основных принципов семантической характеристики слова*, разработанных и примененных авторами Словаря Французской академии. Это, прежде всего, соотношение так называемых «уклонений», или производных значений многозначного слова с основным значением. Вслед за Словарем Французской академии САР¹ регулярно отмечает метафорические, переносные значения слов (то, что во французском словаре имеет помету «фигурально»); определяются значения слов, реализуемые в определенных контекстах; специальными пометами или пояснениями отмечается сфера функционирования слова в определенном значении.

Основные типы определений, используемых в САР¹, были давно известны отечественной лексикографии. Самым распространенным было толкование через синонимы или эквиваленты, реже использовались описательные толкования, в особых случаях требовались толкования энциклопедические.

Совершенно новыми для нашей лексикографии явились типовые словообразовательные толкования. Этот вид толкований регулярно встречается в Словаре Французской академии (особенно в первом издании). В САР¹ типовых словообразовательных определений значительно больше в силу свойств словопроизводности, характерных для русского языка.

Кроме типовых определений вслед за Словарем Французской академии в САР¹ часто встречаются определения смешанного типа: словообразовательные определения в сочетании с синонимами или эквивалентами, а также синонимические определения с последующим описательным толкованием.

В качестве иллюстраций в Словаре Французской академии регулярно используются примеры употребления слова, придуманные самими авторами словаря. Отдельные слова или значения даются в словаре без примеров. Значительно реже значения подтверждаются цитатами из сочинений самых известных авторов. Составители САР¹ приняли тот же способ иллюстрирования. Основная масса значений слов подтверждается примерами, составленными авторами словаря.

Высказывалось предложение: «для большего совершенства словаря и точнейшего утверждения знаменования слов и речений прибавлять столько примеров, сколько есть случаев, в каких определяемое слово употребляться может, – в чем главнейшее совершенство состоит Словаря Французской

академии». Предложение это было отклонено на том основании, что «свойство языка русского от французского далеко отстоит»²⁶.

Первое издание Словаря Французской академии подготавливалось 60 лет. Французская академия в процессе работы над словарем создала *законы жанра* нормативного толкового словаря. С точностью и ясностью, свойственными французам, была разработана структура словарной статьи, четкие требования к описанию словарного слова. Составители САР¹, всегда помня о том, что «свойство языка русского от французского далеко отстоит», талантливо и разумно использовали опыт Французской академии в новом для русской лексикографии деле – составлении нормативного толкового словаря русского языка.

²⁶ Сухомлинов М. И. История... Вып. VIII. С. 163.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О СЛОВЕ «СЛАВЕНСКИЙ»

У М. В. ЛОМОНОСОВА

С. С. Волков

При изучении дискурса любой творческой личности (а речь в статье пойдет о идиолекте выдающегося человека) особый интерес всегда вызывают частотные, отличающиеся обычно большим семантическим объемом, развитой образностью и богатой гаммой разнообразных, иногда с трудом уловимых современным исследователем коннотаций (идеологических, социальных, культурных и пр.) лексические единицы, являющиеся своеобразными символами, маркерами времени, а иногда и своеобразными сигналами, посылаемыми от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. В этой функции (уже как элементы лексической системы языка) они, перемещаясь из одного группового диалекта в другой и обогащая свою семантику результатами новых конкретных реализаций, в пределах широко понимаемой синхронии, связывают воедино системы словоупотребления разных людей, разные личностные и групповые взаимодействия (в т. ч. соревнование и полемику разных школ, групп и литературных направлений), а с диахронической точки зрения – исторически разные культурные контексты применения слова и даже разные языковые состояния.

Традиционно считается, что указанными выше особенностями характеризуются только имена существительные. Однако семантическая история прилагательных, особенно в динамическом аспекте или в идиолекте творческой личности, не менее интересна (ср., например, заметки В. В. Вино-

градова о прилагательных *высокий, низкий, важный, сильный* в стилистической теории М. В. Ломоносова¹). Поэтому в качестве объекта исследования возьмем прилагательное *славенский*: такой выбор нельзя оценивать как случайный, так как это слово отягощено многочисленными коннотациями и, кроме того, входит в состав частотных субстантивных словосочетаний, отличающихся высокой степенью устойчивости. В связи с этим задачей настоящей статьи станет рассмотрение системы употреблений этого слова в текстах и документах М. В. Ломоносова. Это представляется актуальным по нескольким причинам. Во-первых, история этого слова на протяжении всего XVIII века тесно связана с деятельностью первых русских филологов. Во-вторых, анализ «следов былых применений» (В. В. Виноградов) слова *славенский* в наиболее употребительных сочетаниях *славенский язык, славенский диалект, славенский народ, славенское племя* и пр. позволит еще раз эксплицировать линию «ломоносовский период» – «период Ломоносова» – «период деятельности редакции “Словаря Академии Российской”». В-третьих, стоит вспомнить один важный, но незаслуженно пропущенный «круглый» юбилей: в 2008 году исполнилось 190 лет со дня принятия т.н. «нового» или «второго» академического устава (подготовлен при энергичном участии А.С. Шишкова), призывавшего членов Академии к активному изучению славянского мира и славянских языков². В-четвертых, и это, возможно, самое главное, «лингвобиографическое» научное описание слова, т. е. рассмотрение слова в пределах идиолекта личности на фоне ее биографии, будет весьма полезно для составления «Словаря языка М. В. Ломоносова», работа над которым ведется в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), и, надеемся, для других авторских словарей. Материалом для статьи послужил массив употреблений слова в электронной текстотеке, созданной на основе академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова в 11-ти томах³ (далее – АПСС).

1. Начнем с краткого формально-статистического очерка имеющегося материала. Для этого мы обработали с помощью специальной программы поиска слов весь электронный корпус текстов Ломоносова, подготовленный при участии автора в ИЛИ РАН. Результаты запросов показывают, что

¹ Виноградов В. В. Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 220–221.

² См.: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л., 1986. С. 49–58; Файнштейн М. Ш. «Усовершенить и возвеличить слово наше...» (Словарное дело Российской Академии 1783–1841). СПб., 1994. С. 40–41.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1983.

прилагательное *славенский* является, безусловно, статистически доминирующим полнозначным словом, так как получены сведения о 249 его словоформах. Оно фактически уступает по употребительности среди знаменательных слов только некоторым естественнонаучным терминам. Для примера укажем, что такое любимое М. В. Ломоносовым слово, как *атмосфера*, имеет меньшую употребительность – 242 словоупотребления; *тягость* – 228 употреблений, а *барометр* – только 68 употреблений. Укажем здесь же на 2 употреблений в текстах М. В. Ломоносова производного наречия *по-славенски* (только в одном тексте – «Примечаниях на предложение о множественном окончании прилагательных имен», написанных Ломоносовым в 1746 году). Предвидя вопросы, отметим, что вариант *славянский* отсутствует, при этом у М. В. Ломоносова *славянин*, *славяне*, но *славенский*: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным»⁴. Также и у других современников Ломоносова, например, у Г. Ф. Миллера (перевод на русский язык В. И. Лебедева): «Прадеды ваши, почтеннейшие слушатели, от славных своих дел в древния времена славянами назывались», и в этом же абзаце: «нет ни одного тех времен историка, который бы прежде Юстиниана императора упоминал о народе славенском»⁵. Полностью отсутствует в текстах Ломоносова характерный для памятников письменности предшествующего периода (см. данные «Словаря русского языка XI–XVII веков»⁶) вариант *словенский*, отдельные употребления которого еще встречаются в первой трети XVIII века, например, в «Лексиконе треязычном» Ф. П. Поликарпова⁷ и у В. Н. Татищева: «У нас во многия слова гласныя буквы против словенскаго в середине прибавили, яко пишут: голод, мороз, город»⁸.

Лексема *славенский* представлена в текстах Ломоносова как в формах единственного числа (169 форм, что составляет 68% от общего количества), так и в формах множественного числа (80 форм, т. е. 32%). Оно входит

⁴ Ломоносов М. В. Репорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л. 1952. Т. 6. С. 22.

⁵ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского... в публичном собрании Академии Наук сентября 6 дня 1749 года изъясненное Г. Ф. Миллером // Фомин В. В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 373.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 2000. Вып. 25. С. 95.

⁷ Поликарпов Ф. П. Лексикон треязычный. М., 1704. С. 99.

⁸ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 94.

в атрибутивные словосочетания с существительными мужского (57%), среднего (34%) и женского рода (9%). Среди падежных форм преобладают флексии родительного падежа – 104 (41,8%), далее, по убыванию, следуют формы именительного падежа – 57 (23%), творительного падежа – 29 (11,6%), предложного падежа – 29 (11,6%), винительного падежа – 17 (6,8%); в т.ч. в функции прямого объекта – 12), дательного падежа – 14 (5,6%). Форм звательного падежа в текстах М. В. Ломоносова обнаружить не удалось.

В отношении распределения слова *славенский* по разным текстам М. В. Ломоносова можно сделать следующие наблюдения. Оно не представлено: 1) в естественнонаучных произведениях М. В. Ломоносова, его трудах по астрономии и навигации, научных записках и лабораторных журналах (I–IV тома АПСС); 2) в сочинениях Ломоносова по геологии и минералогии (V том АПСС); 3) в трудах по географии 1763–1765 годов; 4) в обширной личной и научной переписке М. В. Ломоносова (IX–X тома АПСС)⁹. В официальных и деловых (рапорты, проекты, представления, перечни, промемории, прошения, аттестаты и пр.) документах и бумагах М. В. Ломоносова удалось отметить только три употребления, из них 2 – в «Отзыве о “Русской грамматике” А.-Л. Шлёцера» (август 1764 года). Таким образом, большинство словоупотреблений прилагательного *славенский* сконцентрированы в трудах М. В. Ломоносова по истории и филологии (соответственно, VI и VII тома АПСС). Важно и то, что это слово в составе ряда сочетаний – неотъемлемая часть этих текстов и существенная их черта. Что касается поэзии и ораторской прозы (VIII том АПСС), то в этой группе текстов отмечено только одно употребление слова *славенский* – в тексте торжественной оды в честь победы русских войск над шведами при Вильманстранде 23 августа 1741 года: «За нами пушки, весь припас, // Прислал что сам Стокгольм про нас: // Дает подарок нам в неволю. <...> Подумать было кратко время; // В момент Славенско храбро племя // Успело твой отпор поправить»¹⁰; потенциал поэтического образа слово *славенский* только начинает приобретать.

Следует отдельно сказать об употреблении прилагательного *славенский* в отдельных текстах и документах М. В. Ломоносова. Среди текстов

⁹ Язык писем М. В. Ломоносова: материалы для словаря. Казань, 2007. С. 131–132.

¹⁰ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийского, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорского Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от... Михаила Ломоносова // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 49.

по русской истории первое место по количеству употреблений занимает, безусловно, «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1753–1758), первое печатное издание, посвященное русской истории, написанное на русском языке и опубликованное в России. Указанный источник содержит 98 употреблений. На втором месте по количеству словоформ стоит группа из 4 текстов, условно называемая «Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера» (1749–1750 гг.) – 61 словоупотребление. В этих текстах отметим употребление слова *неславенский* в сочетании *неславенское имя*: «Имена князей, которые пришли от варягов, признает <Г. Ф. Миллер. – С. В.> за неславенские, не зная того, что Осколд речение есть славенское и значит обоюдный топор»¹¹.

Среди филологических трудов М. В. Ломоносова по употребительности первое место занимает, конечно, «Российская грамматика» (1754–1755) – 27 употреблений, в том числе 2 употребления в составе словосочетания *славенская грамматика*, т. е. грамматика славенского языка Мелетия Смотрицкого. Всего же книга М. Смотрицкого упоминается в доступных для электронной выборки текстах М. В. Ломоносова 5 раз, притом 2 раза упоминания носят полемический характер, и оба раза касаются непосредственно славенского языка.

Почетное второе место среди филологических текстов М. В. Ломоносова занимает один из самых известных и цитируемых текстов – «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758) – 23 употребления. Заметим в заключение, поскольку этот текст был нами упомянут выше, что в корпусе черновых рукописей М. В. Ломоносова, объединяемых обычно под названием «Материалы к Российской грамматике», содержится 16 употреблений рассматриваемого слова. Итак, перечисленные тексты содержат 224 словоформы *славенский*, что составляет 90%.

2. Покажем хронологию употребления прилагательного *славенский* в трудах Ломоносова относительно фактов его биографии (лингвобиографический аспект истории слова), обращаясь за данными к двум авторитетным изданиям: «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова»¹² и «Летописи

¹¹ Ломоносов М. В. [Репорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.] // Там же. Т. 6. С. 19. (здесь и далее в прямых скобках приводятся наименования текстов М. В. Ломоносова, присвоенные им редакцией АПСС).

¹² Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова: [К 250-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова, 1711–1961] / под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского, В. Л. Ченакала. М., 1961.

си Российской академии наук»¹³, а также пользуясь сведениями АПСС. Первый раз это слово встречается в тексте, как будет показано далее, в 1739 году («Письмо о правилах российского стихотворства»): Ломоносов в это время еще находится в Германии. Количество словоупотреблений резко нарастает к концу 40-х годов восемнадцатого столетия (полемика со сторонниками «норманнской концепции»), а наибольшее их количество приходится на вторую половину 50-х годов, т. е. время создания «Российской грамматики», «Предисловия о пользе книг церковных» и «Древней российской истории». Одно из последних употреблений относится к 1760 году («Замечания на первый том “Истории Российской империи при Петре Великом” Вольтера»): «Имя *славенское esclavons* хотя у французов уже твердо вкоренилось и сочинитель не переменит, однако может припечатать следующее примечание. В греческом и латинском языке нет ни единого слова, ниже (в АПСС поставлено ударение. – С. В.) из имен собственных, которые бы двумя согласными *sl* начинались. И посему рассуждать должно, что слуху тех народов и языку сей выговор *славяне* был странен и труден»¹⁴. Последнее употребление – в октябре 1764 года, в «Записке о плане научных работ А.-Л. Шлёцера». Возможно, что в преддверии 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова будут обнаружены новые, не известные ранее, или опубликованы недоступные нам сейчас материалы и документы, которые позволят конкретизировать предложенную хронологию. Дополнительные факты и сведения для ее уточнения также могут быть получены по завершению проекта по созданию интернет-версий в pdf-формате изданий собраний сочинений М. В. Ломоносова 1751, 1757–1759, 1778 и 1784–1787 годов, осуществляемого Научной библиотекой им. М. Горького СПбГУ. Таким образом, проблемы, связанные со славянским миром и славянским языком, стали в начале 60-х годов меньше привлекать внимание М. В. Ломоносова. Возможно, главной причиной этого было завершение формирования культурного синтеза в середине XVIII столетия, который привел «к возникновению единой словесности, объединяющей в себе духовные и светские сочинения, а в языке – к развитию единого литературного языка, сочетающего церковнославянское и русское начала»¹⁵, т. е. языковой ситуации, вполне отвечавшей языковым воззрениям М. В. Ломоносова, но, может быть, отчасти обусловленной, как говорится, «сменой внут-

¹³ Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1.

¹⁴ Ломоносов М. В. [Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 362.

¹⁵ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 418.

ренных приоритетов»: в начале 60-х годов Ломоносов руководит Географическим департаментом Академии, занимается делами Академической гимназии и университета, вновь обращается к проблемам мореплавания и навигации («Краткое описание разных путешествий по Северным морям»), интенсивно работает в домашней лаборатории. Много обременительных хлопот в этот период приносит Ломоносову Усть-Рудицкая фабрика, не ладится со здоровьем. Не следует забывать и о глубоком душевном кризисе Ломоносова в этот период. Полученные хронологические данные можно представить, условно положив началом 1739 год – год написания «Письма о правилах российского стихотворства». Более ранними фиксациями мы просто не располагаем, хотя следовало бы начать, наверное, со времени учебы в Славено-греко-латинской академии, сформировавшей языковые вкусы Ломоносова, а, может быть, и с периода жизни в Холмогорах: не случайно в конце жизни Ломоносов пишет, что в филологических исследованиях ему «помогло совершенное знание российского и славенского языка, также и разумение других, им сродных диалектов, <...> и *от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах*»¹⁶. Узловыми моментами истории слова на фоне биографии Ломоносова будем считать 1) годы дискуссии с «норманистами» (1749–1750); 2) создание «Российской грамматики» (1754–1755); 3) работу над «Древней российской историей» (1754–1758) и «Предисловием о пользе книг церковных».

3. Представим краткую характеристику сочетаемости слова **славенский**. В сочинениях и документах М. В. Ломоносова данное прилагательное в качестве зависимого компонента входит в состав многочисленных субстантивных словосочетаний, при этом варьирующий номинативный компонент не бесконечен и насчитывает около 50 единиц. Среди них наиболее употребительными являются словосочетания *славенский язык* (70, т. е. 28% от общего количества), *славенский народ* (44, т. е. 17,7%), притом прилагательное употребляется достаточно часто в постпозиции к существительному, например, «Легко заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с иностранных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было»¹⁷. В отдельную группу можно выделить сложные наименования терминологического характера, тематически связанные с филологическими исследованиями Ломоносова: *славенское речение* (10),

¹⁶ Ломоносов М. В. Записка о плане научных работ А.-Л. Шлёцера // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 429.

¹⁷ Ломоносов М. В. [Репорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.] // Там же. Т. 6. С. 21.

славенский глагол (9), славенская книга (8), славенское слово (2), славенское прилагательное (2), славенская азбука (2), славенское причастие, славенское спряжение, славенское склонение (1) и др., например: «Но притом проповеднику стараться должно, чтобы при важности и великолепии своем слово было каждому понятно и вразумительно. И для того надлежит убеждать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не понимает, но притом не оставлять оных, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменование их народу известно»¹⁸ или «Недивно, что в венгерском языке весьма много слов славенских; и потому древний их чудской язык весьма много изменился между славянами»¹⁹. Отметим в заключение появление в текстах М. В. Ломоносова ставшего достаточно частотным в русском языке последней трети XVIII века (первое употребление в поэзии М. В. Ломоносова, как мы писали выше, в 1741 году) сочетания *славенское племя* (13) и три употребления в тексте «Возражений на диссертацию Миллера» (1749) устойчивого словосочетания с глаголом в качестве опорного компонента **быть колена славенского / славенского колена** ‘являться славянином по происхождению, происходит из племени славян’, привлекающего внимание расширительным применением славянизма *колена*, служившего в языке XVIII века в т. ч. и для обозначения семейного родства²⁰, в том числе и дальнего (см. заметку М. В. Ломоносова, содержащую перечисление семантически близких слов: «колена, племена, роды, языки»²¹), для этнической и лингвоэтнической характеристики: «Варяги, называемые русь, **славенского колена**, <...> жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море»²².

4. С точки зрения значения прилагательное *славенский* представляет собой сложное диффузное целое, содержание которого (семема как комплексная совокупность всей информации, свойственной слову)²³ может быть представлено в виде множества взаимосвязанных и взаимодействующих

¹⁸ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Там же. Т. 7. С. 71.

¹⁹ Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого // Там же. Т. 6. С. 202.

²⁰ См. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. СПб., 1998. С. 89.

²¹ Ломоносов М. В. Материалы к «Российской грамматике» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 662.

²² Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера] // Там же. Т. 6. С. 33.

²³ Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 30.

щих семантических элементов с общим значением отношения и связи: *‘относящийся к славянам’*, *‘восходящий к славянам’*, *‘исповедуемый древними славянами’*, *‘осуществленный древними славянами’*, *‘состоящий, сформированный из представителей славянских племен’*, *‘принадлежащий славянам’*, *‘населенный славянским народом’*, *‘построенный славянами’*, *‘связанный происхождением со славянами’*, *‘полученный от славян’*, *‘связанный с церковнославянским языком’*, *‘употребительный в церковнославянском языке’*, *‘написанный на церковнославянском языке’* и др. (всего более 20). Некоторые из указанных элементов являются семантическими новациями для языка XVIII века. Трудно в формате научной статьи «объять необъятное» и дать подробное описание каждого (хотя все, безусловно, интересно), поэтому остановимся только на тех, которые позволяют показать этот материал как систему фрагментов, из которых складается получившая дальнейшее развитие (в том числе и в «Словаре Академии Российской») концепция славянского языка М. В. Ломоносова. Это, прежде всего, касается семантически доминирующего в текстах и документах Ломоносова элемента, реализующегося в лингвониме *славенский язык* (почти треть всех имеющихся употреблений). Здесь выделим две основные группы применений:

• **славенский язык** *‘язык, на котором в прошлом говорили славяне, общий для всех славян’*, а точнее – *‘общеславянский язык, носители которого – славянские племена – населяли обширную территорию Центральной, Восточной, Северо-Западной и Южной Европы’*, т. е. единый, коренной, изначальный общий язык всех славян: ср., например: «Язык славенский во времена Руриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде оно, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Бела-озера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждальцы и проч.»²⁴, и далее: «Прежде Рурика и в его время, когда <...> народ и язык славенский весьма уже широко распространялся, тогда от Голстинии до устья реки Двины, по южному берегу Варяжскому живущие народы говорили языком славенским, чего еще и ныне имеются довольные и явственные знаки, то есть имена не токмо деревень, городов, рек, но и

²⁴ Там же. С. 28–29.

целых земель»²⁵. Таким образом, *славенский язык* в представлениях Ломоносова четко структурирован географически, занимает определенные территории и имеет достаточно широкий *ареал* распространения. Этот *ареал* устанавливается не только на основе данных, полученных М. В. Ломоносовым из сочинений античных и средневековых историков и географов (позволим себе сделать предположение, что отчасти и благодаря личному опыту – во время скитаний по Европе в несчастливые для него дни 1740 года он вполне мог встречаться и беседовать с представителями западнославянских народов), но и анализом топонимики, т. е. с помощью методов *лингвогеографии*: лингвистическая карта, таким образом, у Ломоносова накладывается на географическую карту. Далее, *славенский язык* у М. В. Ломоносова – это *устный язык* летописных мезазтнических групп или, в терминах современной этнолингвистики, *наречие*: на нем говорили, подчеркнем, именно *говорили* (ср. в «Предисловии о пользе книг церковных»: «славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли»²⁶) разные народы, приобщаемые М. В. Ломоносовым к славянскому миру: ср. контексты употребления словосочетания *славенский язык* в «Замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера» и в «Древней Российской истории»: «Рурик с родом своим ... *говорили языком славенским*», «роксолане были славяне ж и *говорили языком славенским*»; «весьма вероятно кажется, что варяги-русь и пруссы *говорили языком славенским*» (оценку справедливости этих утверждений оставим специалистам по истории и исторической этнографии). Кроме того, способность «говорить по-славенски», т. е. владение славянским языком как средством общения является для Ломоносова главным интегрирующим признаком установления принадлежности к славенскому народу, признаком этнической принадлежности. Далее, *особой* чертой славенского языка, в понимании Ломоносова, была *древность* его происхождения: это не просто язык, на котором говорили славяне «прежде Рурика», но весьма древний язык с многовековой историей, сравнимой с историей не только европейских, но даже латинского и греческого языков: «чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма *долгое время* и *многие веки*, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 587.

языком еще прежде рождества Христова»²⁷, также см. в третьей главе «Древней Российской истории»: «Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей <...> однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность»²⁸. Не будем останавливаться на том, что М. В. Ломоносов – создатель историко-генетической классификации современных славянских языков, произошедших от славенского («Материалы к Российской грамматике»), а сделаем еще одно, на этот раз последнее, замечание: если в 1739 году в «Письме о правилах российского стихотворства» студент Ломоносов пишет о том, что Овидий, будучи в ссылке в Томах, писал стихи на *старинном славенском*²⁹, а уже на исходе жизни, в «Отзыве о плане работ А.-Л. Шлёцера» (текст, правда, был написан Ломоносовым не на русском, а на латинском языке, поэтому приведем и латинский оригинал, и русский перевод, выполненный академическим переводчиком – современным Ломоносова) повторяет, что А.-Л. Шлёцер должен думать «о *древнем славенском языке* и о себе иначе, нежели о природных российских ученых...» (“*Aliter equidem de antiqua lingua Slavica et de se ac de indigenis Rossis eruditus cogitare debet Schloezerus*”)³⁰, то можно сделать вывод, что *древний славенский язык* и *славенский язык* – это два разных исторических состояния славенского языка, и следовательно, с точки зрения Ломоносова, славенский язык – это язык, имеющий эволюционный характер, исторически изменяющийся, прошедший несколько этапов развития;

• **славенский язык** ‘язык церковных книг, церковнославянский книжно-письменный литературный язык’ (воспользуемся здесь термином *церковнославянский* в понимании В. Ягича, А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого, Н.А. Мещерского; подробный обзор интерпретаций этого термина находим в монографии А. С. Герда³¹). Нас интересуют особенности словоупотребления М. В. Ломоносова, поэтому прежде всего следует отметить особое эмоциональное восприятие Ломоносовым славенского языка, яркую личную коннотацию глубокого уважения в семантическом композите этого словосочетания в пределах идиолекта М. В. Ломоносова:

²⁷ Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера]... С. 29.

²⁸ Ломоносов М. В. Древняя Российская история... С. 182.

²⁹ Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства... С. 10.

³⁰ Ломоносов М. В. Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 26 июня 1764 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 414, 412.

³¹ Герд А. С. Лингвистическая типология древнеславянских текстов. СПб., 2008. С. 114–116.

«чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание»³². Для Ломоносова славенский язык (или *славенский церковный язык*, как он уточнил в наброске программы своих филологических исследований³³, осуществив, таким образом, синтез этнического и функционального аспектов применения этого языка) – это прежде всего *язык церковной службы* («Пермяки слышат всегда божию службу на славенском языке уже весьма из давних лет»³⁴) и *язык богослужебных книг*, о чем он напоминает сторонникам норманнской теории в 1750 году: «O praeclarum linguae Russicae heroëm! qui nec id novit, quod omnes libri ecclesiastici et historici Slavonica lingua sint conscripti»³⁵. Благодаря переводу священных книг с греческого, славенский язык принимает от греческого «отменную красоту, изобилие, важность и силу»³⁶ (а российский язык, соответственно, как наследующий славенскому, получает особое место среди литературных языков классицизма: «преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими»³⁷). И поэтому славенороссийскому народу, т. е. современникам Ломоносова и, особенно, юношеству, следует «прилежно читать славенские книги церковного круга и их держаться как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует»³⁸. А. Н. Радищев писал по этому поводу: «частым чтением церковных книг он (Ломоносов. – С. В.) основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство Российского слова»³⁹.

В свете задач настоящего сборника наибольший интерес, как мы уже писали выше, представляет проблема преемственности, сохранения и передачи культурно-лингвистических знаний, «истории идей» на протяжении XVIII столетия, т. е. постижение того, что «Словарь Академии Российской»

³² Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке... С. 591.

³³ Ломоносов М. В. Филологические исследования и показания, к дополнению грамматики надлежащие // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 763.

³⁴ Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера]... С. 35.

³⁵ Ломоносов М. В. [Замечания на ответы Миллера] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. С. 50. Пер.: «О преславный знаток русского языка, не знающий даже того, что все церковные книги написаны на славянском языке» (автор перевода в АПСС не указан).

³⁶ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке... С. 587.

³⁷ Там же. С. 589.

³⁸ Ломоносов М. В. Проект регламента московских гимназий // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 458.

³⁹ Радищев А. Н. Слово о Ломоносове // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 382.

реально почерпнул у Ломоносова, насколько глубоко составители Словаря восприняли и усвоили патриотическую концепцию «славенского мира» и «славенороссийского» (т. е. слияния славенского и русского) литературного языка М. В. Ломоносова.

Известно, что в «Предисловии» к Словарю Академии Российской нет ни одного упоминания имени Ломоносова, хотя многие члены Российской академии знали его лично и хорошо были знакомы с его исследованиями и сочинениями, в том числе и с трудами по филологии и истории (объективности ради сделаем уточнение: в 1784 году по инициативе Е. Р. Дашковой Российская академия начала подготовку научного собрания сочинений М. В. Ломоносова). В тексте «Предисловия», тем не менее, содержатся *имплицитные* указания на Ломоносова, своеобразный реферат его филологических трудов: ср., например, у Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных»: «На нем (греческом языке. — С. В.), кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианские церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу»⁴⁰, и в «Предисловии» к «Словарю Академии Российской», написанном непременно секретарем Академии И. И. Лепехиным: «Греки <...> явили неподражаемых творцов во всех родах красноречия, они витийствовали и в творениях церковных. Великие из них Христианские церкви учителя возвышали древнее свое красноречие богословскими учениями и парением усердного к Богу пения»⁴¹. Нет сомнения, что это почти цитата. Показательно, что в соответствии с пуристическими установками словаря слово *догмат* (даже у Ломоносова!) заменено словом *учение* в стиле лексических дублетов «Словаря Академии Российской»: *антагонист* — *противувдвижник*, *антипатия* — *противуустрастие*, *арифметика* — *числословие*, *аристократия* — *вельможедержавие* и мн. др. Приведем еще два примера из «Предисловия», касающихся предмета нашей статьи — понятия «славенский язык» — и отчасти корреспондирующих с приведенными выше высказываниями Ломоносова: «Славенский Язык к древнейшим и коренным языкам относить должно» и «мы, преимущественно пред многими Европейскими народами, целость Славенского языка неизменно сохранили <и> книги писанные за многия столетия удобно разумеем»⁴². Таким образом, между Ломоносовым и «Словарем Академии Российской» существует

⁴⁰ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке... С. 587.

⁴¹ Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1. С. VII.

⁴² Там же. С. VI.

внутренняя, не гипотетическая, но *живая реальная* связь не только на уровне *текста*, но и на уровне заданного Ломоносовым культурного кода, на уровне концепции, на уровне микротекста, на уровне конкретного *слова* (некоторые слова с пометой «славенское» украшены в «Словаре Академии Российской» иллюстрациями из текстов М. В. Ломоносова: ср., например, **АЛЧБА** ... «нагота и алчба» (САР I 25), восходящее к «Слову похвальному Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, говоренному ноября 26 дня 1749 года»), а такие лингвонимы, как *славенский*, *славенороссийский*, *российский*, связывают живой нитью разные фазы историко-культурного контекста XVIII века.

ЧЕТЫРЕ СТОЛПА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
(И. И. ЛЕПЕХИН, Т. С. МАЛЬГИН,
П. И. СОКОЛОВ, А. С. ШИШКОВ)

М. П. Лепехин

Продолжительность жизни Императорской Российской академии – уникального в отечественной истории ученого и литературного содружества бескорыстно трудившихся для блага русского языка и литературы лиц – составила немногим более полувека, а именно 58 лет: с 30 сентября 1783 г. (указ Екатерины II об ее учреждении) до 19 октября 1841 г. (указ императора Николая I о присоединении Российской академии к Императорской Академии наук в виде Отделения русского языка и словесности)¹. Много это или мало? И чем был обусловлен именно этот срок? Постараемся ответить на эти вопросы, рассмотрев судьбу основных ее деятелей – тех *четырёх столпов*, на которых, по нашему мнению, и покоилось величественное здание Российской академии.

¹ Первым историографическим опытом Российской Академии явилось исследование А. И. Красовского: *Красовский А. И.* Опыт истории Императорской Российской академии от основания оной в 1783 году по 1840 год // ЖМНП. 1848. Ч. LX. Отд. III. № 11. С. 13–116. С наибольшей обстоятельностью деятельность Академии была рассмотрена М. И. Сухомлиновым в его монументальном труде: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1874–1888. Вып. I–VIII. Общее представление о ее деятельности дают работы: *Модзалевский Б. Л.* Список членов Императорской Академии Наук, 1825–1907. СПб., 1908; *Некрасов С. М.* Российская академия. М.: Современник, 1984; *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных (Из истории Российской академии). Л.: Наука, 1986; *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002.

Творцом Академии была Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) – о ее заслугах написано немало, и едва ли стоит повторять уже сказанное². Укажем лишь на то, что она непосредственно руководила Российской академией первые одиннадцать лет – до своего отъезда за границу осенью 1794 г. Последующие семь с половиной лет, т. е. в отсутствие Дашковой, сохранявшей этот пост до 12 ноября 1796 г., и при в достаточной степени номинальном президентстве Павла Петровича Бакунина (12.11.1796–08.04.1798) и в начале президентства Андрея Андреевича Нартова (29.05.1801–02.04.1813)³ фактическое руководство Российской академией было осуществляемо ее неперменным секретарем Иваном Ивановичем Лепехиным (1740–1802)⁴; он же являлся высшим должностным лицом Академии в трехлетнее отсутствие президента (08.04.1798–29.05.1801). Скажем о нем несколько слов.

Внук симбирского однодворца, сын солдата-семеновца, в сознании современников именно Лепехин был вторым после его наставника и покровителя М. В. Ломоносова русским ученым, своими трудами снискавшим себе известность и всеобщее уважение. Этому немало способствовали личные качества Лепехина – неизменные трудолюбие, доброжелательность, скромность и бескорыстие, а также основательные познания в науках и административный дар. В первом собрании Российской академии 21 октября 1783 г. по предложению Дашковой Лепехин был избран ее неперменным секретарем. Именно Лепехину принадлежит четкое определение поставленных перед Академией задач – «ей предстало возвеличить российское слово, собрать оное в единый состав, показать его пространство, обилие и красоту, постановить ему непреложные правила, явить краткость и занимательность его изречений, и изыскать глубочайшую его древность»⁵. Не будет преувеличением сказать, что именно Лепехин с присущей ему деликат-

² Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978; Смагина Г. И. Сподвижница Великой Екатерины. СПб.: Росток, 2006.

³ Кубасов И. А. Нартов А. А. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 68–70; Лепехин М. П. Нартов А. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 321–326; Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 575.

⁴ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 157–299, 451–525; Чечулин Н. Д. Лепехин И. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. Лабзина – Ляшенко. С. 258–262; Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М., 1953; Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965; Биржакова Е. Э. Лепехин И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 207–209; Лепехин М. П. Об Иване Иванове // XVIII век. Сб. 26 (в печати).

⁵ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1874. Вып. 1. С. 15.

ностью ознакомил Дашкову с повседневной жизнью обеих вверенных ей академий и рекомендовал ей ряд нововведений. Упомянем лишь три: отмену внутриакадемической цензуры, ревизию академической книжной лавки с последующей продажей сильно залежавшихся изданий по сниженным ценам и упразднение Комиссии по переводам книг иностранных с передачей ее функций Академии наук, а денежных сумм, отпускавшихся на ее содержание, – Российской академии. В Академии наук к компетенции Лепехина было отнесено руководство академической гимназией, превращенной им в образцовое учебное заведение, содержавшееся в значительной степени из личных сумм Дашковой, а также выбор академических элевов. Знание Лепехиным действительного состояния дел в Академии наук и умение Дашковой распоряжаться средствами позволили все обременявшие Академию наук долги и недоимки без какой-либо помощи правительства. В отношении Российской академии Дашкова и Лепехин придерживалась тех же экономических принципов – представляемые императрице сметы поражали ее своей умеренностью.

В списке первых 34-х членов Российской академии, построенном по принципу социально-чиновной иерархии, Лепехин находился на 25-ом месте. Ученые замыкали данный список; Академию наук представляли (помимо Дашковой) С. Я. Румовский, И. И. Лепехин, С. К. Котельников, А. П. Протасов и Н. Я. Озерцовский. При этом выше Лепехина из ученых находились только ректор Московского университета профессор А. А. Барсов, а из коллег по Академии наук – только Румовский. Тем не менее, реальной иерархии внутри Российской академии это не соответствовало: именно Лепехин был в деятельности этого учреждения вторым главным действующим лицом после Дашковой. Став непременно секретарем, он добровольно возложил на себя бремя не только организационных хлопот, но и текущего делопроизводства, а также в необходимых случаях выполнял и обязанности переводчика, т. е. в буквальном смысле слова работал за троих, отказавшись в пользу Академии от полагавшегося по штату второго и третьего жалованья. При этом, за все время своего секретарства Лепехин не пропустил ни одного заседания Академии – в последний раз он был в ней за 8 дней перед кончиной.

Помимо административной деятельности, Лепехин принимал активное участие и в научных трудах Российской академии. Он входил в состав обеих комиссий по изданию академических словарей, принимал участие в рассмотрении всех поступающих в Академию работ и наблюдал за публикацией всех ее трудов. Лепехин был первым, кто был удостоен награжде-

ния золотой медалью Российской академии, которую 25 ноября 1784 г. митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) предложил вручить Дашковой и которой та сочла должным наградить Лепехина. Шестнадцать лет спустя Лепехин был удостоен еще одной высшей академической почести. Вскоре после его 60-летия, на заседании 27 октября 1800 г., Российской академией, по предложению А. Ф. Севастьянова, было решено поместить портрет своего неперменного секретаря в зале заседаний. Это было первое заседание Академии в подаренном ей Павлом I доме; произнесенная Лепехиным речь по поводу обретения «нового пристанища» и 17-летия Академии заканчивалась призывом: «да усугубим рачение наше, да приложим труды к трудам!»⁶. В своей речи Севастьянов обосновал сделанное им предложение «украсить сие залo собрания его изображением» весьма рациональными доводами: «Хотя, по принятому обычаю, которого причины я не могу постигнуть, должную достоинства награду воздают только по смерти, но может ли она быть приятна хладному, бесчувственному праху?»⁷. Для того, чтобы по достоинству оценить оказанную Лепехину почесть, следует напомнить, что, помимо портрета императора, зал Академии был украшен лишь портретом Ломоносова. О скромности Лепехина свидетельствует то, что после единогласного принятия сочленами предложения Севастьянова портрет первого неперменного секретаря Академии так и не был помещен в зале заседаний при его жизни – он был заказан А. А. Нартовым живописцу П. Алькину-Спартанскому⁸ лишь в 1808 г. вместе со своим собственным.

В отношении социального статуса судьба Лепехина сложилась более благополучно, чем у большинства его коллег (после Ломоносова во второй половине XVIII века больших наград и отличий со стороны власти удостоился только П.-С. Паллас – не только в знак признания своих выдающихся научных заслуг, но и в качестве особы, приближенной ко двору). В 1799 г. Павел I пожаловал Лепехина чином статского советника, а в 1801 г. Александр I наградил его орденом Св. Анны 2-й ст. – по представлениям того времени, именно эти награды являлись наиболее убедительным доказательством того, что «вся жизнь почтенного мужа протекла в трудах полез-

⁶ Там же. Вып. 2. С. 291.

⁷ Там же. С. 294–295.

⁸ В настоящее время находится в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН. Об авторе портрета см.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. М., 1970. Т. 1. С. 120.

ных для наук и Отечества» (В. А. Поленов)⁹. Последние годы жизни Лепехина были омрачены болезнями единственного сына и собственной (водянка), а также служебными и бытовыми неурядицами. Существовая с семьей лишь на скромное академическое жалованье, скончался Лепехин в 1802 г. на 62-ом году жизни в пристойной бедности – собственного жилья он никогда не имел, а имущество его состояло более в книгах, нежели в деньгах. Похоронен Лепехин на Волковом кладбище; могила не сохранилась.

Директорство Дашковой при неперменном секретарстве Лепехина составляет лучшую (хотя бы в отношении наибольшей продуктивности) эпоху в жизни Российской академии. Но возможно ли о каком-либо явлении судить по наиболее ярким его проявлениям, оставляя без внимания стороны менее заметные? Так мы переходим к рассмотрению второго столпа академии, бывшего, по мнению Сухомлинова, «полной противоположностью Лепехина»¹⁰, – а именно к Тимофею Семеновичу Мальгину (1752–1819)¹¹. Избрать Мальгина в члены Академии предложил в 1791 г. Лепехин, который знал его до того на протяжении четверти века, – и не ошибся в выборе. Переведенный из псковской семинарии в академический университет, Мальгин сопровождал Лепехину в обеих его экспедициях и поначалу считался наряду с Н. Я. Озерецковским наиболее способным его учеником. По возвращении в столицу в 1774 г. и сдаче экзаменов Мальгин не пожелал остаться при Академии наук и поступил на службу в Сенат; в отставку он вышел около 1785 г. коллежским асессором и всецело посвятил себя собственным литературным и научным трудам. Из сочинений Мальгина наиболее примечательны исследования о различных сторонах жизни Древней Руси – вооружении, нумизматике, международных отношениях, судопроизводстве. Наибольшую известность Мальгину принес его труд «Зерцало российских государей» – наиболее популярный учебник русской истории в докарамзинскую эпоху. В 1789–1794 гг. «Зерцало» выдержало три издания; работу над подготовкой 4-го автор не прекращал до кончины. Мальгин жил в себе и для себя – как один из первых отечественных «древностелюбцев» он был страстным коллекционером рукописей и монет. Мы позволим себе не согласиться с Сухомлиновым по поводу противопостав-

⁹ Поленов В. А. Краткое жизнеописание И. И. Лепехина // Труды Российской академии. 1840. Ч. 2. С. 207–215.

¹⁰ Сухомлинов М. И. История... Вып. 5. С. 59.

¹¹ Сухомлинов М. И. История... Вып. 5. С. 27–59, 308–317; Корнилович О. Мальгин Т. С. // Русский биографический словарь. М., 1999. Т. Маак – Мятлев. С. 65–66; Лепехин М. П., Моисеева Г. Н. Мальгин Т. С. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 271–272.

ления гениальности и посредственности – это понятия относительные и умозрительные. Контраст между учителем и учеником был в ином: если Лепехин был прежде всего человеком европейской культуры, чувствовавшим себя в равной степени свободно в Страсбурге, в Санкт-Петербурге или в оренбургских степях, то Мальгин нес на себе печать русской самодостаточности и по-настоящему был привязан лишь к Российской академии, да к своему жилищу. Пройдя в юности вместе со своим учителем всю значительную часть России, после 1774 г. Мальгин ограничил себя столицей, не испытывая желания даже посетить родной Псков. В Петербурге же Мальгин ограничил себя Васильевским островом, еженедельно покидая его лишь для заседаний Академии (до переезда ее в новое здание), да изредка – по издательским делам. Причина столь «совершенной самоизоляции» была весьма прозаическая – бедность: при скудости академического жалования Мальгин не имел даже этого регулярного подспорья, существуя за счет натурального хозяйства (ему принадлежал обширный участок с огородами между Большой и Средней першпективами на 14-й линии – ныне на этом месте дом № 23); скудные доходы от продажи собственных сочинений уходили на пополнение коллекции книг, рукописей и монет.

В Российской академии на протяжении почти трех десятилетий Мальгин был едва ли не самым ревностным участником ее трудов – с момента своего избрания и до кончины он не пропустил ни одного заседания. Наибольшее усердие Мальгин проявлял в трудах по подготовке обоих изданий словаря – им были объяснены все термины, относящиеся к судопроизводству, а также большинство архаизмов. За свои бескорыстные труды Мальгин дважды (в 1800 и 1801 гг.) был награжден золотой медалью. Если в 1790-е гг. Мальгин воспринимался как весьма полезный член ученого сообщества, то течение реки времен в 1810-е гг. лишило его той точки опоры, которой он привык считать для себя Российскую академию. Склонность Мальгина высказывать свое мнение по любому поводу, поучать собратий построенными по устарелым риторическим правилам речами, придавать весьма серьезное значение своей полемике с разномыслящими сочленами вынуждали молодое поколение воспринимать его как реликт екатерининской эпохи. Укажем лишь, что Мальгин был единственным, кто выступил против избрания Н. М. Карамзина в члены Российской академии – за «недостаток патриотизма»; подготавливаемое едва ли не на смертном одре 4-е издание «Зерцала» было посвящено полемике с Карамзиным¹². Вся жизнь Мальгин трудился на благо Академии без како-

¹² Лепехин М. П. Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 29–73.

го-либо вознаграждения, издавая свои сочинения на собственный счет и щедро раздаривая их сочленам. Ни одно академическое поручение (включая хозяйственные) не оставалось им неисполненным. Эта преданность была вознаграждена, когда в 1819 г. Мальгин скончался в совершенной нищете, а его двум взрослым незамужним дочерям не на что было похоронить отца – по предложению А. С. Шишкова погребение самого усердного сотрудника было осуществлено за счет родной ему Российской академии (ранее погребения на ее счет был удостоен только президент Академии А. А. Нартов). Похоронен Мальгин на Смоленском кладбище; могила не сохранилась.

Одной из величайших заслуг Лепехина перед Российской академией явилась подготовка им себе преемника в лице Петра Ивановича Соколова (1764–1835)¹³, которому он покровительствовал с 1783 г., т. е. с момента его перевода из Славяно-греко-латинской академии в академическую гимназию. Уже со следующего года студент Соколов занимался «исправлением дел» Российской академии и ревизией книжной лавки Академии наук. В 1792 г. Соколов был избран приобщником, а с 1793 г. – действительным членом Российской академии. В том же году он был награжден от нее большой золотой медалью «за ревностное участие в составлении словаря». Изданный впервые в 1788 г. труд Соколова «Начальные основания российской грамматики», представлявший собой сокращенное изложение «Российской грамматики» Ломоносова, до 1829 г. выдержал 7 изданий общим тиражом свыше 200 000 экз. и принес Соколову славу крупнейшего знатока русского языка – этот лавровый венок покоился на его голове до появления в 1831 г. «Русской грамматики» А. Х. Востокова. По кончине Лепехина Соколов был избран неперменным секретарем Российской академии и нес это бремя 33 года вплоть до своей кончины, совмещая эту должность с прочими обязанностями. На протяжении 29 лет Соколов был главным редактором «Санкт-Петербургских ведомостей», с 1797 г. был унтер-библиотекарем, а с 1819 г. стал директором I отделения (т. е. всего русского фонда) Библиотеки Академии наук¹⁴.

Российская академия оказалась многим обязана административным способностям Соколова. Свидетельством его заслуг является здание

¹³ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 387–397; Модзалевский Б. Л. Соколов П. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. Смеловский – Суворина. СПб., 1909. С. 63–65; Лепехин М. П. Соколов П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (в печати).

¹⁴ Лепехин М. П. Петр Иванович Соколов – хранитель Библиотеки Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук СССР: Сб. науч. тр. СПб., 1991. С. 232–245.

Академии на 1-й линии Васильевского острова, сооруженное под его непосредственным надзором (Соколов был секретарем строительного комитета Российской академии). Заслугой Соколова является приобретение у Московского архиерейского подворья примыкавшего к памятному в истории Академии наук «Бонову дому» здания с участком – в торги в 1800 г. он умудрился вовлечь даже императора Павла I, повелевшего отдать землю Российской академии даром. В 1802–1804 гг. архитектор А. А. Михайлов построил центральный корпус спроектированного им комплекса зданий. Позднее В. П. Стасов переработал незавершенную часть проекта и в 1811–1814 гг. осуществил постройку флигелей, а в 1818 г. сумел вписать в ансамбль еще и типографский корпус. Открытие типографии Российской академии также можно считать заслугой Соколова, который за 13 лет управления ею значительно преумножил капитал типографии, составивший к моменту его кончины более 150 000 руб.

Лично известный трем императорам – от Павла I до Николая I – Соколов неизменно пользовался их благоволением: так, Николай I публично выразил благодарность Соколову за мужество, с которым тот, стоя в оконном проеме, втаскивал веревкой в здание Российской академии утопавших во время наводнения 1824 г. Феноменальная трудоспособность и практичность Соколова, склонного лично решать все относящиеся к Академии вопросы на всех уровнях – от тяжбы в Сенате до надзора за мощением двора и укладкой дров, – сделало его известным в столице. Карьера Соколова сложилась весьма благополучно – в 1824 г. он был произведен в действительные статские советники, а полувековая служба в обеих академиях, совмещение дополнительных должностей и прикосновенность к казенным поставкам сделали его достаточно состоятельным человеком. Скончался Соколов весьма блаженно – в служебной квартире в здании Российской академии за чтением последнего листа корректуры «Словаря» – «на щите», как заметил об этом А.С. Пушкин¹⁵. Соколов был похоронен на Смоленском кладбище; памятник сохранился¹⁶.

С кончиной Соколова началась затяжная агония Российской академии. Последним столпом, на котором она держалась, оставался Александр Се-

¹⁵ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 3. С. 581.

¹⁶ Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга: Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2005. С. 611–612.

менович Шишков (1754–1841)¹⁷. Александр I, соглашаясь с собственной просьбой Шишкова о назначении его на место скончавшегося в 1813 г. президента Академии А. А. Нартова, добавил, что он «со свечкою не сыщет лучшего человека». Действительно, Шишков с момента своего избрания в 1796 г. на протяжении сорока пяти лет принимал самое деятельное участие в работе Российской академии – более того, его трудами наполнялись почти все ее заседания и издания. По мнению М. И. Сухомлинова, «укоры, падавшие на академию за ее бездействие, никаким образом не могли относиться к Шишкову, который, по отзыву современников, работал один за всех»¹⁸. Тем не менее, принадлежность Шишкова к старшему поколению, его архаичные литературные взгляды в условиях ожесточенной борьбы между архаистами и новаторами 1810–1820-х гг. оказали Российской академии дурную услугу: новейшая литература от Академии отшатнулась, и если не сделала ее объектом насмешек как нечто ретроградное, то старалась держаться в отдалении от нее. Сам же Шишков стремился не допустить в Академии споров на литературные темы, всецело подчинив ее задаче лингвистических исследований – в частности, славяноведения. Несомненной заслугой Шишкова является приглашение в Российскую академию Карамзина, Жуковского и Пушкина¹⁹.

Уже с середины 1820-х гг. коллегиальная деятельность Российской академии начала приходить в упадок – заседания собирали немногих членов. В последнее пятилетие ее существования Шишков уделял Академии все меньшее внимание: на склоне лет он торопился завершить свой главный труд – составляемый им более полувека «Морской словарь». Опоры же у Шишкова не было. В свое время, узнав о кончине Соколова, Пушкин в письме И. И. Дмитриеву отметил: «Неизвестно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но место неперменного секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено»²⁰. Преемником Соколова был назначен Дмитрий Иванович Языков (1773–1845)²¹, всего лишь за два года до того избранный членом Академии, обладавший и немалыми познания-

¹⁷ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 187–136; Стоюнин В. Я. А. С. Шишков. СПб., 1880; Троцкий В. Шишков А. С. // Русский биографический словарь. Т. Шебанов – Шютц. СПб., 1911. С. 316–320.

¹⁸ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 196.

¹⁹ Модзалевский Л. Б. Пушкин – член Российской академии (По материалам Архива Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2/3. С. 247–249.

²⁰ Пушкин А. С. Письма... Т. III. С. 582.

²¹ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 154–156; Языков Д. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. Яблоновский – Фомин. С. 35–38.

ми, и должным трудолюбием, но не имевший и малой части практического и житейского опыта своего предшественника. Кабинетный ученый, Языков видел в своем назначении на эту должность прежде всего возможность иметь казенную квартиру с дровами, пользоваться академической библиотекой, иметь существенную прибавку к пенсии, а главное, уединенно работать, не отвлекаясь на изрядно утомившие его за тридцать лет службы в Министерстве народного просвещения административные обязанности. Во всем занимаемом Российской академией пространстве Языкова интересовали только его кабинет и сад, где он находил отдохновение от многотрудных археографических занятий. Само же здание Академии, величественное и безлюдное, при Языкове пришло в совершенное запустение – в перенаселенной столице оно стало тайным пристанищем для бесприютных лиц, употреблявших на растопку издания Академии, которыми были забыты чердаки²². И Шишков, и Языков стремились прежде всего успеть завершить собственные труды; заседания Академии начали проходить нерегулярно, да и приходили на них единичные члены. Об Академии в обществе совершенно забыли, а если и вспоминали – то с явной насмешкой: время для уважительного отношения к трудам по славянскому языкознанию еще не наступило. Кончина 87-летнего Шишкова 10 апреля 1841 г. предопредила конец и самой Российской академии – 19 октября 1841 г. Николай I издал указ о присоединении Российской академии к Академии наук в виде II Отделения, позднее преобразованного в Отделение русского языка и словесности. Так в одночасье повалилось созданное двумя поколениями величественное нерукотворное здание храма российской словесности; рукотворное же здание было передано Римско-католической академии.

Что послужило причиной угасания Российской академии? Бесспорно, она явно пережила отведенный ей срок жизни. «Век Екатерины благоприятствовал основанию Общества хранителей Российского слова»²³, однако Николаевская эпоха, которую принято считать золотым веком русской литературы, оказалась все же более благосклонной к индивидуальной гениальности, нежели к коллективным ее проявлениям: угасание всех литературных обществ, кружков и салонов представляется закономерным. 58-летнее существование Академии сделало ее сопричастной жизни двух поколений, но если в конце XVIII века она была храмом отечественной словесности и одним из центров активной литературной жизни, то уже с начала 1810-х гг. значение ее стало неуклонно снижаться. С середины

²² Милоков А. П. Воспоминания о Д. И. Языкове // Милоков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 25–51.

²³ Красовский А. И. Опыт истории Императорской Российской академии... С. 13.

1820-х гг. Академия перестала оказывать какое-либо влияние на современный литературный процесс. Имевший с Соколовым и Шишковым личные счеты А. Ф. Воейков в последней редакции «Дома сумасшедших» нелестно охарактеризовал обоих:

Вот он с харей фарисейской
Петр Иванович осударь,
Академии Расейской
Непременный секретарь.
Ничего не сочиняет,
Ничего не издает,
Три оклада получает
И столовые берет.
На дворе Академии
Гряд капусты накопал,
Не приют певцам России,
Он лабаз для дехтю склал.
В Академиях бывают
Мерины, бывали встарь;
В нашей двое заседают —
Президент и секретарь²⁴.

Даже если сделать поправку на исключительную ядовитость Воейкова (члена Российской академии с 1819 г.), следует признать, что такой взгляд на Академию стал едва ли не общим с середины 1830-х гг.

Уже для А. В. Никитенко и П. А. Плетнева большинство членов Российской академии представлялись тенью прошлого. Середина XIX века для русской и славянской филологии стала периодом собирания сил, и лишь в последней трети XIX века труды И. И. Срезневского, Я. К. Грота, М. И. Сухомлинова, Л. Н. Майкова, а с начала XX века — деятельность А. А. Шахматова, Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского вернули Отделению русского языка и словесности Академии наук то значение в историко-литературном процессе, которое веком ранее занимала Российская академия.

²⁴ Поэты 1790–1810-х годов / Предисл. и примеч. Ю. М. Лотмана. Подг. текста М. Г. Альтшуллера. Л., 1971. С. 804.

Н. А. ЛЬВОВ И РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ: О ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ КАРТИНЕ «ПРОЛОГ»

Е. Г. Милюгина

Многогранное творчество Н. А. Львова – русского архитектора, поэта, драматурга, переводчика, просветителя – тесно связано с Российской академией. Уже на первом собрании Академии 21 октября 1783 г. в число 36 избранных, наряду с известными литераторами М. М. Херасковым, Д. И. Фонвизиним, И. Ф. Богдановичем, Я. Б. Княжниним, Г. Р. Державиним и вельможами-просветителями И. И. Шуваловым, А. А. Безбородко и А. С. Строгановым, вошел и Н. А. Львов.

Львову было в то время 30 лет. Он уже стал признанным архитектором – позади были проекты Иосифовского собора в Могилеве, Невских ворот (оба 1780) и зданий почтового ведомства в Санкт-Петербурге (1782). Его стихи печатались в широко известных журналах – «Санкт-Петербургском вестнике»¹ и «Собеседнике любителей русского слова»²; две басни вышли в составе книги И. И. Хемницера³. Несмотря на анонимность публикаций, их автор – инициатор создания творческого содружества (называемого теперь львовско-державинским кругом) и его неоспоримый «гений вкуса» – был, безусловно, узнаваем по особой одухотворенности сти-

¹ [Львов Н. А.] «Цари! вы светом обладайте!..» // Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6. Авг. С. 127. Без подписи.

² [Львов Н. А.] Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8 // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1. С. 26–32. Без подписи.

³ [Львов Н. А.] Вольное подражание Лафонтену: Львиной указ; Заец, обойденный при произвождении // [Хемницер И. И.] Басни и сказки N... N... СПб., [1779]. С. 63–64, 65–66. Без подписи в рубрике «Чужие басни».

хов, чистоте и звучности поэтического слога. Был у Львова и опыт театрально-музыкальной драматургии – кантата на три голоса (1775), написанная для торжественного представления в честь победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., и светская пьеса «Сильф, или Мечта молодой женщины» (1778), поставленная дворянским любительским театром.

Впереди были драматические «игрища» – «Ямщики на подставе» (1787), с экспериментальным использованием просторечной и диалектной лексики, и «Парисов суд» (1796), с травестийной перелицовкой античного мифа; фольклористические изыскания, отраженные в «Собрании народных русских песен с их голосами» (1790), поэтические манифесты в защиту национального духа литературы и русского тонического стиха – «Русский 1791 год» (1791) и «Добрыня» (1796), художественные и искусствоведческие переводы: «Рассуждение о перспективе» Э. А. Петито (1789), «Анакреон» (1794), «Четыре книги Палладиевой архитектуры» (1798), проект «Словаря художников и художеств» (1800).

При всей самостоятельности замыслов Львова и оригинальности их результатов нетрудно заметить, что его творческие поиски во многом соответствуют основным направлениям деятельности Академии, главным предметом которой было очищение и обогащение русского языка, витийство и стихотворство, а средствами для достижения цели предполагались сочинение российской грамматики, составление русского словаря, разработка правил риторики и стихосложения. Воплощалась ли эта связь творческих поисков Львова в целенаправленном сотрудничестве с открываемой Российской академией или, напротив, в принципиальной полемике, – в любом случае анализ ведущих тенденций его литературной деятельности в контексте ученых проектов Академии позволяет восстановить живые моменты истории русской славистики.

Художественным памятником, непосредственно связывающим имя Львова с Российской академией, является так называемый «Пролог» – тематическая программа для театрального действа в сопровождении симфонической музыки и хора, сочиненная драматургом специально для официального торжественного открытия Академии.

«Пролог», по всей вероятности, был Львову заказан – с задачей иносказательно представить в спектакле спектр направлений деятельности открываемой Российской академии, как его видели и понимали ее организаторы и руководители, и прежде всего Е. Р. Дашкова. Однако выполнение заказа в художественной форме могло значительно изменить идеологию ожидаемого заказчиками результата. В этом случае важным становится вопрос о мере и сущности совпадения / несовпадения львовской концепции

храма российской словесности с представлениями о нем основателей Академии. Интересен «Пролог» и в плане уяснения специфики мифотворчества Львова.

Текст «Пролога» при жизни Львова не был напечатан и сохранился лишь в рукописи⁴. В последние десятилетия, в связи с оживлением интереса к творчеству Львова, текст «Пролога» был опубликован трижды⁵, однако все публикации, по сути, лишены сопроводительной информационной справки и комментариев.

Много неясного в самой истории «Пролога». Текст датируют 22 сентября 1783 г.⁶ Эта дата названа и в самой программе: «В середине площади на большом дереве, где отпавшие ветви открывают кучу сидящих гениев, поющих хор, который повторяет и прочая толпа, и держащих в руках своих медальоны, где написано “1783 год 22-е сентября”»⁷. Возможно, помимо дня окончания работы над текстом, дата отражает и некое другое важное событие – к примеру, предъявление сценария руководству Академии для решения вопроса о включении его в общую программу праздника и т. п. В случае положительного решения дату надлежало заменить назначенным днем торжества – надписью «1783 год 21-е октября»; однако она осталась сентябрьской, что приводит к выводу об отклонении проекта. И в самом деле, сведений об инсценировке «Пролога» не сохранилось. По предположению А. Н. Глумова, он не был поставлен по той причине, что на создание музыки, хоров, декораций, подготовку капеллы и балета требовались большие творческие, временные и финансовые затраты⁸. Нет сведений о том, как был принят сценарий, участие каких композиторов, музыкантов, декораторов, артистов планировал автор, была ли написана музыка и разработана подробная партитура спектакля.

Не определена львоведцами и жанровая природа произведения. А. Н. Глумов, уточняя авторское определение жанра, назвал его программой, «предусматривающей аллегорическое одноактное театрально-музыкальное представление», выполняющее функцию «вступительного

⁴ РНБ. Ф. 247. Т. 39, л. 134–135 об.

⁵ Глумов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980. С. 57–58 (фрагменты текста); [Львов Н. А.] Пролог: Программа для театральной картины с музыкою // Некрасов С. М. Российская академия. М., 1984. С. 227–228; Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 309–310.

⁶ Глумов А. Н. Н. А. Львов... С. 58.

⁷ Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 310.

⁸ Глумов А. Н. Н. А. Львов... С. 58.

действия»⁹. Однако ни смысловые связи между вступлением и продолжением, ни само продолжение этого действия, ни литературная, музыкальная и сценографическая составляющие действия исследователем не описаны.

В позднейших работах формулировка А. Н. Глумова эксплуатируется в редуцированном виде и, по-видимому, практически без обращения к тексту Львова. В них «Пролог» называют то «аллегорическим театральном-музыкальным спектаклем», то «тематической литературной программой для симфонической музыки»¹⁰, а то и «своего рода “балетом с пением” в духе того времени»¹¹.

Понятно, что ввиду отсутствия сведений о постановке «Пролог» нельзя считать спектаклем. Более того, его даже сценарием назвать трудно – это некий конспект, набросок, план, либретто, в котором обозначены только действующие лица и общая сценографическая канва, а идейный замысел драматурга-режиссера остается угадывать. Сводить все содержание текста лишь к программе симфонической музыки некорректно: помимо оркестровой части, в «Прологе» выделены хор и балет, вместе составляющие театральное действо, по составу компонентов приближающееся к оперному. Называть же «Пролог» «балетом с пением» – значит упрощать его содержание до уровня дивертисмента. И в первом, и во втором случае исследователи, рассматривая «Пролог» лишь в изобразительном (в музыкальном или хореографическом смысле) плане, заведомо отказывают произведению в философско-эстетическом подтексте. А между тем именно такого подтекста от автора безусловно требовала сама поставленная художественная задача. Да и вывод о типичности сочинения для той эпохи преждевременен: об этом можно говорить лишь после того, как «Пролог» будет осмыслен в качестве художественного целого и сравнен с другими опытами в этом жанре – например, с близким по тематике, времени создания и функции «Прологом на открытие в Тамбове театра и народного училища» Г. Р. Державина (1786)¹². В том же жанре Державин позже написал «Пролог аллегорический на рождение в Севере Любви» и «Пролог на рождение

⁹ Там же.

¹⁰ Николай Александрович Львов – славный сын России: К 250-летию со дня рождения / Автор-составитель В. Г. Глушкова. М., 2003. С. 42.

¹¹ Бочкарева И. А. Н. А. Львов: Очерки жизни. Венки Новоторжских усадеб. Торжок: Б. И., 2008. С. 21.

¹² Державин Г. Р. Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища (1786) // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Имп. АН, 1867. Т. 4. С. 7–18.

в Севере порфиородного отрока» (оба 1799)¹³, и хотя их темы и функции несколько иные – прославление императорской семьи как аллегорического света и солнца России, на их фоне отчетливо видна специфика «Пролога» Львова.

Итак, единственным свидетельством замысла Львова на сегодня является сам текст «Пролога». Поскольку это программа музыкально-театрального действия, «Пролог» необходимо анализировать как *партитуру музыкального спектакля*, т. е. выявить включенные в текст указания на все составляющие представления: драматургию (систему действующих лиц, сюжет, озвучиваемый литературный текст), музыку, сценографию (декорации, костюмы), хореографию (балет) и эффекты освещения – в их синтезе и динамике.

Драматургический замысел представлен в прозаической записи, сходной по характеру с системой развернутых ремарок. Вместе с тем, это не обычные заметки для режиссера и артистов, но семиотически плотный текст, насыщенный художественными кодами и мифологической символикой.

Действующие лица – Аполлон и четыре музы: Мельпомена – муза трагедии, Талия – муза комедии, Евтерпа – муза музыки и Терпсихора – муза танца. Их проводниками на землю выступают гении-духи («гинии»), а в мире земном каждую из них сопровождает своя свита: Мельпомену – герои, Евтерпу – сирены, Талию¹⁴ – пастухи и охотники и Терпсихору – нимфы.

¹³ Там же. С. 25–46.

¹⁴ В тексте явления 3-го, где четыре гиния, посланники Аполлона, выводят на землю каждый свою музу, вместо Талии неожиданно названа Клио: «Первый [гиний], одетый в военное платье, приводит Мельпомену к пещере и по знаку сей музы выходят в провождении военной музыки герои. Второй отводит Евтерпу к берегу моря, из одного выходят сирены, и под пение оных начинается военный балет и сражение, таково было начало трагедии после уже приношения козлов. *Дух комедии возводит Клию на верх горы и, показав ей сражения, говорит, что сие она должна прервать утехою. По знаку ее при огромной роговой музыке выходят из лесов пастухи и охотники.* Но они одни... Прибегают они к Терпсихоре, которая по просьбе их выводит к ним веселых своих нимф. Все вместе составляют они общий балет под пение хора, изображающего торжество муз» (*Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 309–310. Курсив мой. – Е. М.*). Эта замена, на мой взгляд, случайна. В изначальном списке действующих лиц, который в драматургии всегда носит закрытый характер (т. е. не терпит пополнения системы персонажей, замены одного героя другим в ходе развития действия и т. п.), имени Клио нет. Содружество избранных Львовым муз – единство трагедии, комедии, музыки и танца – хотя и могло изначально включать Клио-историю (если бы на то была воля автора), но совершенно не терпит исключения Талии-комедии в финале. Ее изъятие из действия противоречит и строгой, рационально выверенной художественной логике сюжета, реализованной в сходных «выходах» четырех муз, вызывающих свою свиту. Духу комедии и его назначению – пастораль-

Обращение к мифолого-аллегорической поэтике было вызвано конкретной художественной задачей: правило мифоподобия было обязательным для официальных представлений того времени (ср. названные выше три «Пролога» Державина). Поэтому оригинальность львовского проекта нужно искать не в выборе материала, а в его интерпретации.

Отличительной чертой «Пролога» Львова представляется то, что здесь нет мифологизации современных автору фигур и отвлеченных понятий¹⁵ – приема, использованного им в первом музыкально-театральном опыте (в кантате 1775 г. Минерва аллегорически представляет Екатерину II и появляется, например, такой персонаж, как Мир). Обычно же торжественные празднества в России конца XVIII в. без такой мифологизации не обходились. В результате подобных семантических уравниваний возникал ряд аллегорий, закреплявших в сознании зрителей неразрывную связь исторической фигуры и вневременной ее характеристики (так сказать, мифологемы-эпитета, вплоть до устойчивых, как уже упомянутая Екатерина-Минерва). Система аллегорий в их иерархии и динамике выражала идеологию праздника в целом.

Так, Державин в «Прологе на открытие в Тамбове театра и народного училища» решал одновременно две идейно-художественные задачи – развития просвещения и утверждения театрального искусства в Тамбове. Система персонажей-аллегорий его «Пролога» включает образы Леса (под которым он подразумевал малообразованное тамбовское общество), Пустынника, пролагающего дорогу к свету (Петра I), Гения – Духа просвещения, Солнца (Екатерины II) и «спомоществующих» ему лучами трёх планет (императриц Анны, Елизаветы и Екатерины I), а также Мельпомены и Талии¹⁶. Для выражения идеи развития просвещения в Тамбове поэт применил новообразованную символику. В ее основе лежит ряд аллегорий от Петра I до Екатерины II: имя Петра знаменует начало начал просвещения, а имя Екатерины – его вершину. Театральное же искусство, представленное традиционными со времен античности образами Мельпомены и Талии, присоединено к главенствующей здесь русской линии сюжета как добавоч-

ной утехе – конечно, соответствует Талия, как духу трагедии с его военной героикой – Мельпомена, духу музыки с его поющими сиренами – Евтерпа и духу танца с его веселыми нимфами – Терпсихора. Очевидно, Клия – ошибка переписчика (описка автора?); вместо имени *Клия* следует читать: *Талия*. В дальнейшем моем анализе при характеристике деталей театрального действия я придерживаюсь этой точки зрения.

¹⁵ Здесь и далее в понятие системы персонажей я включаю внесценических героев наряду со сценическими.

¹⁶ *Державин Г. Р.* Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. С. 9–10, 13 (расшифровка аллегорий в примечаниях Я. К. Грота).

ная общекультурная составляющая. Идеология празднества, в результате, сводится к поддержке культурно-просветительской политики Екатерины II, но отнюдь не к прославлению радости знания и искусства.

Почему Львов отказался от мифологизации политических фигур современности? – очевидно, чтобы избежать и прямолинейной идейной заданности, и стилевой эклектики. Такое художественное решение позволяло ему добиваться чистоты использования мифологических приемов – так сказать, *цитирования их* в авторском тексте.

В «Прологе» Львова действуют не девять муз, а четыре. Экономия художественных средств свойственна театру вообще. Она характерна и для тамбовского «Пролога» Державина: его сюжет держится на трех ключевых фигурах – Мельпомене и Талии, символизирующих театр, и Гении (Духе просвещения), представляющем образование. Подобные самоограничения автора объясняются его программными принципами: он освобождает сюжет от нефункциональных фигур (к примеру, не вводит в действие муз, связанных с символикой знания) и тем самым делает его зримым и впечатляющим. Таким образом, выбор Державина логически объясним и является самым лаконичным и точным вариантом решения его идейно-художественной задачи.

С этих позиций необходимо осмыслить и оценить и решение Львова: почему именно музы трагедии, комедии, музыки и танца выбраны им для манифестации программы открываемой Российской академии? Может быть, дело в дополнительных функциях этих муз, замещающих здесь основные? Напомню их: Талия – муза комедии и пасторальной поэзии, Мельпомена – муза трагедии, Терпсихора – муза танца и пения, Евтерпа – муза музыки и лирической поэзии. Однако пасторальность Талии проявляется в тексте только в ее характерной свите, состоящей из пастухов и охотников; поэзия ни в пасторальном, ни в лирическом виде в «Пролог» не введена. Существенно, что из традиционной свиты Аполлона Львовым исключены Каллиопа – муза эпической поэзии, Клио – муза истории, Полигимния – муза героических гимнов, Урапия – муза астрономии и Эрато – муза лирической и любовной поэзии¹⁷. Таким образом, эпическая, героическая, историческая (в лице Клио), лирическая, пасторальная и любовная ипостаси поэзии не нашли отражения в выборе автором действующих лиц и сцен. Понятно, что это ограничение программного свойства, но чья программа здесь воплощается – Российской академии или самого Львова? Если программа Академии и находит здесь свое выражение, то вычитать ее чрезвы-

¹⁷ О функциях муз см., напр.: Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с англ. А. Майкапара. М., 2004. С. 378–379.

чайно трудно. Следовательно, программа, манифестируемая Львовым в «Прологе», расходится с программой Академии – точнее, Львов выражает собственный взгляд на будущие функции Академии. Какие же?

Как я уже говорила, сюжетной канвой «Пролога» выступает мифологизированный текст, принципиально свободный от элементов современности. Следовательно, программа Львова строится *от начала времен – от начала искусств на земле*. Российская ли это земля и русское ли искусство? – национальных признаков здесь нет. Единственная деталь, которую можно счесть указанием на место и этнос, – реплика Аполлона к небесному хору: «...Подите, утехой просветите *любимый мой народ* и проч.»¹⁸ Однако любимым народом Аполлона, по определению, может быть каждый мыслящий себя таковым; и лишь в этом смысле Россия причастна к происходящему театральному действу – как страна, пригласившая бога искусства на свою сцену. Россия, причастившаяся мирового искусства, – один из тезисов программы «Пролога» Львова.

«Пролог» состоит из трех явлений, четко размеченных автором в его краткой партитуре спектакля; каждое из явлений представляет собой относительно завершенную символическую картину с внутренней динамикой. В совокупности они составляют сюжет, основные вехи которого могут быть названы так: «Изначальный хаос мира, лишенного искусства», «Прошение муз», «Просвещение мира средствами искусства и всеобщее торжество». В целом сходно построен сюжет и тамбовского «Пролога» Державина: от картин ночного мрака, дикости и неустройства стихий через причащение общества к знанию и театру усилиями Пустынника, Гения, Мельпомены и Талии – к финальному всенародному торжеству в храме просвещения. Поскольку державинский «Пролог» написан тремя годами позже львовского, то сюжетные совпадения могут означать, что Державин ориентировался на известный ему текст Львова; а несовпадения свидетельствуют о расхождении их авторских позиций и в сопоставлении позволяют уяснить ведущие принципы драмы Львова.

Напомню начало «Пролога» Львова: «Симфония, изображающая смятение, начинается тихо и, соединясь с слышанным издали громом, постепенно с оным возрастает до вскрытия еще занавесы, а по вскрытии оной театр представляет дикий и ужасный берег, пещеры и волнующее море, освещенные одним только сиянием молнии, вихрь и буря клонят и валяют оставшие на каменных берегах ветви, срывающая молния целые вершины каменных гор заставляет нимф прятаться в пещеры, сирен – бросаться

¹⁸ Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 309. Курсив мой. – Е. М.

в море, а пастухов укрываться в лесу»¹⁹. Ср. у Державина: «Театр представляет ночь и дикий лес, в котором видны мрачные пещеры. Свирепый ветер клонит деревья и производит треск и вой в пещерах, в которые маленькие дети разного состояния от шума бури и громовых ударов прячутся»²⁰. Во вступительной ремарке Державин редуцировал космическую по масштабу экспозицию Львова к локальному тамбовскому прецеденту: мировые пространства он свел к топосу правдоподобного леса, а мятущихся духов (нимф, сирен) и пастухов – к образам испуганных детей. И это понятно: предпринятое Державиным пропорционирование отражает соотношение Российской академии и народного училища и театра Тамбова, и тем грандиознее предстает замысел Львова. Однако главное различие – не в выбранном масштабе изображения (он-то как раз должен был устроить закатчиков Львова), а в *качестве* этого изображения, его глубине.

Изначальная картина Львова *мистериальна* – не случайно действие начинается *до* поднятия занавеса (у Державина, замечу, нет этого *до* – нет закрытого занавеса, нет тайны). Что же происходит там, *за* занавесом, – под смятенные звуки симфонической увертюры, «зачинающейся тихо» и накатывающейся на зрителя подобно камнепаду, сливаясь с громом и голосами диких стихий, – словно и не музыка это, а шум, из которого она еще не высвободилась, не родилась? Результатом каких катаклизмов является хаос, открывающийся зрителю при поднятии занавеса, – дикий и ужасный берег во время грозовой бури? Испуганные нимфы, прячущиеся в рушащихся пещерах, сирены, бросающиеся в штормовое море, пастухи, бегущие в поверженный ураганом лес, – спасения ли ищут или встречают смерть? Эта борьба космических стихий – разгул хтонической «скверны», в котором божества природы осиротели, оставленные архаическими музами²¹, а человек одинок, беззащитен и обречен. Итог первого явления, в котором отчетливо заявлена тема дионисийства, – необходимость катарсиса, очищения, восстановления гармонии религиозных служений²².

Миру хтоническому во втором явлении противопоставлен мир олимпийский. Распад единого мира на полярные сферы представлен здесь не только как религиозное разграничение (низшую мифологию сменяют олимпийцы), но как разделение в сфере мусической: природным голосам

¹⁹ Там же.

²⁰ Державин Г. Р. Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. С. 9.

²¹ По преданиям, сирены – дочери Мельпомены или Терпсихоры (Лосев А. Ф. Сирены // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 438).

²² Ср.: Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 192–201.

сирен и нимф противостоит чистое искусство Аполлона и небесных муз, чья исконная связь с хтоническим миром уже забыта. Что служит причиной прошения муз к Аполлону? Как земной мир нуждается в покровительстве небесных муз, так и сами музы нуждаются во вселенском гражданстве; их функция, по Львову, не охранительная, а просветительская – нести искусство в земной мир. Лишь спустившись на землю, музы исполняют свое предназначение – создадут искусства из обрядовых служений.

Кульминация «Пролога» – нисхождение муз в земные сферы, вызывание хтонических духов и преобразование обрядов в художества. Так из военной музыки, из обрядового сражения героев рождается трагедия. Так из пения сирен рождаются героические гимны – славословия победителям. Когда очищение через трагедию состоялось, настает час утехи – комедии и пасторали, рождающихся из танца веселых нимф.

Таким образом, философско-эстетической основой мифотворчества Львова в «Прологе» выступает дионисийство: искусства возникают из мистериального синтеза небесного и хтонического начал, духовных и чувственных проявлений²³. Была ли это сознательная ориентация на систему обрядов или интуитивно схваченная логика рождения искусств? – скорее всего, синтез того и другого. Могла ли прийти по вкусу руководству учреждаемой Академии мифотворческая программа, возводящая ее будущую деятельность к началу начал? – скорее всего, нет: на фоне привычных аллегорических величаний-обожествлений государственных персон это было слишком смело и ко многому обязывало всех служителей мусических искусств – от императрицы до простого художника Львова.

Что касается озвучиваемого литературного текста, то он в «Прологе» не представлен: в сохранившемся тексте нет ни хора юношей, ни небесного хора, ни общего хора гиниев и толпы.

Реконструируя музыкальную партитуру «Пролога», нужно помнить, что Львов все свои драматические действия представлял и писал с музыкой²⁴. При этом он всегда точен в описании музыкального образа: и тогда,

²³ Ср.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство... С. 221.

²⁴ Исследователи драматургии Львова анализируют, как правило, ее литературную составляющую (см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // XVIII в. СПб., 1993. Сб. 18. С. 93–112; *он же.* Комическая опера Н. А. Львова «Сильф; или Мечта молодой женщины» и традиции русской любительской сцены // XVIII в. СПб., 1996. Сб. 20. С. 95–113; *Одесский М. П., Спивак М. Л.* «Высокое» и «низкое» в комических операх Львова // *Гений вкуса: Материалы международной научно-практической конференции* / Ред. М. В. Строганов. Тверь, 2001. С. 271–276; *Коханова С. Б.* «Мужской вопрос» в пьесе Львова «Сильф» (проблема героя времени в гендерном аспекте) // Там же. С. 50–57). В качестве музыкальной составляющей львовской драмы описывают обычно оперы, написанные ком-

когда указывает необходимый для создания этого образа инструментальный состав, и даже тогда, когда называет лишь искомые тембры для желаемого звукового впечатления.

Какова палитра музыкальных красок-ассоциаций у Львова? Судя по его впечатлениям от посещения европейских (и прежде всего парижских) театров во время заграничной поездки 1776–1777 гг.²⁵, она чрезвычайно богата и разнообразна. Представить ее более конкретно как осмысленные музыкальные ассоциации позволяет уже первая пьеса Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» (1778). В арии одного из ее героев, музыканта Торини, дана точная характеристика тембров оркестровых инструментов и уместности их использования в той или иной музыкальной задаче. Задача, стоящая перед Торини, – музыкальное оформление мистификации «снисшествия небесных духов» и праздника по случаю примирения супружеской пары. Включив в состав своей партитуры скрипки, флейты, гобои, кларнеты и корнет, Торини выбраковывает последний²⁶: здесь это единственный

позиторами на тексты Львова (см.: Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов // Музыкальное наследство. Т. I. М., 1962. С. 11–64; Келдыш Ю. В. Опера «Ямщики на подставе» и ее авторы // Фомин Е. И. Ямщики на подставе (Памятники русского музыкального искусства. Вып. 6). М.: Музыка, 1977. С. 193–204; Немировская И. Д. Оперы Львова для домашнего театра («Сильф», «Милет и Милета», «Парисов суд») // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования: Сб. 4 / Ред. М. В. Строганов. Тверь, 2005. С. 211–220). Музыкальные же образы самого Львова как неотъемлемая часть его драмы (его *слышание* своих театральных действий сразу с музыкой, частично выраженное в ремарках) до сих пор не становились предметом специального исследования.

²⁵ Лаппо-Данилевский К. Ю. Комическая опера Н. А. Львова «Сильф»... С. 95–97.

²⁶ См. во второй редакции пьесы (РГАЛИ. Ф. 1296, оп. 2, № 13, л. 26–26 об.):

Виолини так идет:

Ла, ла, ла...

Ик лубовью стат часливой...

Браво – форте – нет, нет, нет...

Трал, рал, ла, ла, ла, ла...

Кларинетти э гобое.

План, план, пла, пла...

Нет один гобое – двое.

Будет весел очень жить.

Корни буду положить...

Трум, трум...

О! Нет! Корни со фалшит.

Флаути – браво – виолини...

Ла, ла, ла, ла...

Тутти – браво, съор Торини.

медный инструмент, на вкус Львова, перечаший тембровому согласию остальных, он уместен, скорее, в военных маршах. В ремарке к самой картине «снисшествия небесных духов» выделены духовые инструменты²⁷, под которыми (в связи с исключением корнета) надо понимать группу деревянных.

Каким оркестром Львов мог располагать для воплощения музыкального ряда «Пролога» в случае принятия его к постановке? Типичный оперный оркестр того времени ограничивался струнной смычковой группой (скрипки, альты, виолончели, контрабасы) с добавлением двух пар духовых, как правило флейт и валторн²⁸. Для торжественных представлений и грандиозных оперных спектаклей состав оркестра был более широким. Так, в год написания Львовым «Пролога» в России была поставлена опера весьма популярного чешского музыканта А. Бюлана «Сбитенщик», имевшая три акта, 21 вокальный номер и предназначенная для следующего оркестрового состава: «скрипки, альты, группа контрабасов, флейты, гобои, кларнеты (in A, in B), фаготы и валторны (in C, in D, in F, in B, in Es)»²⁹. На подобный оркестр рассчитывал и Львов.

Как Львов пользуется оркестровыми красками-тембрами? В «симфонии» первого явления «Пролога» использован, очевидно, весь оркестр *tutti*, подражающий звукам природы; подчеркну, что здесь нет пения – и вообще человеческих голосов.

Звуковая картина второго явления принципиально иная. Гармоничный Парнас, в противоположность дисгармоничной Земле, осенен умиротворяющей силой искусства: его музыка успокаивает стихии, «утишает» море и очищает горизонт. Здесь впервые появляется звучащее слово – хор юношей; вероятно, Львов имел в виду партесное пение, двух- или четырехголосное. Для создания музыкальной ассоциации гармонического мира драматург выделяет в звучании оркестра духовую группу, сопровождающую хор юношей. Очевидно, это деревянные духовые: во-первых, они близки по тембру к человеческому голосу; во-вторых, именно так Львов

Первая редакция пьесы сохранилась лишь частично (РНБ. Ф. 247, № 38, л. 169–183); во второй редакции (нач. 1790-х), где пьеса датирована по-прежнему 1778 г., этот фрагмент не содержит авторской правки и, очевидно, не изменен по сравнению с первой редакцией.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1296, оп. 2, № 13, л. 39.

²⁸ *Немировская И. Д.* Жанр русской комической оперы последней трети XVIII века: Генезис. Поэтика. Эволюция. Самара, 2007. С. 70.

²⁹ *Брабцова И.* О деятельности в России чешского композитора XVIII века А. Ш. Буланта // Чешская музыка как национальное и европейское явление: Межвуз. сб. тр. советских и чехословацких музыковедов. Новосибирск, 1987. Вып. 6. С. 55.

назвал деревянные в «Сильфе»; и, наконец, медные по принципу контраста активно использованы в следующем, третьем явлении, действие которого происходит на земле. Сопоставляя музыкальное решение «Сильфа» и «Пролога», можно заключить, что деревянные ассоциируются у Львова с музыкой высших сфер, а медные представляются ему более земными.

«Весь небесный хор», открывающий третье явление, – партесное пение, включающее женские и мужские голоса. Он завершает сцену на Парнасе. Далее каждая муза имеет свою звуковую характеристику – характерную музыкальную тему. Мельпомена, призывающая героев, связана с военной музыкой: это группа медных, исполняющая, очевидно, военные марши. Тема Евтерпы, вызывающей сирен, под пение которых начинается военное сражение-балет, – судя по ситуации, героические гимны (и в этом случае Евтерпа по функции сближается с Полигимнией). Особенно необычна и оригинальна тема Талии – «огромная роговая музыка», вызывающая пастухов и охотников. Роговой оркестр состоял из обычных охотничьих рогов, согласованных по темперированному звукоряду (один рог – один звук); такой оркестр был слышен на семь верст в округе и по звучанию напоминал большой церковный орган³⁰. Выход Терпсихоры, сзывающей своих нимф, дает начало общему балету в сопровождении общего хора, в который включается хор гиниев, поддержанный «прочей толпой». Все это вместе составляет картину общего торжества муз, выраженного всеми музыкальными средствами в их синтезе.

Таким образом, музыкальная партитура, зафиксированная в системе помет Львова, органична его символично-мифологическому замыслу и звуковыми средствами служит выражению ведущей идеи: музыка рождается из голосов природы, возвышается до музыки сфер и нисходит в земной мир искусством, которое проникает все, объемлет все, сплавливает всех. В этом смысле роговая музыка в системе звуковых красок Львова символична: она требует большого количества музыкантов и существует только совместным энтузиастическим движением всех и каждого; генетически она кажется низкой, простонародной, профанной, но рождаемый ею образ сакрален и по звуку, и по высокой энергии единения.

Осталось сказать еще о хореографии, декорационном оформлении действия и его общей сценографии. Декорационные и сценографические эффекты Львова космически масштабны и требуют виртуозной работы

³⁰ Роговая музыка стала популярной в России с 1750-х годов благодаря идее С. К. Нарышкина и деятельности придворного капельмейстера И. А. Мареша. По подсчетам М. И. Пыляева, при Елизавете и Екатерине в Петербурге было около девяти роговых оркестров (Пыляев М. И. Старый Петербург. М., 2005. Гл. 4).

машиниста, который, очевидно, должен был ощущать себя демиургом: дикий ужасный берег с его пещерами, морем, лесом, молнией, срывающей целые вершины каменных гор, вдруг сменяется сафирным храмом художеств, парящим в облаках; за нисхождением муз по движущимся облакам следуют сцены военных сражений и пасторального всеобщего торжества.

По сценографическому размаху «Пролог» Львова сопоставим с итальянской оперой-серия, в частности, – с оперными действиями *Метастазия*³¹: и то, и другое трудно представить поставленным на театре. Кажется, что Львов мечтал сыграть свое действие на природе, с использованием естественного ландшафта и с привлечением, наряду с артистами, большого количества селян. Собственно, желание выйти за пределы театральной сцены ощутимо во всей его музыкальной драме, и «Пролог», при всей своей необычности и привязке к конкретному официальному торжеству, – естественно возникающее, ожидаемое, незаменимое звено в эволюции львовской концепции драмы и театра.

Нужно сказать, что «Пролог» связан с другими драмами Львова целой системой лейтмотивов и художественных приемов. Так, нисхождение муз на землю предварено «снисхождением небесных духов» в «Сильфе», где, однако, эта картина дана как мистификация-шутка. «Сафирный храм художеств» позже иронически обыгран в «Парисовом суде» как Олимп, хохочущий над незадачливыми героями. Наконец, «большое дерево, где отпавшие ветви открывают кучу сидящих гиниев, поющих хор»³², – декорационно-сценический ход, без которого Львов не обходится ни в одной своей большой драме: мы найдем этот прием и в «Сильфе» – в картине «снисхождения небесных духов»³³, и в «Ямщиках на подставе» – в виде большого куста в середине театра, в котором нужно прятать хористов³⁴, и в «Парисовом суде» – правда, уже не в самом тексте, а в иллюстрации Львова, относящейся, по всей видимости, к финалу оперы³⁵.

Понятно, что в большинстве случаев Львов использовал традиционные приемы театра своего времени, и куст с хористами изобретен не им. И дикий лес, и буря-камнепад, и прячущиеся маленькие народцы, и сафирный храм во флеровом тумане, и военный балет, и общий сбор труппы и

³¹ Ср.: *Порфирьева А.* Лепет старых либретто // Петербургский театральный журнал. 2003. № 32.

³² *Львов Н. А.* Избранные сочинения... С. 310.

³³ Там же. С. 246.

³⁴ Там же. С. 254.

³⁵ Иллюстрация к опере Н. А. Львова «Парисов суд». Рис. Н. А. Львова. Тушь, перо. 1796 (*Львов Н. А.* Избранные сочинения... Вкладка первая. С. 16).

финальный хор, – все это своего рода *театральный конструктор*. Собрать из него действо «Пролога» можно было быстро и без особых затрат из действовавших в Петербурге трупп, оркестров и капелл. В этом случае можно ли считать «Пролог» оригинальным сочинением-проектом? – безусловно да, т. к. оригинальность определяется не техническими приемами, а новизной образной идеи и ее художественной реализацией.

И, я полагаю, именно новизна идеи, определившая общую идеологию праздника как торжество искусств, стала причиной отказа Львову в постановке спектакля. Поставив *магию искусства* выше *магии власти*, он нарушил придворный этикет, согласно которому надлежало возвеличить «солнце» русского просвещения – Екатерину-Минерву – и вращавшиеся вокруг нее планеты, в число которых входила и президент открываемой Российской Академии Е. Р. Дашкова.

МОСКОВСКИЙ ЧЛЕН РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

И. И. МЕЛИССИНО (по материалам переписки)

А. А. Костин, А. А. Малышев

В 1805 г., обсуждая перспективы публикации своих биографических материалов в журнале «Друг просвещения», митрополит Евгений (Болховитинов) писал Д. И. Хвостову: «Вы распинаетесь за Российскую Академию, и, как приметно, желали бы даже поместить ее в числе писателей, хотя между членами ея весьма многие совершенные трутни. Но я вам скажу на ухо, что Господа Академия весьма неблагодарна к заочным своим членам»¹. Несмотря на шутливость тона и явную житейскую злободневность (далее Евгений мотивирует свою позицию, говоря: «Будучи в Петербурге, я это обстоятельно узнал, и вы увидите сами в ея журнале, как она сортирует присланные ей сочинения и переводы», а после упоминает о неудачном переводе «Анахарсиса» Бартеlemi, об «освистанной» в «Вестнике Европы» «Грамматике» П. И. и Д. М. Соколовых, и о несуразностях первого выпуска «Словаря»), замечание это делает вполне явной ту проблему, которая стояла перед Академией с самого начала ее создания. Основанная в Петербурге, являвшаяся на всем протяжении своего существования в полной мере коллегиальным органом, проводившая свои заседания только в столице, Российская академия не могла не столкнуться с той проблемой, что значительное число ее членов – авторитетных русских литераторов – проживали в Москве или даже в провинции, и для участия их в деятельности собрания требовалось предпринимать непростые организационные

¹ Переписка Евгения с графом Д. И. Хвостовым / подг. Я. К. Гротом // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1868. Т. 5, вып. 1. С. 118.

меры. Одной из самых успешных мер подобного рода стало негласное назначение одного из московских членов Академии своеобразным куратором, председателем стихийно созданного и официально не оформленного московского ее отделения. К сожалению, к началу XIX века, когда было написано процитированное письмо Евгения, институт этот перестал существовать, однако при Е. Р. Дашковой руководство Академии активно его использовало, и вклад заочных членов в работу над «Словарем» оказывался отнюдь не формальным. Особо важной оказалась роль первого такого «председательствующего» московского члена Академии – Ивана Ивановича Мелиссино (1718–1795), принявшего на себя труд координации работы только еще создававшейся организации. К сожалению, эта сторона его деятельности до сих пор не привлекала специального внимания, а без ее рассмотрения невозможно в полной мере оценить сложность работы над первым изданием «Словаря Академии Российской».

В 1783 г., когда Е. Р. Дашкова предложила Мелиссино стать членом Российской Академии², он уже 12 лет являлся куратором Московского университета. Уже это могло служить достаточным основанием, чтобы именно ему поручить координацию работы московских членов; решение это покажется еще более обоснованным, если вспомнить, что в 1757 г. (хотя и безуспешно) он попытался организовать при Московском университете регулярные встречи литературного общества, а в 1771 г. выступил инициатором и создателем Вольного Российского собрания при Московском университете – крупнейшего русского литературного общества конца XVIII века, членами которого стали Н. И. Новиков, М. Н. Муравьев, А. П. Сумароков, А. М. Кутузов, Е. Р. Дашкова, Д. И. Фонвизин и др. видные литераторы и деятели культуры.

Важным источником для описания деятельности Мелиссино как московского члена-координатора Российской академии служат, конечно, материалы ее архива, сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН; однако, не менее ценными оказываются материалы самого Мелиссино, сохранившиеся в архиве журнала «Русская старина»³. Помимо оригиналов многочисленных писем к Мелиссино, преимущественно за период начала 1780-х гг., в число этих материалов входит рукопись с копиями писем Мелиссино к 44 лицам, в том числе – к М. И. Веревкину, Е. Р. Дашковой, И. П. Елагину, И. И. Лепехину, П. И. Фонвизину, М. М. Хераскову и

² См. письмо Дашковой к Мелиссино от 2 сентября 1783 г., в котором она просит его принять звание члена Академии (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1568, л. 1).

³ ИРЛИ. Ф. 265, оп. 2, № 1550–1616.

др.⁴

На папке надпись: «Платон. Господину нашему Преосвященному». Копии с писем, выполненные черными и коричневыми чернилами, разными почерками (не менее 4), занимают 46 листов. На л. 13 оторваны левый верхний угол и нижняя часть листа, л. 46 представляет собой половину листа небольшого формата. Отчасти имеющиеся здесь в копиях письма дублируют письма, сохранившиеся в архиве Академии, однако в ряде случаев в текстах встречаются разночтения – преимущественно незначительные, в основном объясняемые ошибками переписчика. Однако один случай представляет опереженный интерес: в текстах письма от 24 февраля 1785 г. (см. письмо № 20) приводятся различные списки студентов, представлявших Мелиссино к наградам. В тексте списка обнаруживается более поздний вариант письма, поскольку здесь указан новый студент, заменивший вышедшего из университета.

Подавляющую часть представленных выше материалов занимает переписка Мелиссино с неперменным секретарем Российской академии И. И. Лепехиным, который работал над литерами «Р», «У», «Ѣ», «Ө» и выбирал слова из естественнонаучных источников. В большинстве своем эта корреспонденция состоит из отчетов Мелиссино о проделанной работе. 21 февраля 1784 г. было проведено собрание московских членов, на котором решался вопрос о принципах составления «Словаря» (см. письмо 7), а уже 29 февраля Мелиссино извещает Лепехина о решении создать в Москве комитет «для советования единогласно к приступлению и исполнению требований Академии и для избавления оной от излишнего труда в рассматривании разных мнений» (см. письмо 8). С этого времени начинается интенсивная деятельность по составлению московскими членами Академии списков слов для словаря и внесению дополнений и исправлений в присылаемые из Петербурга таблицы слов.

Показательно в переписке с Лепехиным стремление Мелиссино заботиться об оказавшихся негласно в его подчинении сотрудниках. В письме от 6 ноября 1783 г., поздравив Лепехина с назначением секретарем Академии и пообещав разослать Устав Академии московским членам, в т. ч. историку князю М. М. Щербатову и М. М. Хераскову, Мелиссино добавляет: «Не худо бы было, если б сочинения отсутствующих членов могли присылаемы быть без платежа почтовых денег» (см. письмо 3). Интересный случай такой заботы представляет сообщение просьбы давнего знакомого Мелиссино М. И. Веревкина, который трудился над выбором слов из Свя-

⁴ Там же. № 1552.

щенного Писания. В конце 1783 г. Веревкин вкратце изложил свой замысел Дашковой (письмо от 11 декабря 1783 г.⁵), которая, очевидно, одобрила его намерение. 21 февраля 1784 г. Веревкин обращается к Мелиссино с просьбой: «Не угодно ли переписаться с княгиней, чтоб я выбираемые мною из Священного Писания сильные славенские слова, вместо отсылки к ней в Петербург, присылал к вам одному, или с прочими в Москве находящимися членами Российской Академии. Смею вас уверить, что один такой член старого Российского Собрания при Университете, может быть более принесет сим образом плода, нежели двое или несколько поболее членов новопроявившейся Академии»⁶. Кроме вполне понятного желания сохранить плоды своего кропотливого труда (Веревкин указывал точное положение слова в тексте Писания, а также намеревался снабдить каждое слово комментарием о положении этого слова в латинской, французской и немецкой Библии), в этой просьбе подспудно заложено чувство некоторой неприязни к новой Академии и противопоставление ее Вольному Российскому собранию (равно как и себя лично более молодым членам Академии).

30 сентября 1784 г. А. В. Могилянский (секретарь Мелиссино) сообщает в письме к Лепехину, что Веревкин намеревался передать свои записи Дашковой при ее летнем проезде через Москву, однако все материалы, связанные с будущим словарем, должны были потребоваться лишь осенью, по какой причине Мелиссино (очевидно, по личной просьбе Веревкина) «всепокорно» просил Лепехина передать труд Веревкина лично Дашковой (см. письмо 18).

Те немногочисленные письма Мелиссино, которые он писал непосредственно Дашковой, позволяют, тем не менее, сделать определенные выводы как о характере самого Мелиссино, так и о его отношениях с президентом Российской академии. Поначалу его письма содержат лишь изящные выражения, в которых подчеркивается важная роль княгини в делах Академии и которые вполне можно принять за легкую лесть в ее адрес (см. письма 1 и 2). Однако вскоре становится понятным, что в некоторых вопросах он не намерен скрывать своего мнения за изящной велеречивостью. В письме от 7 марта 1784 г. Мелиссино, предварив свою речь учтивым вступлением, указывает на неспешность принятия официального Устава Академии, что допускает возможность считать существующий Устав лишь проектом, в который московские члены Академии настоятельно советуют внести важную поправку: «собрание Московских членов приемлет

⁵ ФА РАН, ф. 8, оп. 3–1783, ед. хр. 11, лл. 1–1 об.

⁶ РО ИРЛИ, архив журнала «Русская старина» № 2746, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1560, л. 1.

онный не иначе как только проектом или начертанием к Уставу и считает, что в оном могут еще учинены быть потребные перемены». Поводом к заявлению подобной позиции послужило сложившееся у Мелиссино и московских членов Академии мнение, что одна из статей Устава может иметь следствие, которое «не иначе как действительным вредом и убытком ей (Академии. – А. К., А. М.) признано быть должно» (более подробно см. письмо 9).

Впрочем, подобное проявление самостоятельности было едва ли не единичным случаем. Так, когда Лепехин постарался узнать личное мнение Мелиссино о возможном названии «Словаря», он получил дипломатичный ответ: «Что ж принадлежит до мнения моего, как назвать сочиняемый словарь, то я в сем полагаюсь на благорассуждение Академии, будучи уверен, что она все сделает к лучшему» (см. письмо 22).

Еще служа на посту директора Московского университета, Мелиссино обратил внимание на необходимость непосредственного участия в жизни студентов: он присутствовал на экзаменах, особо следил за религиозно-нравственным воспитанием, здоровьем учащихся и условиями их быта, летом 1757 г. и зимой 1759–1760 гг. лично представлял И. И. Шувалову лучших учеников⁷. Не оставил он этих забот и став куратором Университета⁸, что проявилось и в его работе по координации московских членов Российской академии⁹.

В письме к Дашковой от 15 апреля 1784 г. было отмечено, что несколько семинаристов своими пополнениями помогли в работе над списком слов на букву А, в связи с чем их необходимо «поощрить к дальнейшим трудам» (см. письмо 13). В письме к Лепехину от 31 июля 1784 г. Мелиссино сообщает о получении таблиц и рассылке их членам Академии (в т. ч. Хераскову и Щербатову), а также о наличии пополнений от членов

⁷ Кочеткова Н. Д., Моисеева Г. Н. Мелиссино И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2. С. 280–282.

⁸ См., например, рекомендательное письмо о студенте Петре Бурове к П. В. Обухову от 30 марта 1783 г. (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед хр. 1584, л. 5 об.) и последующую просьбу сообщить об условиях работы студента в качестве губернского секретаря от 3 апреля 1783 г. (там же, л. 6); рекомендательное письмо о студенте Иванове к Н. П. Шереметеву от 4 окт. 1783 г. (там же, л. 9 об.); рекомендательное письмо о некоем студенте к Н. П. Архарову, который принимает студента к себе на службу от 3 марта 1784 г. (там же, л. 23 об.); письмо о М. А. Прокоповиче-Антонском от 25 ноября 1784 г. (там же, л. 36).

⁹ См.: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 28; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 79–80.

Академии, причем вновь подчеркивает, что заметную роль в составлении списков слов играют студенты Московского университета (см. письмо 16). В письме к Лепехину от 27 января 1785 г. Мелиссино упоминает о высылке таблиц с пополнениями, сделанными шестью университетскими семинаристами и настоятельно просит напомнить Дашковой о необходимости награждения для них: «По справедливости они за отменную свою прилежность к сей работе достойны ее внимания, тем более, что сами, будучи заняты лекциями и приготовлениями к оным, не пропускают ни часа лишнего, чтоб не пожертвовать оным пользе Академии» (см. письмо 19). В ответном письме от 17 февраля Лепехин пишет Мелиссино о студентах: «Ее Сиятельство приказать мне изволила просить вас, чтоб вы сами благоволили назначить им умеренное награждение, которое, по одобрению вашему, и будет им при истечении года выдано непременно»¹⁰. Мелиссино предполагает, что студентов лучше всего наградить званием: «я лучшего к тому средства не нахожу <...> как дать им какое-нибудь академическое звание то есть сотрудников, корреспондентов или какое Ее Сиятельство заблагорассудит», а также о том, что на место вышедших из университета студентов «приняты новые, которые исправляют сию работу» (см. письмо 20). История с награждением студентов заканчивается, как кажется, письмом Лепехина от 31 марта 1785 г.: Лепехин отвечал, что доложил об этом предложении Дашковой. Однако Устав Российской академии не подразумевал иных званий для участников подготовки «Словаря Академии Российской», кроме звания действительного члена Академии, которое было невозможно присвоить студентам, поэтому было предложено наградить их книгами, подписанными членами Академии¹¹.

Стоит отметить, что некоторым из этих студентов было уготовано славное будущее, что подтверждает прозорливость Мелиссино в выборе юных сотрудников. Так, А. А. Прокопович-Антонский позже работал с Мелиссино, стал заслуженным профессором и ректором Московского университета, членом многих ученых обществ¹²; М. А. Петровский в студенчестве сотрудничал с Н. И. Новиковым в журнале «Покоящийся трудолюбец», при успешном продвижении по военной стезе получил ряд высоких наград и вышел в отставку в сентябре 1816 г. в чине генерал-майора¹³. Я. А. Рубан,

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1584, л. 10.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1584, лл. 11–11 об.

¹² *Нешумова Т. В.* Прокопович-Антонский А. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 152–154.

¹³ *Модзалевский Б. Л.* Петровский М. А. // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. Павел, преподобный – Петр (Илейка). С. 647–648.

вместе с А. Прокоповичем-Антонским выписанный из Киевской Духовной Академии в Московский университет в 1782 г. как отличный студент, стал профессором Черноморского корабельного училища в Николаеве, напечатал несколько сочинений по географии и философии, умер до 1806 г. в чине надворного советника¹⁴. Судьба З. Масловского была менее яркой: известно лишь, что в 1791–1792 годах он напечатал два перевода с французского¹⁵. М. А. Прокопович-Антонский был среди авторов «Вечерней зари» и «Покоящегося трудолюбца», служил по гражданским делам, умер в чине статского советника¹⁶. М. И. Панкевич в 1787 году вошел в число преподавателей Московского университета и со временем стал видным профессором математических наук¹⁷. При более внимательном рассмотрении вопроса о студентах выясняется, что их было не шесть, как может показаться из писем Мелиссино, а семь: место вышедшего из университета М. А. Прокоповича-Антонского занял П. Русановский (см. письмо 20), который в 1783 г. стал преподавателем в Нижнем Новгороде (семинария и уездное училище)¹⁸.

Начиная с 1784 г. в письмах Мелиссино часто встречаются упоминания о его ухудшавшемся здоровье. Именно болезнь послужила причиной того, что в апреле 1786 г. Мелиссино передал свои обязанности по координации работы московских членов А. А. Барсову (см. письмо № 24).

¹⁴ Модзалевский Б. Л. Рубан Я. А. // Там же. Т. Романова – Рясковский. С. 383–384.

¹⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 1. С. 137, 302.

¹⁶ Сводный каталог... М., 1966. Т. 4. С. 123, 162; Прокопович-Антонский М. А. // Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. Притвиц – Рейс. С. 41–42.

¹⁷ Бобынин В. В. Панкевич М. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. Павел, преподобный – Петр (Илейка). С. 249–252.

¹⁸ Сводный каталог... М., 1966. Т. 4. С. 42.

ПИСЬМА И. И. МЕЛИССИНО В РОССИЙСКУЮ АКАДЕМИЮ

1. Е. Р. Дашковой

19 октября 1783 г.

Милостивая государыня княгиня Екатерина Романовна!

Сколько для меня лестна сделанная вами честь вашим Сиятельством в рассуждении приглашения меня в члены Императорской Российской Академии, столь напротив того сожалею, что слабость здоровья моего не может соответствовать как должности, налагаемой сим званием, так и тому усердию, которое я всегда имел к сему столь полезному делу. Хотя ж и обременен я старостию лет и случающимися в оной болезнями, однако, принимая почтенное сие на себя звание, с великою охотою, сколько сил моих достанет, буду служить во всем том, что от меня зависит и что касается до чести и славы оной Академии. Стараться для Отечества сколь похвально, столь и приятно, и потому я весьма радуюсь, что сие давно желанное дело наконец всецелым и матерним покровительством ее Императорского Величества и трудами вашего Сиятельства произведено в действо, а тем более всякого заставляет надеяться о пользе, из того произойти могущей, что председательство поручено такой особе, которая как добродетелями сердца своего, так и превосходством разума того достойна. В прочем, принося вашему Сиятельству благодарность мою, имею честь быть

вашего Сиятельства милостивой государыни...

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, лл. 11–11 об.

2. Е. Р. Дашковой

2 ноября 1783 г.

Милостивая государыня княгиня Екатерина Романовна!

Полученного мной от вашего Сиятельства *Начертания для составления толкового славено-российского словаря* копии доставлены ко всем тем особам, о которых ваше Сиятельство изволите упоминать в письме своем. Когда словарь сей получит совершенное свое исполнение по намерению вашего Сиятельства, в чем Отечество имеет крайнюю нужду, то оно в сем случае ничему иному одолжено не будет за доставление сей преполезной книги, как только усердию и старанию вашего Сиятельства, которые видны во всех делах, предпринимаемых вами для пользы и славы Отечества и сограждан. В прочем с достодолжным почтением имею честь быть

вашего Сиятельства милостивой государыни всепокорный слуга

Иван Мелиссино.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 12 об.

3. И. И. Лепехину

6 ноября 1783 г.

Милостивый государь мой Иван Иванович!

За поздравление меня членом Императорской Российской Академии и присланный Устав приношу мою благодарность. Равномерно и я с особливим удовольствием поздравляю вас с почтенным званием Секретаря. Прозорливость и знание достойнейшего нашего Председателя видны во всех делах. Ее Сиятельству не могла сделать лучшего выбора в столь трудную должность и, препоручивши оную вам, она отдала справедливость как достоинству, так и тем знаниям, которые украшают вашу особу и влекут к оной всех почтение, с которым и я пребывая, остаюсь

ваш милостивого государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

Р. С. Приложенный при письме вашем Устав Императорской Российской Академии как скоро будет списан, непременно сообщится как его Сиятельству князю Михайлу Михайловичу Щербатову, так и его Превосходительству Михайлу Матвеевичу Хераскову.

Не худо бы было, если б сочинения отсутствующих членов могли присылаемы быть без платежа почтовых денег.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1783, ед. хр. 4, лл. 1–1 об.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 12.

4. И. И. Лепехину

28 декабря 1783 г.

Милостивый государь мой Иван Иванович!

Как письмо ваше, так и посланные вами от Императорской Российской Академии 6 жетонов¹⁹ я получил и означенным вами особам оные доставил. Теперь остается только желать, чтоб дело сие, столь благое и преполезное, имело беспре-
рывное продолжение и желаемый успех, в чем и нельзя сомневаться, ибо оно поручено таким особам, которые имеют все нужные к сему достоинства, в прочем остаюсь

ваш милостивого государя покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1783, ед. хр. 4, л. 2.

¹⁹ Члены Академии получали жетоны после каждого заседания (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1888. Т. 8. С. 327–328).

5. И. И. Лепехину

19 февраля 1784 г.

Милостивый Государь мой Иван Иванович!

Письмо ваше и мнение г. Болтина²⁰ я имел честь получить, и если б сие не было на первой неделе нынешнего поста, в которую многие говеют, то тогда бы, сделав общее из здешних членов Академии собрание, прислали мнение свое Академии, но для сего собрания назначена следующая среда, и что будет положено, я не премину сообщить, а между тем, как письмо ваше, так и мнение г. Болтина послано мною к прочим членам. В прочем имею честь быть

ваш милостивого государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 15 об.

6. Приглашение на собрание московских членов, черновой вариант:

Императорской Российской Академии²¹ член Иван Иванович Мелиссино, по учиненному к нему от оной Академии сообщению и требованию, просит чрез сие в. С.²² как члена²³ оной Академии благовоить²⁴ сего февраля 21 дня, то есть в среду на сей неделе, пополудни в 4 часа, приехать²⁵ в университетский дом, что на Моховой, для составления²⁶ в большой университетской аудитории²⁷ комитета и в оном для общего рассуждения о потребных в сочинении Славено-российского Тол-

²⁰ Болтин И. Н. (1735–1792), видный русский историк, блестящий знаток русской истории и русских древностей. Его исторические разыскания вызвали значительный резонанс как среди современников, так и среди потомков (Моисеева Г. Н. Болтин И. Н. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. С. 118–119). Болтин не раз помогал ценными советами при создании словаря, а также сделал множество выписок слов из церковных книг. (Сухомлинов М. И. *История...* СПб., 1880. Т. 5. С. 276–277). В данном случае речь идет о мнении Болтина о «пополнении и некоторых пременах сделанного начертания о сочинении толкового славенороссийского словаря (ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29). Кроме того, он поставил вопрос о расположении словаря азбучным (аналогическим) или коренным (этимологическим) порядком, решительно высказавшись за аналогическое расположение слов (там же, лл. 35–35 об.).

²¹ Академии член исправлено вместо: Академии Высокопочтенных Господ членов, в Москве пребывающих, сочлен их (вариант: Высокопочтенного Господина сочлен Его).

²² в<аше> С<иятельство> или в<аиу> С<ветлость>. Таким образом, можно предположить, что этот документ – в первую очередь, письмо к определенному титулованному лицу; по-видимому, князю М. М. Щербатову.

²³ члена в.м. зач. сочлена.

²⁴ Слова в. С. ... благовоить вписаны.

²⁵ приехать в.м. зач. собраться.

²⁶ Слова для составления вписаны.

²⁷ Слова в большой ... аудитории в.м. зач. в большую аудиторию для составления.

кового Словаря переменах по поданному от одного из членов оной же Академии мнению, которое также сообщено и оное в сем комитете прочтено будет²⁸.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 17.

7. И. И. Лепехину

26 февраля 1784 г.

Государь мой Иван Иванович!

По требованию Императорской Российской Академии, которое мне чрез письмо ваше от февраля месяца сообщено было, и по моему вследствие того приглашению члены оной Академии, пребывающие здесь в Москве, сего месяца 21-го дня имели в университетской аудитории общее собрание. По прочтении как письма вашего, так и приложенных примечаний г. Болтина, оное собрание определило прочие статьи, поелику оные решены уже Академиею и от вас только для ведения сообщаются, оставить в своей силе. Хотя, правда, некоторые из присутствовавших при том членов желали бы, чтоб глаголы в словаре, во-первых, означаемы были неокончательным наклонением²⁹, как бы наименованием каждого глагола вообще, содержащим в себе все три лица и оба числа.

Но, оставя сие как решенное дело, а приступив к последней, числом 7 означенной статье, собственно заключающей в себе требование Академии, то есть в способе расположения словаря, этимологическим ли порядком оный сочинять или аналогическим? упомянутое собрание, нашедши доводы, предложенные со стороны первого из сих двух порядков убедительнейшими и с намерением сего словаря сходственнейшими³⁰, определило единогласно, что лучше следовать в том способу этимологическому, которое мнение и можете вы донести Императорской Российской Академии в ответ на ее требование. В оном же собрании читано было представление в Императорскую Российскую Академию от члена оной г. Барсова³¹, которого содержание все присутствовавшие при том члены не иначе как справедливым и основательным признали, по чему оное при сем прилагается³², так как и мне

²⁸ Слова *прочтено будет* вм. *зач. прочесть должно*.

²⁹ Т. е. инфинитивом, неопределенной формой глагола.

³⁰ РО ИРЛИ: *сходственными*.

³¹ Барсов А. А. (1730–1791) – профессор Московского ун-та (с 1755 г. – кафедра математики, с 1761 г. – кафедра красноречия), один из самых образованных людей своего времени. Перу Барсова принадлежит фундаментальный труд «Краткие правила российской грамматики», выдержавший 10 изданий с 1771 по 1802 г. Мнение Барсова о правописании букв Е и Ъ, представленное в Академии, очевидно, отражало его о необходимости ряда прогрессивных нововведений грамматического характера (Степанов В. П. Барсов А. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Т. 1. С. 64–68).

³² Мнение Барсова было прочтено Лепехиным на заседании Академии и передано в Грамматический отдел (письмо Лепехина Мелиссино от 22 апреля 1784 г., РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1584, лл. 5–5 об.).

ние Архангельского протоиерея Петра Алексеева³³, который по причине болезни не мог присутствовать в Комитете. В прочем я имею честь быть с особливейшим почтением моим к вам

государь мой покорный ваш слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8., оп. 3–1784, ед. хр. 5, лл. 1–1 об.
РО ИРЛИ, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 16.

8. И. И. Лепехину

29 февраля 1784 г.

Милостивый государь мой Иван Иванович!

Посланные вами аналогические таблицы³⁴ мною получены и разосланы ко всем в Москве находящимся членам, а для советования единогласно к приступлению и исполнению требований Академии и для избавления оной от излишнего труда в рассматривании разных мнений, я просил г. член сделать комитет, и что впредь в оном воспоследует, не премину сообщить. В прочем имею честь быть

ваш милостивого государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 18.

9. Е. Р. Дашковой

7 марта 1784 г.

Милостивая государыня княгиня Екатерина Романовна!

О присланных из Императорской Российской Академии к пребывающим здесь в Москве членам оной Академии аналогических таблицах для славенороссийского словаря, каково оными в общем их собрании учинено положение, о том чаятельно известны уже ваше Сиятельство чрез донесение неперменного Секретаря г. Лепехина, которому оное сообщено от меня в письме моем с последнею пред сим почтою. А как в том же собрании, в соответствии с его стороны равномерным усердием достохвальному Вашего Сиятельства попечению о успехе и пользах оной Академии, рассуждаемо было также и о некоторых других, к сей цели относящихся обстоятельствах, и из оных рассуждений некоторые есть такого свойства, что требуют положительного рассмотрения от Вашего Сиятельства и от целой Академии

³³ Алексеев П. А. (1727–1801) – видный деятель русского духовенства 2-й половины XVIII в., протоиерей Архангельского собора Москвы, автор образцового «Церковного словаря» (1773–1776 гг.), послужившего основой для последующих толковых и справочных словарей церковного и бытового назначения (Лихоткин Г. А. Алексеев П. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Т. 1. С. 28).

³⁴ Списки слов, расположенные по привычному нам буквенному порядку.

Российской, то я за долг свой почитаю оные чрез сие представить Вашему Сиятельству, поелику донныне все сообщения оной Академии ко мне были присланы и общице собрания московских членов по моему составлялись приглашению в университетской аудитории. Итак, во-первых, в сообщенном уставе Императорской Российской Академии, который поелику ещё не утвержден ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ, ВСЕВЫСОЧАЙШЕЮ И ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЮ оной Академии ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕЮ, то собрание Московских членов приемлет оный не иначе, как только проектом или начертанием к уставу, и считает, что в оном могут еще учинены быть потребные перемены: статья 27-я по мнению одного собрания может иногда препятствием быть в успехах оной Академии, потому что налагаемое оную статью обязательство на членов может иметь вид принуждения, противного свободе их и самому намерению Академии, что как в тех, которые не выдав сего начертания, приняли уже на себя звание членов сея Академии, может произвести разные сомнения о печатании их сочинений и о присвоении Академиею себе плода трудов их, когда всеконечно удобнее и приличнее целой Академии преимущественно довольствоваться славою, а прибыль каковой-либо оставлять собственно трудящим, так и впредь приглашаемых или желающих вступить может от того удерживать таковыми сомнениями, в чем иному не только лишение совсем или отчасти награды за труд, но и самая неудобность и неблизкая иногда пересылка и печатание в отсутствии без его sprawy или и против его мыслей, может быть чувствительна³⁵. Итак, доколе ещё таковой устав не утвержден высочайшей властью, не благоволит ли Императорская Российская Академия оную статью отменить и ограничить особливо в рассуждении последней ее половины, касающейся до всех сочинений, кои до правил и исправлений российского языка принадлежать могут. Таковое положение, связывая руки членам в собственных их добровольных делах, может не только смелость отнять к изданию чего-либо ими сочиненного, но и охоту истребить к предприятно какого-либо сочинения, но есть ли таких случаев будет много, есть ли в числе таковых сочинений, в зачатии и рождении их задушаемых, некоторые могущие принести честь Академии, то сие лишение не иначе как действительным вредом и убытком ей признано быть должно. Я ласкаю себя, что ваше Сиятельство предложение сие как вообще от собрания московских членов, так и особенно с моей стороны не иначе принять изволите, как за действие должного усердия к подкреплению и процветанию Императорской Российской Академии, которой к дальнейшему рассмотрению и решению оное предоставляя, долженствуя еще не только от себя, но и от всего одного собрания Московского, в силу 22-й статьи упомянутого устава, представить в члены Российской Академии кандидатами двух университетских профессоров: коллежского асессора и медицины доктора и профессора Семена Герасимовича Зыбелина и коллежского асессора и красноречия профессора Харитона Андреевича Чеботарева, которых упражнение и искусство в российском слове не только по месту их и званию предполагаться может, но и действительными опы-

³⁵ 27-я статья Устава: «Каждый член Академии обязан не печатать мимо ее сочинений тех, кои составляют общий труд Академии, равномерно и всех тех, кои до правил и исправления российского языка принадлежать могут» (Сухомлинов М. И. История... СПб., 1888. Т. 8. С. 429).

тами, то есть по нескольким печатными речами их засвидетельствовано³⁶. В прочем имею честь быть со всегдашним и преданнейшим почтением моим, милостивая государыня,

вашего сиятельства всепокорно преданнейший слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, лл. 2–3.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, лл. 18 об.–19 об.

Опубликовано полностью Сухомлиновым: СПб., 1885, т. 7, с. 128–130.

10. И. И. Лепехину

11 марта 1784 г.³⁷

Милостивый государь мой Иван Иванович!

При письме вашем от 5-го марта имел я честь получить посланное вами продолжение первоначальных листов печатаемого собрания слов, которые от меня по надписи и разосланы ко всем находящимся здесь членам, переправки же и мнения их как скоро получу, не премину доставить. В прочем остаюсь

ваш милостивого государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, л. 4.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, лл. 19 об.–20.

11. И. И. Лепехину

28 марта 1784 г.

Государь мой Иван Иванович!

При письме вашем от 21-го марта я имел честь получить продолжение таблиц, которые по надписи ко всем г. членам в тот же день и разосланы. Ответа же вашего касательно до представления Антона Алексеевича Барсова в рассуждении употребления буквы Е и Ъ я еще не получал. Конечно, неисправность или небрежение разносчика сему причину³⁸. В прочем остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, л. 5.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 20.

³⁶ По итогам голосования членов Академии 21 марта 1784 г. Зыбелин был избран в Академию, Чеботарев же избран не был, о чем Дашкова известила Мелиссино, попутно объяснив, что в таких случаях решение принимается не председателем, но общим голосованием (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1568, лл. 6–6 об.).

³⁷ В списке РО ИРЛИ копия ошибочно датирована 21 марта.

³⁸ Сам Лепехин в письме от 21 марта 1784 г. также жалуется на разносчика почты (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1584, л. 3).

12. И. И. Лепехину

15 апреля 1784 г.

Государь мой Иван Иванович!

Некоторых здесь находящихся Академии членов пополнения и примечания к присланным первоначальным таблицам печатаемого собрания слов пошлются к вам по завтрашней почте. Получаюные, прошу вручить их, так как и приложенные при сем письма ее Сиятельству княгине Екатерине Романовне. В прочем имею честь быть

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, л. 7.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552, л. 22.

13. Е. Р. Дашковой

15 апреля 1784 г.

Милостивая государыня Екатерина Романовна!

По завтрашней почте буду иметь честь сообщить вашему Сиятельству пополнения к присланным первоначальным таблицам печатаемого собрания слов его Сиятельства к. Михайла Михайловича Щербатова и примечания Антона Алексеевича Барсова. Я же, не имея сам нужного здоровья к таковому делу, поручил некоторым университетским студентам, которых имена при сем прилагаются, и которые сделали пополнение к букве А с помощью собранных слов, из которых я хотел в Вольном Российском Собрании делать лексикон. Положение сих студентов, в котором прибавленные слова отмечены, равномерно с прочими послано будет. Если труд их понравится вашему Сиятельству и полезен будет Академии, то не худо бы было сделать им ободрение, какое вашему Сиятельству заблагорассудится. Сим их можно поощрить к дальнейшим трудам. В прочем имею честь быть

вашего Сиятельства милостивой государыни всепокорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, лл. 6–6 об.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 21.

Опубликовано полностью Сухомлиновым: СПб., 1885, т. 7, с. 130–131.

14. И. И. Лепехину

22 апреля 1784 г.

Государь мой Иван Иванович!

При письме вашем получил я продолжение первоначальных таблиц печатаемого собрания слов, которые по надписям ко всем здесь находящимся Академии

членам доставлены, так как и письмо к г. Зыбелину отослано. Примечания же к таблицам, как скоро получу от г. членов, не премину доставить. В прочем остаюсь
ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, л. 8.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 22.

15. И. И. Лепехину

29 апреля 1784 г.

Государь мой Иван Иванович!

Письмо ваше, так как и приложенное при оном продолжение таблиц, я имел честь получить и разослать ко всем находящимся в Москве г. членам Академии. Пополнения же и примечания получа, не премину со всевозможною скоростию доставить, в прочем остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, л. 9.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 23 об.

16. И. И. Лепехину

31 июля 1784 г.³⁹

Государь мой Иван Иванович!

Полученное мною продолжение аналогических таблиц сообщено от меня как Михайлу Матвеевичу Хераскову, так и князю Михайлу Михайловичу Щербатову с приложенным письмом. Пополнения же и примечания к прежним таблицам от некоторых членов и университетских студентов я и намеревался переслать к вам, но ее Сиятельство княгиня Екатерина Романовна, будучи в Москве, мне изволила говорить, что не прежде в них нужда будет, как в сентябре месяце, почему я оставил до того времени. Приехав же в Москву, ибо я для поправления моего здоровья нахожусь в деревне, не премину как старые, так и вновь сделанные пополнения и примечания вам сообщить. В прочем остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1784, ед. хр. 5, л. 10.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 29.

³⁹ Копия в РО ИРЛИ ошибочно датирована 2 августа.

17. А. В. Могиланский – И. И. Лепехину

30 сентября 1784 г.

Милостивый государь мой Иван Иванович!

Михайла Иванович Веревкин просил его Превосходительство Ивана Ивановича Мелиссино, чтоб в проезде княгини Екатерины Романовны чрез Москву вручить ей приложенные при сем его славянские части слова с русским переводом. Но как ее Сиятельство проговаривала, чтоб переслать в сентябре месяце прямо в С. Петербург, то его Превосходительство и препоручил мне всепокорно просить вас, милостивый государь, сделать ему одолжение: сообщить труды Михайла Ивановича княгине Екатерине Романовне. Извините его притом, что он по причине продолжающейся еще болезни⁴⁰ сам к вам писать не может. При сем, равномерно по приказанию его Превосходительства, имею честь доставить вам начало буквы *веди*, пополненную и выработанную университетскими студентами. От прочих же членов еще ничего не получено. Имею честь быть

ваш милостивого государя моего покорный слуга

Андрей Могиланский.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, лл. 31 об.–32.

18. И. И. Лепехину

2 января 1785 г.

Государь мой Иван Иванович!

Аналогические таблицы, на мое имя надписанные, мною получены. Покорнейше же прося вас принести чувствительную мою благодарность ее Сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой за сообщение мне краткого описания происшествия в торжественном собрании Российской Академии⁴¹ остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1785, ед. хр. 1, л. 1.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 38.

⁴⁰ В письме к С. Эли от 25 ноября 1784 г. от лица Мелиссино сказано, что он все еще страдает «хирагрою (подагра в кистях рук – А. К., А. М.), которая не позволяет мне действовать руками», по какой причине письма пишут за него (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552, лл. 34 об.–35). Очевидно, болезнь не оставляла его до конца жизни: в письме к светлейшему царевичу от 2 марта 1785 г. он также жалуется на болезнь (РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552, лл. 40–40 об.).

⁴¹ Речь идет о новогоднем собрании членов Академии в Петербурге.

19. И. И. Лепехину

27 января 1785 г.

Государь мой Иван Иванович!

Препровождая к вам аналогические таблицы с пополнениями 6-и университетских семинаристов, я не могу пропустить, чтоб не просить покорно вас напомнить княгине Екатерине Романовне, что она мне обещала сделать какое-нибудь награждение сим трудящимся в пополнении словаря семинаристам. По справедливости они за отличную⁴² свою прилежность к сей работе достойны ее внимания тем более, что сами, будучи заняты лекциями и приготовлениями к оным, не пропускают ни часа лишнего, чтоб не пожертвовать оным пользе Академии. В прочем остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 39.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1785, ед. хр. 1, л. 2.

Опубликовано полностью Сухомлиновым: СПб., 1885, т. 7, с. 131–132.

20. И. И. Лепехину

24 февраля 1785 г.

Государь мой Иван Иванович!

Как студенты, трудящиеся в пополнении словаря, единственно делают сие из чести быть участниками столь полезного дела, не желая за то никакого интереса, то, я думаю, и награждение им надобно сделать такое, которое б соответствовало благородному их побуждению. Я лучшего к тому средства не нахожу, если соизволение ее Сиятельства на то будет, как дать им какое-нибудь академическое звание, то есть сотрудинок, корреспондентов или какое ее Сиятельство заблагорассудит. На места вышедших студентов из Университета приняты новые, которые исправляют сию работу, и для того я прилагаю при сем реестр оных. В прочем остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1552, л. 39 об.

ПФА РАН, ф. 8, 3–1785, №1, л. 3.

Опубликовано Сухомлиновым полностью: СПб., 1885, т. 7, с. 132.

Имена студентов, желающих участвовать в делании словаря российского языка: Михайло Панкевич, Михайло Антонский, Антон Антонский, Яков Рубан, Михайло Петровский, Захарий Масловский (ПФА РАН, л. 4).

Реестр студентов, трудящихся в пополнении словаря:

Яков Рубан, Антон Антонский, Михайло Панкевич, Петр Русановский, Захарий Масловский, Михайло Петровский (ИРЛИ, л. 39 об.).

⁴² РО ИРЛИ: *отменную*.

21. И. И. Лепехину

4 сентября 1785 г.

Государь мой Иван Иванович!

Надписанный на мое имя из императорской Российской Академии пакет с приложенными этимологическими листами словаря я имел честь получить. Письмо и листы, надписанные его Сиятельству князю Михайле Михайловичу Щербатову мною отосланы. По окончанию же обыкновенного дополнения оных листов не премину в скорости возвратить их вам обратно. Имею честь быть

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, 3–1785, №1, л. 5.

22. И. И. Лепехину

конец сентября – начало октября 1785 г.

Государь мой Иван Иванович!

Письмо ваше от 22-го сентября я имел честь получить. Вложенный пакет князю Михайлу Михайловичу Щербатову мною отослан. Примечания же на присланный лист, как скоро будут готовы, не премину к вам доставить. Что ж принадлежит до мнения моего, как назвать сочиняемый словарь, то я в сем полагаюсь на благорассуждение Академии, будучи уверен, что она все сделает к лучшему. В прочем остаюсь

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1785, ед. хр. 1, л. 6.

24. И. И. Лепехину

27 апреля 1786 г.

Государь мой Иван Иванович!

Отправленные вами от 16-го дня сего месяца листы печатные мною получены. Но как по причине слабого здоровья и потому воспринятого мною намерения отлучиться ныне в деревню, при всем моем усердии, нахожусь я не в состоянии исполнить сам все, требуемое письмом вашим, то поручил я оное члену ж Российской Академии Антону Алексеевичу Барсову, который, по отобрании от находящихся здесь сочленов наших мнения о причастиях, доставит оное вам не уmeshкавши, а по том сообщит и примечания свои на присланные ко мне листы реченника, также и дополнения слов к аналогической таблице, учиненные по моему приказанию чрез некоторых из наших студентов. В прочем имею честь быть

ваш государя моего покорный слуга

Иван Мелиссино.

ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1786, ед. хр. 5, л. 1.

СЛОВАРИ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

С. И. Николаев

Европейская гуманистическая традиция помещать в книгах посвяительные стихи не обошла и лексикографические труды. Во многих словарях XVI–XVII веков найдутся эпиграммы, воздающие должное труду лексикографа или прославляющие родной язык (если это двуязычный словарь). Если же стихи написаны самим составителем, то обычно он сетовал в них на трудности работы и житейские невзгоды. Такова, например, известная эпиграмма Анри Этьенна, помещенная на титульном листе первого тома его «*Thesaurus graecae linguae*» (1572):

Thesauri momento alii ditantque beantque
Et faciunt Croesum, qui prius Irus erat.
At Thesaurus me hic de divite reddit egenum
Et facit ut juvenem ruga senilis aret;
Sed mihi opum levis est, levis est jactura juventae,
Judicio haud levis est si labor iste tuo¹.

¹ Цит. по кн.: *Greswell W. P. A View of Early Parisian Greek Press Including the Lives of the Stephani, Notices of Other Contemporary Greek Printers of Paris, and Various Particulars of the Literary and Ecclesiastical History of their Times.* Oxford, 1833. Vol. 2. P. 287. (Перевод: «Одни словари обогащают и дают радость, / И делают Крезом того, кто прежде был Иром. / Этот же тезаурус сделал меня нуждающимся из богатого, / И сделал так, что старческая морщина иссушила юношу. / Но я легко сношу расход, легко сношу и слом юности, / Если по твоему мнению этот труд – не безделица» – перевод А. С. Николаева). Ср.: *Доватур А. И. Этьенны. (Семья филологов-издателей во Франции XVI в.) // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России.* 1997. СПб., 2000. С. 79; *Considine J. Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage.* New York, 2008. P. 93–94.

Почтенная традиция помещать в словарях стихи перешла и в русскую лексикографическую практику, причем перешла в самом прямом смысле слова. Уже в первом напечатанном в Москве словаре – «Лексиконе треязычном» 1704 года – Федор Поликарпов, изложив причины, побудившие его взяться за «новое и необычное» дело и тем самым отстоять достоинство славянского языка, перешел и к защите собственно труда лексикографа:

«А иностранных и между иными преславных сих двух [греческа и латинска] диалектов высоту и широту исследити, сам поношая нас да покусится или поне готовое сие прочести да потщится, идеже узрит едино речение, многа имущо знаменования, и вспак разны вещи единым заключаемы имянованием и тогда познает порицати удобность дела, егоже прежде никогда видел имел, аще бы и умел, и к таковым можно рещи со премудрым.

Ducite vos vultus qui temnitis ista loquentes,
ex aliis scripsit nos poteramus idem.
Si poteratis idem cur non fecistis id ipsum,
haec non fecistem si prius ista forent.
Scilicet est cultor studiorum quisque suorum,
quod sapit hoc callet quisque magis que facit.
Ergo magis sapias magis et facias tua quisquis
haec toruo vultu despicienda putas.
Hoc rogosi quiquam novisti rectius istis,
candidus imperti sinihil ista proba.

Сиречь

Зрите вы семо, иже порицати
Любите чуждих труды, извещати:
«Могли бы и мы тожде сотворити
И лучшу сея книгу сочинити».
Аще мощно вам, почто не твористе?
Не бых труд подъял, аще б в деле бысте.
Но всяк своих дел в корысть бе строитель,
Что знал, то издал, а сих не любитель.
Лучше ли веси? где худо – приправи,
Аще же ни сих, ум свой в сих направи»².

«Премудрого» автора латинских стихов, к сожалению, пока установить не удалось, но прямая связь предисловия Федора Поликарпова с ново-

² Лексикон треязычный. М., 1704. Л. 7–7 об. В. К. Тредиаковский привел это стихотворение в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755), см.: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 439.

латинской гуманистической традицией налицо. Эти же соревновательные мотивы защиты своего труда звучат и в предисловии Ивана Максимовича к его рукописному латинско-русскому словарю 1724 г., в работе над которым он использовал, в частности, латинско-польский словарь Григория Кнапского (1621). Описывая сложности своей работы, русский лексикограф говорит: «Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы охудатели, иже еще плода ума моего не видяще, но точию слухом слышаше в плодотворении сем труждающася мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: “Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?” Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с полскаго языка состроенными, или славенскими и российскими самыми едиными толковании сей есть изнаполнен»³.

Иван Максимович, бывший мазепинец, проживавший с 1714 г. в Москве, работал над словарем с 1718 г.⁴ Описывая в предисловии свой «многоскучный и долговременный подвиг», он писал: «Аз настоящему труду чрез шесть лет подлежя, ибо первые три лета на чтении книг, яко выше воспомянух, потом от составления святейшаго Синода, се уже третий год в сочинении сего дела изнуряю и вся дни и вся нощи непрестанно и з самым малейшим иногда плоти упокоением на сие дело иждивая, тяжкими недуги на всяк год одержим бех, паче же сими тремя последними леты. И перваго суффусию, или темную воду очесам случайную, втораго – звук во ушесех, третiego – скорбут, или цынготную болезнь теми приснорачительными стяжах себе трудами». В 1722 г. Максимовичу удалось показать свой наполовину готовый словарь Феофану Прокоповичу, «иже сообщил оный всему в собрании святейшему Синоду, и тогда мне согласное соизволение и указ сказал, дабы аз начатое дело восприятым трудом совершити потщался».

Как раз в связи со словарем Максимовича, как представляется, Феофан Прокопович и перевел эпиграмму Иосифа Юста Скалигера (Josephus Justus Scaliger; 1540–1609) “In Lexicorum compilatores, inscriptum Lexico Arabico a se collecto, in Batavis”⁵ под названием «К сложению лексиков»:

³ БАН, 32.6.2. Л. XV об.–XVI. Далее предисловие И. Максимовича цитируется по этой рукописи.

⁴ См.: Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 385–399.

⁵ См.: Scaliger I. 1) *Poemata omnia*. Leiden, 1615. P. 35; 2) *Poemata omnia*. Berlin, 1864. P. 38.

Если в мучительския осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексики делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет⁶.

О трудности составления словаря говорил и В. К. Тредиаковский в речи 1735 г. к членам Российского собрания: «Вся трудность состоит в дикционарие. ... великое и трудное дело есть дикционарий, и дикционарий таков, какову ему быть надлежит, то есть полному и совершенному. Однако спрашиваю вас: видали ли вы когда дикционарий на каком языке?.. Вижу, что никто из вас не может отрещися; знаю, что из оных многие вы видали, и на многих языках. Сие самое, мои господа, доказывает ясно, что и дикционарий не выше человеческих сил, а сего с меня и довольно»⁷.

Благодаря очевидным успехам отечественного языкознания, в начале 1770-х гг. в посвяtitельных стихах появляются темы «достоинства», «богатства и изобилия», причем лексикографические стихи не ограничиваются «защитой и прославлением русского языка», но включают и русскую словесность. В 1772 г. выходит «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. В статье об академическом наборщике Иване Рудакове приведены его «Стихи к “Опыту исторического словаря о российских писателях”»:

Представлен свету здесь мужей разумных род,
Которы принесли России вечный плод;
Не множеством веков, но со времен Петровых
Россия зрит в себе писателей сих новых.
О чудо естества! где есть сему пример?
Уже в толь кратки дни в ней Пиндар и Гомер.
Читая одного, увидишь Цицерона,
В другом Овидия, в ином Анакреона;
Тот вображением вознесся, как Мильтон,
А тот прославился ученьем, как Платон.
В одном обрящещи ты важность всю Маррона,
В другом приятность всю забавного Скаррона,
У коего в стихах резвился сам Эрот,

⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 224. См.: Николаев С. И. «Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // Русская речь. 1995. № 5. С. 3–5.

⁷ Тредиаковский В. К. Стихотворения. Л., 1935. С. 332.

Дав слову важному шутливый оборот.
Иной, как Боало, там видится в сатире,
Иной, как сам Малгерб, гласит на громкой лире.
Там северный Расин, писателей пример,
В котором видны нам и Кино и Мольер.
Сей первый нам отверз в театр российский двери,
В эклогах глас его, глас нежные свирели;
Во притчах он своих нам зрится, как Фонтен,
Или еще пред ним в сем слоге предпочтен.
Здесь узришь прозою писателей отменных,
Извлеких летопись свою из хлябей темных,
В которых крылася она погребена,
Чрез коих ведомы нам древни времена.
Коль хочешь чувствовать любви златые узы?
Старайся слышать слог российской де ла Сюзы,
В которой оныя приятность вся видна.
В России Сафо есть, и Сафо не одна.
Хотя, Россия, ты от солнца удаленна,
Но солнечным лучом ты так же озаренна,
Как самый к оному в Европе ближний край.
Неправо мнят, что быть в тебе не может рай.
Ты так, как прочие страны, любовью таешь,
И тех же ты в себе любимцев муз питаешь,
Которые огнем божественным горят,
И се, Россия, твой прекрасный вертоград!
Который ты всегда доныне орошала;
Потребно, чтоб ты днесь плоды его вкушала
И успокоилась за все твои труды.
Писатели твои суть красные плоды.
Хочу исчислить их; но что я обретаю?
Исчислити их мне не можно: не считаю!
И вместо всех Петра: он солнце их наук.
О звезды росские! Его вы дело рук;
Его старанием вы стали просвещенны,
И им вы стали днесь меж тех мужей вмещенны,
Которых имена в концах земли громят
И коих времена грядущи не затмят.
Но ныне настает вам время к вящей славе;
Распространяйте вы науки в сей державе,

Екатерина им покров, надежда, свет;
Она о них рачит, покоит вас, блюдет.
Но чем же я могу по долгу вас прославить?
Хотел бы я вам столп из мрамора поставить,
Обыкновенная сия для смертных честь,
А вам бессмертную хвалу я тщуся сплесть,
Котора, яко крин эдемский, не увянет
И ваши имена в себе хранити станет⁸.

Исключительно плодовитым автором окказиональных стихотворений во второй половине XVIII века был В. Г. Рубан, не оставивший своим вниманием и словари. В 1776 г. он сочинил «Надпись к Церковному словарю» Петра Алексева (первое его издание вышло в 1773 г., но стихотворение появилось только в 3-ем издании 1815 г.):

Церковных пользу книг, в них важность слова Россов,
Пространно доказал великий Ломоносов,
Стихотворения Российскаго отец,
Оставивший на век витийства образец
Для подражания потомкам просвещенным.
И се! речениям из книг тех извлеченным,
Со изъяснением зрим полный алфавит.
Сим благом общество священный муж дарит,
Ученый свет его за труд сей почитает,
И славу тем себе он память оставляет.

В издании помещена и «Другая надпись к тому же от неизвестного сочинителя»:

Не тщетный вымысел, ни гнусна свойством лесть
Здесь Алексева дает талантам честь;
Но все Российских стран ученыя светила
Гласят, что слов его толк справедлив и сила⁹.

(Несколько приветственных и посвячительных стихотворений в одном издании вполне соответствовали европейской практике.)

⁸ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 346–347.

⁹ Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в Священном писании и других церковных книгах. Ч. 1. От А до Е. М., 1815. – Надписи напечатаны на листе без пагинации (после с. 298 и перед с. VII).

В 1783 г. Рубан напечатал во второй части «Ботанического подробного словаря...» «Надпись к издаваемому Андреем Казимировичем Мейром Ботаническому Словарю»:

Что славный Турнефорт и славнейший Линней
Для пользы любящих растения людей,
Собрав представили их свойство и природу,
То Мейер Росскому являет здесь народу:
Питомец Марсов он Минервы купно есть,
Безсмертну сим трудом обрящет в свете честь¹⁰.

П. К. Соловьев, прослуживший менее года писарем в Российской Академии, прославляя труды членов Академии в своей «Русской песни достопочтеннейшим господам членам Российской Академии» (1802), не забыл и «Словаря Академии Российской»:

Чтоб силу дать природну слову
И в чистоту его привести,
Словарь –преважную обнову –
России посвящают в честь.
Трудятся, нам чтоб не трудиться,
В кармане, слов ища, не рыться,
Коль мысли объяснить хотим¹¹.

Не пропала из поэзии и тема тягости лексикографического труда. Но этот последний пример скорее трагикомичен и связан с одним из самых бестолковых словарей XVIII века.

В 1780 г. московский священник Иоанн Алексеев приступил к созданию огромного энциклопедического словаря «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь», который должен был состоять из 12 томов и охватывать сведения естественнонаучного, исторического и географического характера. В 1792 г. первые два тома были отданы в типографию Московского университета и вышли из печати в 1793–1794 гг. Всего в объемистом издании (ок. 2000 страниц в двух томах) помещено 872 словарных статьи только на буквы «А» и «Б». После выхода этих томов издание остановилось, как писал позднее Алексеев, «не за недостатком потребных к тому веществ, но

¹⁰ Мейер А. К. Ботанической подробной словарь, или Травник <...>. Ч. 2. М., 1783. – Надпись напечатана на листе без пагинации (в начале книги, после посвящения и обращения «К читателю»).

¹¹ Кукушкина Е. Д. Писарь П. К. Соловьев о «Словаре Академии Российской» // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 108.

нужного к напечатанию иждивения, по малому числу подписавшихся»; продолжению издания не помогли и прошения на высочайшее имя¹². Неудача словаря объяснялась неполным и иногда случайным словником, ненаучным и велеречивым стилем изложения, обилием досужих вымыслов и непроверенных фактов, взятых из вторых рук.

Сразу после восшествия на престол Александра I Алексеев в апреле 1801 г. подал на его имя просьбу издать продолжение «Пространного поля» на казенный счет в качестве учебного пособия для народных училищ. Московские цензоры Д. Х. Стратинovich и А. А. Антонский, ознакомившись с вышедшими томами, пришли к выводу, что назвать «Пространное поле» учебной книгой «кажется им против совести». После такого решения Алексеев в 1801–1803 гг. обращался с аналогичными неоднократными просьбами к разным сановникам (Д. П. Трошинскому, М. Н. Муравьеву, В. П. Кочубею и трижды к министру народного просвещения П. В. Завадовскому), но безрезультатно. В мае 1803 г. Алексеев опять подал прошение на имя Александра I, теперь в стихах:

Всевзгустейший царь российский земли,
Сердечный вопль к тебе, плачевный глас вземли!
По разным я церквам переводим бываю,
Седьмое место уж сверх воли занимаю;
С женою и с детьми смертельно поражен,
Именья и жены, и здравия лишен.
В приходах разных был, в соборе и домовым,
Кладбищным и опять попом приходским новым,
Однако ж дому нет, а церковь хочет пасть,
В чужих домах живу, боюсь, чтоб не пропасть.
Так стражду целый век, терпеть не можно боле,
За то, что сочинил словарь Пространно поле!
С осмидесятого я года стал писать,
По двух и десяти отдал его в печать,
Безвинно и до днесь терплю несчастну долю,
Чтоб был не тщетен труд, яви монаршу волю!
На пользу труд и все дают ему ту честь,
Да одобрение твоих и предков есть,
В число монарших книг внести благоволили,
Вели кончать, чему начало сотворили!

¹² Цит. по прошениям Иоанна Алексеева: РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 116, № 63926; ч. 118, № 65202.

О чем тебя, монарх, дерзаю я просить,
Министрам двум писал, благоволи спросить.
На всеподданнейшее сие мое прошение
Всевожделеннейшее послѣ твое решенье!
Се! На главу твою Бог возложил венец,
И ты отрада всем, отечества отец!¹³

В сентябре 1803 г. Алексеев обратился с жалобой на Министерство народного просвещения к министру юстиции Г. Р. Державину. Жалоба возымела действие, и по поручению П. В. Завадовского вышедшие тома «Пространного поля» были переданы на отзыв в Российскую академию. В ноябре 1803 г. президент Российской академии А. А. Нартов представил Завадовскому мнения о «Пространном поле» И. И. Красовского, А. С. Никольского, А. Ф. Севастьянова, П. Б. Иноходцева и В. М. Севергина, добавив от себя, что «многие статьи пустословием и грубыми погрешностями исполнены, и потому они скорее ввергнут в вящее заблуждение, нежели просветить людей малоопытных могут», а также что «в сочинении сем не соблюдена даже и надлежащая разборчивость». Мнение членов Академии было единодушно: Алексеев из-за «излишнего велеречия» (П. Б. Иноходцев) и «грубого в науке невежества» (А. Ф. Севастьянов) «трудом своим более может привести в заблуждение, нежели доставить настоящее поучение и пользу», т. к. «сочинение его не только написано неясным и невразумительным слогом, но и содержит в себе неполные и даже ложные понятия о тех вещах, кои описывает» (В. М. Севергин). На основании этих отзывов Алексееву было отказано в издании «Пространного поля» на казенный счет¹⁴.

История словарного дела в русской поэзии XVIII века не очень богата и не очень ярка, неудивительно, что она канула в Лету. Но есть одно исключение. Эпиграмме Иосифа Скалигера, переведенной Феофаном Прокоповичем, была уготована совсем другая судьба. Впервые она была напечатана в 1769 г. К. А. Кондратовичем¹⁵, второй раз – сто лет спустя И. А. Чистовичем¹⁶, а затем попала в сборник «Вирши» (1935)¹⁷ и печата-

¹³ РГИА, ф. 733, оп. 118, № 24. Л. 6–6 об.

¹⁴ См. переписку по этому делу и отзывы членов Российской академии: РГИА, ф. 733, оп. 118, № 24; Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1813. Ч. 6. С. 11–35; Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Пг., 1921. Т. 2. С. 45–46.

¹⁵ См.: Кондратович К. Старик молодой. СПб., 1769. Ч. 3. С. 49.

¹⁶ См.: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 601.

¹⁷ Вирши: Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1935. С. 181.

лась в разных подборках его стихотворений, причем во всех этих публикациях автором латинского стихотворения назывался не Иосиф Скалигер, а его отец, Юлий Цезарь Скалигер (1484–1558). И. Н. Розанов, автор предисловия к сборнику «Вирши», указал ее академику Л. В. Щербе, который писал в предисловии ко 2-му изданию «Русско-французского словаря»: «В заключение не могу не подчеркнуть, что словарное дело исключительное трудное дело; это прекрасно понимали и творцы западноевропейской науки в XVI веке и зачинатели нашего современного литературного языка в начале XVIII столетия, как об этом свидетельствует следующий замечательный перевод Феофана Прокоповича интереснейшего стихотворения Скалигера»¹⁸ и далее привел текст эпиграммы. Все последующие переиздания словаря включают эту эпиграмму (последнее издание – 15-е, 1997). Дважды предисловие перепечатывалось и в избранных трудах Л. В. Щербы¹⁹. Эпиграмму Феофана Прокоповича цитирует Л. В. Успенский в своей популярной книге «Слово о словах»²⁰, которая перепечатывалась огромными тиражами несколько раз. А В. П. Берков завершил свой учебник «Двуязычная лексикография» (1996; 2 издания) Приложением «О лексикографическом труде», где писал: «Тем, кто посвятил или решил посвятить себя лексикографическому труду, полезно знать стихотворение голландца Иосифа Юстуса Скалигера, профессора Лейденского университета, выдающегося специалиста по классическим языкам. Стихотворение это написано Скалигером по-латыни и переведено на русский язык Феофаном Прокоповичем»²¹ и далее приведен текст эпиграммы, завершающий учебник. Удивительная судьба эпиграммы Феофана Прокоповича, целое столетие сопровождающей отечественные лексикографические работы, с лихвой искупает скудость русской словарной поэзии XVIII века, а во многом и повторяет судьбу оригинальной эпиграммы Скалигера²².

¹⁸ Щерба Л. В., Матусевич М. И. Русско-французский словарь. М., 1939. С. 7.

¹⁹ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 312. (2-е изд. М., 2004).

²⁰ См.: Успенский Л. В. Слово о словах (Очерки о языке). М., 1960. С. 185.

²¹ Берков В. П. Двуязычная лексикография: Учебник. СПб., 1996. С. 245. (2-е издание: М., 2004).

²² И в западноевропейской лексикографии эпиграмма Скалигера часто сопровождает издания словарей, см., например: *Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament.* Leipzig, Vogel, 1910. – В этом издании словаря (15-м!) эпиграмма напечатана на обороте титульного листа.

РИТОРИКА И ПОЭТИКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ: ИСТОРИЯ НЕУДАЧИ

Н. Ю. Алексеева

История работы Российской академии над риторикой и поэтикой, описанная М. И. Сухомлиновым, не привлекая к себе внимания исследователей, так и осталась на страницах его фундаментальной «Истории Академии Российской»¹. Равнодушие специалистов к этим академическим трудам объяснимо трудностью исследования того, чего по существу не было. Ведь ни риторику, ни поэтику Российская академия не подготовила. Отсутствие интереса связано также с общей недостаточной до настоящего времени разработанностью вопроса о теории словесного искусства XVIII – начала XIX века. Очевидно, что самый факт несоздания Российской академией риторики и поэтики характеризует не только Российскую академию, но и состояние теоретической мысли, или лучше, теоретических возможностей России последней четверти XVIII – первого десятилетия XIX века.

Неудача с созданием риторики и поэтики тем кажется значительней, что о работе над ними говорилось, начиная с той судьбоносной прогулки двух Екатерин, императрицы Екатерины II и кн. Е. Р. Дашковой, на которой впервые ими обсуждался вопрос о создании «русской академии» по образцу Французской². О создании русской риторики и «правил стихотворения» говорится и в уставе Российской академии³, представляющим собой эскиз проекта будущей Академии, набросанном Дашковой по приказу им-

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1898. Т. 8. С. 205–207, 420–424.

² Фрагмент «Записок» кн. Дашковой, в котором говорится об этой прогулке, впервые напечатал М. И. Сухомлинов (Там же. Т. 1. С. 12).

³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 426.

ператрицы и превращенном уже императрицей в устав⁴, и в речи Дашковой в торжественном собрании Российской академии в день ее открытия 21 октября 1783 года⁵. И в уставе, и в речи Дашковой создание риторики и поэтики понимается как одно из средств в достижении главной цели нового учреждения – «обогащения и очищения русского языка»⁶. Можно даже говорить, что Российская академия и была открыта для создания риторики и поэтики. Они упоминаются в одном ряду с составлением грамматики и словаря, и именно в такой неслучайной последовательности: в первую очередь – работа над грамматикой, затем – над словарем, уже затем – над риторикой и «правилами стихотворения», то есть поэтикой⁷. С первыми двумя задачами Российская академия хорошо или плохо справилась к 1802 году, когда был завершен выпуск пятитомного Словаря и выпущена грамматика⁸. Что помешало решению других двух задач? Этому вопросу и посвящена данная заметка.

Когда Е. Р. Дашкова в воодушевлении излагала императрице преимущества академии, организованной по образцу Французской, и называла результаты возможной ее деятельности, она указала на риторику и поэтику, едва ли действительно осознавая их необходимость и сколько-нибудь представляя, какими они должны быть. Сделанные ею для императрицы наброски устройства Академии, легшие в основу устава, в главных своих пунктах повторяли задачи, поставленные В. К. Тредиаковским в 1735 году перед Российским собранием. Он тоже говорил о грамматике, лексиконе, риторике и «стихотворной науке»⁹. На сходство это обратил внимание и М. И. Сухомлинов, заметив, что речь Дашковой напоминает речь, произнесенную Тредиаковским 14 марта 1735 года на первом заседании Российского собрания¹⁰. Переключка их речей позволяет допустить мысль о чтении

⁴ Новая Академия «прежде всего должна “сочинить российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения”» (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 4).

⁵ Там же. Т. 8. С. 2.

⁶ Там же. С. 425.

⁷ Там же. С. 426.

⁸ Словарь Академии Российской. СПб., 1794–1798. Т. 1–5; Российская грамматика. СПб., 1802.

⁹ Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санктпетербургской имп. Академии наук к членам Российского собрания <...> говорил Василий Тредиаковский... СПб., печ. при Имп. Акад. наук, 1735. С. 8.

¹⁰ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 1. С. 13–14.

Дашковой при составлении своей речи Тредиаковского¹¹, что в контексте отношения к нему екатерининского двора само по себе заслуживает внимания. Однако если в 1735 году о составлении риторики и поэтики говорить было вполне актуально (риторика через восемь лет была написана Ломоносовым)¹², то в 1783 году план их создания требовал по крайней мере пояснений. Их не было. Как можно понять из более поздних документов, связанных с работой над риторикой и поэтикой, документов, относящихся уже к 1801–1802 годам, когда наконец приступили к осуществлению намеченного некогда плана, оба труда должны были быть не школьными руководствами, но достойными «чести Российской Академии», то есть трудами учеными. Однако, что под этим подразумевалось, остается неизвестным.

Между тем, потребность именно в школьных руководствах по теории словесности и поэзии весьма остро ощущалась как раз в канун создания Российской академии. Об этом свидетельствует, например, изданная в 1776 году в типографии Московского университета риторика Иоганна Фридриха Бурга “*Elementa oratoria*”¹³. Издание было осуществлено с бреславского издания руководства на латинском языке¹⁴. Затем вскоре последовал ее перевод на русский язык, выполненный Н. Н. Бантышем-Каменским¹⁵. В 1760-е годы в Академическом университете преподавали риторику по латинскому же руководству Иоганна Антуана Эрнести “*Initia Rhetorica*”, впервые изданному в 1730 году в Лейпциге¹⁶. Таким образом, преподавание латинской риторики было обеспечено немецкими руководствами, преподавание русской осуществлялось, по-видимому, по конспектам учителей и не могло опираться ни на какое признанное пособие. Когда в 1778 году

¹¹ Речь Тредиаковского могла ей быть известна по ее переизданию: *Тредиаковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 2. С. 5–19.

¹² «Краткое руководство к риторике» (*Ломоносов М. В.* Полн. Собр. Соч.: В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 19–79) было написано в 1743 г. и явилось первой неизданной редакцией «Краткого руководства к красноречию», вышедшего в 1748 г.

¹³ *Burgii Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus facto praeceptorum delectu tironibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentis sensim...* Edidit N. Bantisch-Kamensky. M., typis imper. Mosq. Univers., 1776.

¹⁴ *Burgii Orationes gymnasticae, cum ipse olim munus professoris theologiae primorii...* Vratislavi, 1768.

¹⁵ Русский перевод был сделан издателем латинского оригинала Н. Н. Бантышем-Каменским: Латинская грамматика в пользу российского юношества тщательно и ясно расположенная и с переводом российским изданная коллежским асессором Николаем Бантышем-Каменским. [М.], тип. Моск. Ун-та, 1 сент. 1779 (2-е изд.: 1781; 3-е изд.: 1783; 4-е изд.: 1798).

¹⁶ *Степанов В. П.* Козицкий Г. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. СПб., 1999. С. 94.

Амвросий Серебрянников создал, наконец, «Краткое руководство к оратории российской...», он в предисловии к нему имел все основания сказать: «Сколько обильно снабдены мы романами и другими маловажными сочинениями, столь напротив мало до наук относящимися и тем менее самыми системами их <...> так что надобно на чужом языке с великою трудностью почти всему обучаться. А те, кои сих средств лишаются, принуждены или против воли быть незнающими, или от чужих уст зависеть, дабы некоторое иметь просвещение...»¹⁷. Риторика Амвросия явилась второй русской риторикой после труда Ломоносова 1743–1748 годов. Их различие состоит в том, что риторика Амвросия обращена к юношеству, преследует учебные цели и никаких отвлеченных вопросов не касается, тогда как «Краткое руководство к красноречию» Ломоносова представляет собой ученый труд о словесном искусстве. Таким образом, к моменту основания Российской академии вышло всего две русские риторики в 1748 и в 1778 годах. По-видимому, новая Академическая риторика должна была по своему типу приближаться к риторике Ломоносова, то есть к ученой риторике. Однако имя Ломоносова в связи с планируемой риторикой и даже при начальной стадии ее подготовки в документах не упоминается. Лишь Иван Голенищев-Кутузов высказал упование, что в академической риторике «риторика славного в российском слоге и стихотворстве мужа Ломоносова принята будет во внимание»¹⁸. Само забвение «Краткого руководства к красноречию» в Российской академии вполне, кажется, характеризует уровень теоретической мысли Российской академии. Напрашивается вопрос, осознавала ли хоть сколько-нибудь Е. Р. Дашкова, когда предписывала Академии создание риторики, что по-настоящему ученая (академическая) риторика в России уже есть, или она считала, что риторика Ломоносова устарела? Скорее всего, в благом пылу она вообще о риторике не думала.

Не менее остро, чем в риторике, ощущалась в 1770-х – начале 1780-х годов потребность в школьной поэтике. Так, изданные в 1774 году «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова сразу оказались востребованы. В 1780 году вышло второе их издание, затем к 1802 году они еще пять раз переиздавались¹⁹. А между тем, далекие от совершенства, они по существу были не правилами «пиитическими», а правилами стихотворческими, или версификационными, и представляли собой сокращенную и упрощенную

¹⁷ Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии, в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., унив. тип. 1778. С. 1.

¹⁸ Письмо И. Л. Голинищева-Кутузова А. А. Нартову от 10 октября 1801 (ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 175).

¹⁹ [Аполлос Байбаков]. Правила пиитические... Изд. 6-е. М., 1801.

редакцию «Способа к сложению российских стихов» 1752 года Тредиаковского, который в настоящем смысле поэтикой не был, а был руководством по стихосложению. Замечательно, что немногочисленные русские теоретические статьи о поэзии и поэтические руководства 1780–1790-х годов касались преимущественно или исключительно вопросов версификации, а не столь же обязательной части поэтик – теории жанров. Характерна в этом отношении позиция В. С. Подшивалова, прямо заявившего в своей «Краткой русской просодии»: «Мы не входя здесь в сущность ея [поэзии – Н. А.], не разбирая, что такое ода, идиллия, элегия, комедия, трагедия, эпopeя и проч., займемся только языком...»²⁰. С переходом к новой версификации, совпавшим с началом нового в русской литературе направления классицизма, русские юноши имели возможность научиться технике стиха, а не теории поэзии. В искажении характерной для поэтик гармонической соотношенности вопросов стиха и поэзии можно увидеть следствие произведенной в 1734–1739 годах реформы стиха, однако, если исходить из опыта других поэтических культур, переживших реформу стиха, например немецкой²¹, этого объяснения будет недостаточно²². Российская академия, задумывая создание риторики и поэтики, в последнюю очередь думала о потребностях школ и университетов²³, но также, кажется, мало и о научных задачах. Из всех сказанных на собраниях Российской академии в 1801–1802 годах слов о намечаемых трудах очевидно, что ею руководило исключительно честолюбие.

Первые слова о риторике и поэтике после проекта, устава и речи Дашковой в 1783 году были произнесены спустя почти 20 лет А. А. Нартовым в июле 1801 года. Считая, что работа Российской академии в целом идет успешно (издан словарь, готовится второй его выпуск, почти закончена грамматика), он напомнил членам Российской академии об уставе и обязанности Российской академии подготовить риторику и поэтику. На собрании 13 июля 1801 г. написание риторики было поручено Н. Я. Озерецковскому, которому в его работе должны были помогать его брат обер-

²⁰ Подшивалов В. С. Краткая русская просодия или правила, как писать русские стихи. Изданы для воспитанников благородного университетского пансиона. М., 1798. С. 7–8.

²¹ Markwardt B. Geschichte der deutschen Poetik. Leipzig, 1931. Bd. 1. S. 96–136.

²² Начальная попытка объяснения этого явления дается в книге: Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. СПб., 2005. С. 175–176.

²³ Замечательны в этой связи слова И. И. Лепехина о том, что Академия в работе над риторикой не должна следовать «школьным забобонам» и готовить ее «не в образе детского к красноречию руководства, но в качестве мужественного к оному наставления» (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 7. С. 205).

священник Павел Озерецковский и Ярославский архиепископ Павел Пономарев. На том же собрании было решено, что Н. Я. Озерецковский подготавливает план риторики, который собрание и обсудит. Действительно, уже 17 августа Озерецковский представил в Российскую академию так называемое «расположение», то есть план, или оглавление, будущей риторики. По плану Озерецковского риторика должна была состоять из двух частей, первая из которых насчитывала 8, а вторая 19 глав. «Расположение» Озерецковского несколько не походило на школьные (латинские) риторики, создававшиеся в Московско-славяно-греко-латинской академии и в русских семинариях, и явно принадлежало иной традиции. Неспешно и с присущей в ту пору Российской академии важностью это «расположение» обсуждалось ею в течение более месяца, с 17 августа по 25 сентября. Разосланное всем членам Российской академии, оно было предложено и им на отзыв. Однако отзывов на «расположение» Озерецковского поступило всего пять. Среди них заслуживает внимание отзыв Иоанна Красовского. Каким-то образом он на основании плана Озерецковского понял, что его риторика «может служить только для начинающих учиться риторике детей», тогда как «риторика от Российской Академии <...> должна быть ею обработана не во образе детского к красноречию руководства, но в качестве мужественного к оному наставления» и предложил свой план, воспроизводящий традиционные для русских риторик планы, а именно «разделение риторики на три части, то есть изобретений, расположений и выражений [т. е. произнесений – Н. А.]»²⁴.

С чрезвычайным апломбом высказался о «расположении» Озерецковского сам президент Российской академии Нартов. Начав с рассуждения, представляющего собой общее место, восходящее к Аристотелю, о том, что вития подобен строителю, он вслед за тем изложил, кажется, все имеющиеся у него знания по предмету, которые свелись к элементарному и тоже, как у Красовского, вполне традиционному плану: «изобретение, расположение, украшение и произношение»²⁵.

Наиболее трезво и по существу высказался о «расположении» Озерецковского С. Я. Румовский. Он не рассуждал о том, что есть вития и что есть риторика, а только заметил, что все «расположение» Озерецковского почерпнуто им «из Бургиевой риторики, изданной при московском университете в 1776 году...»²⁶. Действительно, Озерецковский, как явствует из запи-

²⁴ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 148–149.

²⁵ Там же. Л. 139–139 об.

²⁶ Там же. Л. 167.

си в журнале Российской академии, 13 июля, то есть в тот самый день, когда ему было поручено составление «расположения», взял «на время из книгохранилища Российской академии “Burgii elementa oratorii”»²⁷ и попросту перевел латинское оглавление на русский язык.

«Расположение» Озерецковского было отвергнуто, а вместо этого на собрании 25 сентября 1801 года было предложено подготовить риторику по «расположению, предложенному президентом Нартовым». Однако Озерецковский, заявив, что «поелику риторики, сочиненные г. Ломоносовым и Амвросием, расположены точно сим же порядком и не надеясь сочинить такую риторику, которая бы изяществом своим превосходила оные, от участия в сем труде»²⁸ отказался. Вместе с Николаем Яковлевичем от работы над риторикой отказались и обер-священник Павел Озерецковский, и архиепископ Ярославский и Ростовский Павел. Не высказав по этому поводу сожаления, собрание тогда же поручило составление риторики Петру Ивановичу и Дмитрию Михайловичу Соколовым²⁹. По мнению М. И. Сухомлинова, на этом история создания академической риторики и закончилась, поскольку Соколовы, взявшись за дело, свели его на нет³⁰. Однако протоколы собраний Российской академии свидетельствуют, что Соколовы уже 2 ноября представили «начертание» «введения и первой главы “О изобретении”» российской риторики³¹, которые в собрании обсуждались и были одобрены, а 16 ноября ими была представлена вторая часть, тоже обсужденная и одобренная³². Такая скорость в подготовке академической риторики, которая, по общему мнению, должна была быть «подобной тому, как из древних оставили нам Цицерон и Квинтилиан, а из новейших Ернести и др. риторы»³³, не может не смутить. Едва ли Соколовы за месяц могли подготовить подлинно ученый труд. Скорее, они воспользовались уже каким-то готовым трудом, приспособляя его к поставленной перед ними задаче. Но каким именно, судить нет возможности, поскольку никаких следов подготовленных ими двух частей риторики не сохранилось. В архиве Российской академии хранятся, правда, две части риторики, переведенные с неизвестной французской риторики. В них приведены примеры, взя-

²⁷ Там же. Л. 91 об.

²⁸ Там же. Л. 170.

²⁹ Там же. Л. 159 об.

³⁰ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 206.

³¹ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 186.

³² Там же. Л. 195.

³³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 205.

тые из французской литературы, предлагаемые на французском языке с подстрочным русским переводом. По своему содержанию эти две части соответствуют «введению» «изобретению» и «расположению», то есть частям риторики, представленным Соколовыми. Однако не стоит, кажется, спешить с заключением, что это и были оригиналы частей риторики Соколовых. Обе части французской риторики написаны почерком, не принадлежащим ни Петру Ивановичу, ни Дмитрию Михайловичу Соколовым. Независимо от того, насколько части риторики Соколовых зависели от сохранившегося в архиве перевода французской риторики, есть основания полагать, что этот перевод делался в период времени, близкий к «работе» Российской академии над риторикой, то есть осенью 1801 года, поскольку затем о создании академической риторики уже не вспоминалось.

Примерно так же обстояли дела и с созданием академической поэтики. История ее ненаписания, довольно подробно изложенная Сухомлиновым, сводится к тому, что сначала на собрании 13 июля 1801 года ее просили написать М. М. Хераскова, который отказался, сославшись на лета, назвав при этом труд написания поэтики «трудом неважным», т. е. несложным. Затем 26 декабря 1801 года обратились с той же просьбой к И. Ф. Богдановичу³⁴, представившему осенью 1802 года составленный им план. В нем значатся пять частей, из которых первая «содержит понятия о усовершенствовании слова в пространном смысле, вторая – о поэзии словесной российской, третья – о поэзии гармоничной российской, четвертая – о музыке поэтической, пятая – о сочетании поэзии с музыкою»³⁵. Оставленный Богдановичем план, хотя и представляет интерес как след размышлений о поэзии поэта, к поэтике не имеет отношения и столь загадочен, что кажется безумным. Вскоре, в начале января 1803 года Богданович умер, и как будто предчувствуя его скорый уход, еще 1 февраля 1801 года с просьбой о написании поэтики Российская академия обратилась к Д. И. Хвостову. С готовностью откликнувшись, он вскоре представил свой план. Примечательно, что, по его мнению, в России уже имелось две поэтики: труд Тредиаковского (имеется в виду «Способ к сложению российских стихов» 1752 года, который, как уже говорилось, поэтикой не является) и «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова. Первый из них как «лучший» Хвостов предлагал снабдить новыми примерами и переиздать. Вместе с тем он набросал свой план «полной российской пиитики», который должен, по его мнению, «закключать главы “о древности стихотворства – о его превосходстве – о его

³⁴ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 208 об.–209.

³⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 7. С. 47.

существо – о источнике, отколе почерпаются богатства изящного стихотворства, – о способности русского языка пред многими для сочинений стихотворных – о разных родах слова»³⁶. Дальше плана Хвостов, надо полагать, не пошел. Академическая поэтика, как и академическая риторика, так и не была создана.

Неудачу Российской академии в подготовке риторики и поэтики, странность сохранившихся от них начертаний и всего хода ведущейся работы можно объяснить легкомыслием и недобросовестностью лиц, которым было поручено дело, или косностью Академии в организации работы. В целом такое понимание, к которому склоняется М. И. Сухомлинов³⁷, видимо, справедливо. Однако сама леность и недобросовестность членов Академии выступают, скорее, не причиной вялотекущей работы, а следствием более глубоких причин, о которых сами они не могли иметь представления.

Всем участникам, как бы сказали сегодня, проекта риторики и поэтики эти труды казались естественным оплотом процветания литературы, ведь мыслили они литературу в русле традиционного ее понимания, основанного на теории словесного творчества, закреплённой в риториках и поэтиках. В начале XIX века такое понимание уже вступало в противоречие с новым предромантическим пониманием, при котором теорию все более теснила история литературы, а место казавшихся еще недавно незыблемыми правил все увереннее занимал «гений». При этом во Франции, Германии и Англии, откуда в Россию шли эти новые романтические веяния, риторики и поэтики продолжали создаваться вплоть до 1830-х годов, и на них продолжало основываться литературное образование. Поэтому неверно было бы думать, что задача создания риторики и поэтики была задачей заведомо рутинной, не отвечавшей духу времени и развитию литературы. Это так только в самом общем виде, при взгляде на развитие литературы из отдаленного временем пространства. В действительности же даже самые смелые умы начала XIX века не могли еще оценить, что риторика и поэтика – знаки вчерашнего дня в истории литературы, что будущее русской поэзии за созданным в 1806 году «Вечере» Жуковского и что время старой литературной культуры, а вместе с нею Хераскова, Богдановича и Хвостова невосвратно ушло. Пример Запада, даже если он и был известен членам Академии, не мог их в этом убедить. Ведь там риторика была еще в чести. Стало быть, причина неспособности Российской академии создать риторику и поэтику

³⁶ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 7. 53.

³⁷ Там же. Т. 8. С. 206.

заключена не в историческом моменте вообще, выпавшем на совершение этого труда (историческое объяснение справедливо только в общих своих основаниях), а в преломлении общего хода развития литературы в России.

Перед нами специфически русская проблема, и надо постараться не подпасть под соблазн легкомысленного ее решения, которое обычно сводится к указанию на общую отсталость русской науки или, напротив, на сверхспособность русских людей к быстрому усвоению чужих идей и опережению прогресса. Оба объяснения только видимые, уводящие в сторону, потому что в конце концов отсталость или сверхспособность также должны бы иметь свои причины. Скорее, здесь дело в общем отношении к теории словесности, проявленном в России во вторую половину XVIII века. Ведь кроме Тредиаковского и Ломоносова, ни один из новых авторов за весь век не оставил сколько-нибудь значительного сочинения по теории литературы, и едва ли это может быть объяснимо случайностью. Конечно, большая часть поэтов и писателей второй половины XVIII века не получили старинного образования, обязательной частью которого была риторика и поэтика, и в этом, вероятно, и заключена главная причина отсутствия в России теории словесности. Однако они, в большинстве своем, как видно, не стремились восполнить пробел самообразованием, что было бы обязательным, если бы теория словесности для них была бы необходима. Вполне довольствуясь общими отрывочными знаниями риторики и поэтики, почерпнутыми из несистематического чтения французских и немецких статей и руководств, они как-то использовали их, не размышляя о самой теории специально. Даже Сумароков, для которого теория литературы еще была по примеру его старших современников, Тредиаковского и Ломоносова, обязательной частью творчества, ею явно не владел, и трудно увидеть более или менее четкие теоретические основания в его литературно-критических статьях. Стоит ли удивляться представлениям о поэтике Богдановича или Хераскова, когда они в течение сорокалетнего или полувекowego творчества не высказали ни одной теоретической мысли. Российская академия вынуждена была обращаться с просьбой о написании поэтики к поэтам, не имевшим об этом предмете представлений. Других поэтов в России не было.

Но и духовенство, на которое еще в момент основания Российской академии в связи с предстоящими трудами по теории языка и словесности возлагали большие надежды³⁸, ученое духовенство, владевшее теорией

³⁸ Еще в 1783 году И. П. Елагин обратился к митрополиту Гавриилу, чтобы тот рекомендовал для составления «всех правил, до словесных наук принадлежащих» пятерых кандидатов из духовного звания. Так членами Академии стали Иван Сидоровский, Георгий Покорский,

словесности, этих надежд не оправдало. Хотя в работе над академической грамматикой наряду с Д. М. и П. И. Соколовыми участвовал Иоанн Красовский, а в работе над риторикой Н. Я. Озерецковскому должны были помогать обер-священник Павел Озерецковский и Ярославский архиепископ Павел Пономарев, подлинных ученых теоретиков, подобных, скажем, Феофану Прокоповичу, в ту пору уже не было и среди духовенства. Как и Амвросий Серебрянников, они были способны лишь воспроизводить чужие труды, тем самым их выхолащивая. Тут дело не в мере таланта и образования ученого духовенства рубежа веков, а в том, что замкнувшаяся в Московской академии и семинариях старая теория слова ориентировалась по образцу старых руководств на теорию латинской речи и, мало соприкасаясь с живой русской поэзией и прозой, обрекала себя на консервацию и омертвление. Именно поэтому новые поэты второй половины XVIII века и избегали вопросов риторики и поэтики, что видели в них знаки схоластической теории, а в литературе, которую эта теория утверждала, бесконечно устаревшее в их глазах прошлое. Произошедший еще в 1740-е годы разрыв литературной культуры на старую и новую, разрыв, обоснованный лучшими теоретиками русской литературы если не за всю ее историю, то за весь XVIII век, Тредиаковским и Ломоносовым, привел к уникальной ситуации русского классицизма. Классицизм, один из самых теоретически обеспеченных периодов в развитии литературы, в России оказался теоретически беспомощным. Русские классицисты, полностью разорвавшие связи с предшествовавшей им литературой барокко, а вместе с нею и с традиционной теорией поэзии, создавали свои произведения на основании интуиции и прямого подражания. И в этом они оказывались ближе к древнерусскому типу творчества, основанному на так называемой *slavia orthodoxa*, чем их предшественники. А в то же время преувеличенное значение интуиции в сравнении с европейским классицизмом приближало их к романтизму. Почти полное отсутствие в России собственной теории классицизма должно было сказаться на дальнейшей судьбе русской литературной мысли. Не потому ли наша литературная критика в лучших своих достижениях в продолжение долгого времени носила общественный, а не эстетический характер?

Неумение Российской академии создать риторику и поэтику свидетельствует о кризисе старой теории литературы, наиболее ярко, кажется, проявившемся в России. В конце XVIII века и в первые годы XIX века этот кризис не усилился, а наконец проявился, и отрицательный опыт Россий-

ской академии один из характерных его симптомов. Потом, с конца 1800-х годов, во множестве появляются риторики и поэтики, написанные преподавателями этих дисциплин³⁹. Само их появление стало возможным в результате увлечения русскими авторами идеями французского и немецкого предромантизма, оживившими на время старую теорию литературы.

³⁹ Вот только некоторые из них: *Никольский А. С.* Основания российской словесности. Изданы при гос. адмиралт. департаменте. Для морских училищ. СПб., 1807; *Мерзляков А. Ф.* Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. М., 1809; *Левитский И. М.* Курс российской словесности для девиц, содержащий в себе: риторику, основания стихотворного искусства, историю российской словесности с биографиею писателей, в оной прославившихся, и славянскую мифологию, сравненную с греческою. В 2-х ч. СПб., 1812; *Рижский И. С.* Наука стихотворства. СПб., 1811. С этим рядом может быть соотнесено и «Рассуждение о лирической поэзии» (1811) Г. Р. Державина, которое возникло на волне увлечения теорией поэзии и, определенно, не могло бы явиться в начале 1800-х годов.

О ПРОЕКТЕ А. А. НАРТОВА ПО ПЕРЕВОДУ КЛАССИЧЕСКИХ АВТОРОВ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

А. А. Костин

29 марта 1802 г. И. И. Лепехин выступил в собрании Российской Академии со следующей речью: «Ежели мы сравним последнее академии положение, когда она лишена была всех пособий, нужных к ее содержанию, с нынешним ее состоянием; то необиновенно утверждать можно, что она вновь возрождена, восстановлена, подкреплена и ободрена высокомонаршими щедротами и покровительством. Но кому наипаче Академия обязана за все излиянные на Академию от Высокомонаршаго престола милости, как не его превосходительству достойному нашему президенту Андрею Андреевичу Нартову!» После этого С. Я. Румовский предложил отблагодарить Нартова за его труды большой золотой медалью Академии.

Непосредственным поводом к такому ликованию послужило сообщение Нартова о том, что Академии в счет тех средств из Кабинета Его Императорского Величества, которые не выплачивались в царствование Павла I (5 лет по 6 250 руб., т. е. более 30 000 руб.), выделено 25 000 руб. на постройку нового каменного дома, а также о расширении средств Академии на 3 000 рублей, выдаваемых ежегодно из Кабинета Его Императорского Величества на издание, во-первых, ежемесячных сочинений, а также «переводов классических как греческих, латинских, так французских и немецких писателей, каковы суть: Омир, Фукидит, Демосфен, Тацит, Цицерон, Вергилий и проч. и на воздаяние за труды сочинителей, занимающихся переложением помянутых классических писателей»¹.

¹ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 5, л. 59 об.–61. Далее ссылки на рукописные протоколы Российской академии даются в тексте статьи с указанием номера дела из первой описи и листа.

Это решение для Российской академии было достаточно знаменательным. Вплоть до конца марта 1802 г. переводческая деятельность никогда не значилась в числе признанных предметов занятий Академии. Передача в 1783 г. Российской академии средств, до того отпускавшихся Комиссии для перевода книг иностранных, не накладывала на Академию никаких обязательств по переводу². Сделанное в 1796 г. П. П. Бакуниным предложение «чтобы [Российской Академии] искусным в российском слове и в занятии языков чужеземных предлагать, из награждения, иностранные общепользные книги для преложения на язык российский»³, не нашло отклика в Академии: никаких мнений о том, какие книги следует перевести, от академиков так и не поступило (А. А. Ржевский, П. А. Соймонов и Г. Р. Державин, соглашаясь, что начинание это полезное, книг для перевода так и не предложили⁴).

В плане деятельности Академии, объявленном Нартовым в 1801 году, переводческая деятельность также не значится. Впервые подобный вопрос встал 31 августа 1801 г., когда не числившийся членом Академии П. И. фон Берг, благодаря Академии за рассмотрение его сочинений, сообщал, «что весьма б было для него приятно, ежели бы угодно было Академии препоручить ему какой-нибудь полезный с французского или немецкого языка перевод, на который мог бы он определить остающееся ему от должности его праздное время». По этому поводу было принято решение: «подумать, нет ли такой книги, которой бы перевод мог быть полезен обществу и доставить честь Академии» (№ 4, л. 129 об.).

Вплоть до марта 1802 года, т. е. полгода, тема перевода как вида деятельности Академии не появляется больше в протоколах ее заседаний. Можно было бы подумать, что она была забыта, но 29 марта она всплывает неожиданным образом вполне оформленной в сообщении о выделении

² См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 8, 354–355. Мнение Е. Р. Дашковой о том, как должна быть организована деятельность по переводу иностранных книг после перевода средств Комиссии в счет Российской Академии, свидетельствует, что обязательства по переводу предлагалось перенести, скорее, на Академию наук: «Я сказала Екатерине, что <...> деньги <...> будут взяты из тех пяти тысяч рублей, которые она из своей собственной шкатулки ежегодно отпускала на перевод книг классических писателей <...> Переводы пойдут своим порядком. Я думаю, даже, лучше, чем прежде, с помощью студентов академии наук и под надзором и редакцией профессоров» (Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой. М., 1990. С. 211).

³ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1885. Вып. 7. С. 7; СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 208.

⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1796), №№ 3, 4; оп. 3 (1797), № 1. Последнее письмо (Г. Р. Державина) опубликовано М. И. Сухомлиновым (История... т. 7, с. 7).

Императором средств на перевод классических авторов. Неизвестно, сыграла ли в мысли Нартова о такой деятельности Академии свою роль просьба фон Берга; с уверенностью можно говорить только, что она была достаточно неожиданна для большинства членов Академии. Возможно, она была подсказана Нартову С. Я. Румовским, который на заседании 5 апреля, когда академикам было предложено подумать, кто из них за какой перевод классического автора возьмется, сразу согласился на предложение президента перевести «Летопись» Тацита⁵ (этот автор присутствует в очень ограниченном – всего 6 лиц – списке классических авторов, представленном Нартовым императору; напомним – два автора эпических поэм, Гомер и Вергилий; два оратора – Демосфен и Цицерон; два историка – Фукидид и Тацит). Только больше месяца спустя, 17 мая, поступило предложение от Василия Данкова – перевести «нравственные сочинения философа Сенеки», а от Д. М. Соколова – «Фарсалию» Лукана (№ 5, л. 127). Еще почти месяц спустя, 7 июня, И.С. Рижский сообщил, что «принял на себя преложить на язык российской двенадцать отборных цicerоновых речей» (№ 5, л. 155). 21 июня сам Нартов предложил Академии приобрести французский перевод «Истории» Геродота, с тем чтобы «по сличению и пересмотрении с сим французским переводом, многими замечаниями снабженным, прежнего своего российского перевода Геродотовой истории⁶, <...> пожертвовать оным в пользу Академии» (№ 5, л. 170). Тогда же им была представлена принятая собранием Академии своеобразная внутренняя инструкция, «Начертание о переводе классических писателей», начинавшееся словами: «О переводах Академии решить должно, какие именно древние и новейшие знаменитейших классиков книги переведены быть должны, кроме уже тех, которые по усердию своему некоторые господа члены переводить предпочли». Несмотря на то, что здесь упоминаются «новейшие книги», больше в «Начертании» упоминаний современной литературы не встречается. В 5-ом пункте говорится, что «Если <...> паче чаяния никто из членов не примет на себя перевода какой-либо книги, предложение которыхы однако же весьма нужно и полезно для словесности, например Фукидид (подчеркнуто в оригинале – А. К.), Демосфен и проч., тогда Академия препоручает перевод таковой книги кому-либо из посторонних, коего искусство и знание в обоих языках ей известно»⁷.

⁵ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1875. Вып. 2. С. 105.

⁶ Речь идет об издании: *Геродот. Повествования Иродота Аликанасского* / Перевел Андрей Нартов. СПб., 1763–1764. 2 т.

⁷ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1887. Вып. 8 и последний С. 212; ориг. – ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, № 5, л. 172.

Таким было начало работы Российской академии по переводу классических авторов, во многом характеризующей ее деятельность в период президентства А. А. Нартова. Если судить по этому началу и по ряду других мер, предпринятых Академией в сфере перевода в первые годы XIX века, можно было бы ожидать, что работа эта принесет блестящие плоды. Так, помимо упомянутых пяти сочинений, изначально планировавшихся Российской академией к переводу, в последующие два года Академией и ее членами было предложено еще несколько переводов классических авторов. Еще в 1802 г. предполагалось перевести «Историю» Тита Ливия, о чем можно заключить по объявлению о подписке на «Ежемесячные сочинения» Академии, напечатанному отдельным листом в качестве «Прибавления» к «Санкт-Петербургским ведомостям» на 14 ноября 1802 г.: «Академия тщится в непродолжительном времени представить любителям изящных письмен некоторые из древних и новейших классических писателей на отечественный наш язык чистым слогом и исправно переведенные сочинения, над коими Г<оспо>да члены Академии уже и трудятся и кои суть: 1.) Творения Тацита; 2.) Фарсальская брань Лукана; 3.) Нравственные сочинения Сенеки; 4.) Отборные речи Цицерона; 5.) Путешествие младшаго Анахарсиса по Греции г. Бартеlemi; 6.) Тита Ливия и проч.»⁸. 6 июня 1803 г. П. И. Голенищев-Кутузов прислал в Академию свой перевод двух од Пиндара и предложил осуществить перевод всех од греческого поэта (№ 6, л. 105 об.–106). 15 марта 1804 г., прислав в Академию издание первого тома этого перевода, Голенищев-Кутузов сообщил о желании представить Академии свою работу по переводу Гесиода и Феокрита: «Гезиод уже кончен весь сполна, переписывается набело, и как скоро готов будет, то посвящен будет Академии и отдан мною в ея волю. Из тридцати Феокритовых Идиллий переведено уже двадцать»⁹. За этим обращением Голенищева-Кутузова последовало еще несколько подобных предложений. 19 марта А. С. Хвостов предложил «перевести вновь с латинского языка на российский Теренциевы комедии с тем, чтобы перевод сей издан был от имени Российской Академии» (№ 8, л. 70). 16 июля А. А. Нартов предложил кому-нибудь из членов Академии перевести «все стихотворения Клавдияна, яко знаменитаго классического писателя»,

⁸ Прибавление к Санктпетбургским ведомостям. 1802, № 91 (14 ноября). С. [2]. Следует отметить, что в протоколах заседаний Академии сведения об этом переводе отсутствуют, хотя Тит Ливий и значился в списке образцовых классических писателей, представленном Нартовым императору.

⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, № 8, л. 80. К письму прилагались начало перевода первой книги «Трудов и дней» Гесиода (л. 81–81 об.) и перевод двух идиллий Феокрита: «Дамет и Дафнис» (л. 81 об.–83) и «Верная любовь» (л. 83–84).

на что согласился П. Ю. Львов¹⁰. Наконец, 30 июля П. И. Соколов выступил на собрании Академии с чтением начала своего перевода «Метаморфоз» Овидия, после чего было решено «поелику Овидиевы превращения почитаются в числе лучших классических книг <...> перевод сей напечатать вместе с латинским подлинником, семь сот экземпляров» (№ 8, л. 172 об.).

Как видим, переводческая программа Академии предполагалась достаточно обширной. Следует отметить также, что, помимо предпринимавшихся переводов, Академия активно пополняла свою библиотеку изданиями, которые могли бы служить источниками и многих других переводов. За 1802–1804 гг. были приобретены латинские, греческие, а преимущественно – французские издания таких авторов (помимо уже названных), как Плиний, Тит Ливий¹¹, Проперций, Тибулл, Гораций¹², Лукреций, Анакреонт, Эзоп, Федр¹³, Лукиан, Вергилий, Катулл, Демосфен, Эсхин¹⁴.

¹⁰ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, № 8, л. 161 об. Согласиться на перевод Львова сподвиг, по видимому, энтузиазм, связанный со вступлением в Академию: заседание 16 июля началось с его речи, связанной с принятием в члены Академии. 15 октября, однако, он от этого перевода отказался, сославшись на то, что «он по непредвиденным обстоятельствам <...> занят многими по должности своей делами» (там же, л. 261 об.). На следующем заседании один из присутствовавших (а именно: А. А. Нартов, Т. С. Мальгин, Д. М. Соколов, П. И. Соколов, Ириней арх. Псковский, Мефодий арх. Тверской, А. С. Никольский) «изъявил свое желание перевести для Российской Академии стихотворения Клавдиановы с латинского на российский язык прозою с таким, однако же, условием, что при переводе сей книги он будет исключать все те статьи и места, в которых латинский стихотворец не строго наблюдал надлежащую благопристойность, и чтобы имя его было сокрыто» (там же, л. 263 об. Замечание об исключении «неблагопристойных» мест заставляет предположить, что этот переводчик – одно из двух присутствовавших на заседании духовных лиц).

¹¹ 23 августа 1802 г. решено приобрести, среди прочих книг: «3.) Plinii epistolae 12o. 4 рубл.; 5) Titus Livius, 12 vol.: in 8o 24 рубл.; 6) Tite Live traduit en français 25 рубл.» (№ 4, л. 233 об.).

¹² 15 ноября 1802 г. «Г. Президент предложил Собранию для покупки следующие классические книги 1.) Проперциевы элегии на французском и латинском языках в двух томах, двадцать рублей. 2.) Полное собрание сочинений Клавдиана в двух томах, восемь рублей. 3.) Элегии Тибулловы на Латинском языке с французским переводом в трех томах, пятнадцать рублей. 4.) Горациевы сатиры на латинском и французском языке, четыре рубля» (№ 4, л. 308).

¹³ 17 января 1803 г. «Собранием определено: предложенныя Г. Президентом Академии следующие классические книги: 1.) Lucrece 2 vol.: одиннадцать рублей. 2.) Odes d'Anacreon, двадцать три рубля. 3.) Les trois fabulistes, восемь рублей, сорок копеек (имеется в виду издание: Les Trois Fabulistes, Ésope, Phèdre et La Fontaine par Chamfort et Gail. Paris, 1796. – А. К.). 4.) Discours de Licurgue, три рубля пятьдесят копеек (имеется в виду издание: Discours de Lycurgue, d'Andocide, d'Isée, de Dinarque ... traduits ... par M. l'abbé Auger. Paris, 1783. – А. К.) <...> купить для употребления Российской Академии» (№ 6, л. 18 об.).

¹⁴ 2 апреля 1804 г. было решено заплатить «за купленные для книгохранилища ИМПЕРАТОРСКОЙ Российской Академии книги: Metamorphoses d'Ovide 4 vol. тридцать

Между тем, из всех этих предполагавшихся переводов осуществлено было только два – «Летописи» Тацита¹⁵ и «Превращения» Овидия¹⁶. «Творения» Пиндара и Гесиода¹⁷, переведенные П. И. Голенищевым-Кутузовым, были опубликованы им за собственный счет. И хотя в предисловии к первому из них указывалось даже, что перевод является частью переводческой программы Российской академии, говорить о них как о трудах Академии было бы натяжкой (так, ни один из этих переводов не стал предметом рассмотрения переводческого комитета Академии, а отдельное издание «Идиллий» Феокрита, представленное им Академии, и вовсе не было осуществлено, поскольку Академия настаивала на том, что перевод должен быть рассмотрен комитетом, на что переводчик, по-видимому, не согласился¹⁸). Наоборот, наиболее видными плодами переводческой рабо-

рублей – *Mythologie de Lucien* десять рублей (имеется в виду издание: *Mythologie Dramatique. Traduite du Grec de Lucien, Par J.-B. Gail. Paris, 1794–1795. – А. К.)* – *Oeuvres de Virgile* 4 volum. двадцать четыре рубля – *Lettres de Ciceron* 4 vol. в переплете восемь рублей – *Academiques de Ciceron* 2 vol. в переплете три рубля пятьдесят копеек – *Oeuvres de Claudien* 2 vol. шесть рублей – *Poesies de Catulle* 2 vol. семь рублей пятьдесят копеек <...> *Demosthenes et Aeschines Orega* пятнадцать рублей – *Reyheri theatrum Latino-Germanico-Graecum* двенадцать рублей» (№ 8, л. 90).

¹⁵ *Тацит.* Летопись К. Корнелия Тацита / Переведена с лат. Императорской Российской Академии членом Степаном Румовским и оною Академиею издана. СПб., 1806–1809. 4 т.

¹⁶ *Овидий.* Превращения / Переведенные с латинского Императорской Российской Академии членом Петром Соколовым и оною Академиею изданные. СПб., 1808. Ч. 1.

¹⁷ *Пиндар.* Творения Пиндара / Переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым... М., 1804. Ч. 1–2; *Гесиод.* Творения Гезиода, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807.

¹⁸ В заседании 29 сент. 1804 г. читалось письмо П. И. Голенищева-Кутузова, предоставившего второй том Пиндара и рукопись перевода Феокрита с целью издать его как труд Академии, ставя при этом ряд условий, в т. ч. – «3е. Чтобы ему дан был от Академии диплом, в коем бы были обозначены труды его в пользу российской словесности понесенные и изысканно бы было как о издании его сочинений, так и Пиндара и Феокрита. – 4е. Чтобы ему дана была медаль <...> чтобы она была ему знаком отличного Академии члена. – 5. Чтобы Академия сделав от себя Государю Императору приношение его перевода объяснила, что он переводчик сего издания и просила бы Государя, чтобы обратил высочайшее свое внимание на него, яко на человека отлично в пользу российской словесности подвизавшагося и переводом двух классических авторов сделавшаго то, чего ни один россиянин никогда не сделал». Собрание согласилось рассмотреть возможность такого издания, но со следующими оговорками: «Академия перевод Феокрита примет от Его Превосходительств» ва с удовольствием и, по рассмотрении онаго в общих своих собраниях или в особенном комитете, от чего никакое сочинение и никакой перевод в Академию поступающий не изымется, приложит попечение о исправном его издании <...> Императорская Российс<кая> Академия ни в какие условия входить обязанности не имеет, полагая, что каждый ее член по усердию и званию своему обязан жертвовать ей своими трудами до Словесности касающимися, которые как скоро Академия общим согласием находит воздаяния достойными, увенчивает приличною почестью от

ты Российской академии стали переводы трудов, созданных европейскими авторами конца XVIII века – Ж.-Ж. Бартелеми и Ж.-Ф. Лагарпом (оба перевода, впрочем, имеют непосредственное отношение к классической древности). Такое несоответствие задуманной обширной программы перевода классических авторов незначительным результатам ее выполнения было обусловлено, несомненно, определенными причинами, и именно их рассмотрению и посвящена настоящая статья.

* * *

Основной причиной неудачи этого начинания, по всей вероятности, стало то, что работа Российской академии по переводу была для ее инициатора, А. А. Нартова, лишь административным предприятием, способствующим обоснованию пользы Академии для государства перед лицом императора и, как следствие, получению для нее дополнительного содержания. Чтобы обосновать это мнение, следует взглянуть, в первую очередь, на то, что представляла собой Академия в момент прихода в нее Нартова и какие меры предпринимались в целом новым президентом для организации ее работы.

В начало царствования Александра I Российская академия вошла в весьма плачевном состоянии. В период президентства П. П. Бакунина (1794–1798) была почти полностью истрачена капитальная сумма, составлявшая основной источник дохода Академии; Павлом I было отказано Академии в производившейся до того ежегодной выплате 6 250 рублей из императорского кабинета; таким образом, Академия была почти полностью лишена средств. В 1798 году Бакунин был отстранен от руководства Академией, но новый директор так и не был назначен; заседания проходили 1–2 раза в месяц при очень незначительном числе членов; в 1800-ом – начале 1801-го Академия занималась, в основном, подготовкой переиздания своего «Словаря» и рассмотрением «Грамматики» П. И. и Д. М. Соколовых.

С приходом к власти Александра I члены Академии начали предпринимать попытки вернуть себе не получавшиеся при Павле I средства и по-

высокомонарших щедрот назначенною <...> Впрочем, ежели мнение Академии с желаниями Его Пр<евосходительст>ва не согласно, то оно предоставляет ему на волю, сообщить перевод сей в Академию, или напечатать оный своим иждивением» (№ 8, л. 247–247 об.). Рукопись перевода была передана в Академию Л. И. Голенищевым-Кутузовым 14 янв. 1805 г. (№ 10, л. 15 об.–16), но никаких дальнейших упоминаний его рассмотрения обнаружить не удалось.

лучить достойного председателя; наконец, 29 мая 1801 года президентом был назначен А. А. Нартов. Что послужило причиной для такого назначения, неизвестно. Членом Академии Нартов не был. Активная собственно литературная деятельность его пришлась на 1750–1760-е годы, но уже с середины 1780-х печатные его работы связаны исключительно с деятельностью по управлению Берг-коллегией и Вольным экономическим обществом¹⁹. Думается, именно последнее обстоятельство сыграло в назначении решающую роль.

Нартов назначался президентом Российской академии не как филолог или писатель. Важно было, что как президент Вольного экономического общества он показал несомненные успехи: Общество активно работало, издавало свои труды, собирало библиотеку и представляло собой общественно значимую организацию, во многом определявшую пути сельскохозяйственного опыта в России. Подобный опыт виделся, по-видимому, Александру I важным для последующего руководства Российской академией, и именно так повел себя новый президент.

В царствование Павла Академия была лишена высочайшей императорской поддержки и в деятельности своей, по сути, перестала пользоваться риторикой полезности для Империи – именно возвращением этой риторики в первую очередь озаботился Нартов с первых дней своего президентства. На первом же внеочередном заседании Академии после назначения им были предложены следующие предметы занятий Академии: «а) Задать к сочинению похвальное слово Екатерине Второй <...>; б) Пригласить <...> упражняющихся в российском стихотворении к сочинению оды на день коронавания <...> Александра Первого; в) Поручить искусному члену Академии собирать высочайшие указы и учреждения <...> Александра Первого для составления <...> Истории достойной толь милосердаго Монарха; г) Задавать к сочинению похвальные слова особам, знаменитыми подвигами своими бессмертную славу снискавшим <...>; д) Издавать сочинения <...> к чему все упражняющиеся в сочинении на российском языке приглашены быть должны чрез Ведомости»²⁰. Как видно, Нартов старался сделать Академию, во всяком случае внешне, центром русской литературы, представляя ее местом, сосредотачивающим в себе усилия по созданию в литературе положительного образа молодого императора. Нартова нисколько не смущало, по-видимому, то, что некоторые из предложенных пунктов выглядели малоосуществимыми. Так, очень скоро в Академии поняли, что

¹⁹ Лепехин М. П. Нартов Андрей Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1998. Т. 2. С. 321–326.

²⁰ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 209–210.

предложение о составлении истории царствования Александра I по собранным высочайшим указам, на что живо согласился Д. И. Хвостов, вряд ли возможно. Уже в конце июня 1801 г. Нартов и архиепископ ярославский Павел сообщили, что «они, входя в подробное [рассмотрение – А. К.] сего академии предприятия, находят нужным оное совсем отменить, первое потому, что из одних указов составить полной истории не можно, второе, что издание истории при жизни той особы, деяния которой должны составлять предмет оных, было бы противно обыкновения» (№ 4, л. 71–71 об.). Сам проект мог быть неосуществим; но важно было, чтобы он звучал достаточно эффектно и показывал пользу Академии для нового царствования²¹.

Подобные меры должны были наладить потерянный при Павле контакт между Академией и императором и, как следствие, обеспечить Академию достойным содержанием. Для достижения этих целей на том же первом внеочередном собрании по предложению Нартова членами Академии были избраны председатель Комитета финансов А. И. Васильев и приближенный к императору Д. П. Трошинский, через которого впоследствии Нартов подавал Александру I труды Академии и представления о ее финансировании.

Вообще, внешней стороне деятельности Академии Нартов придавал невероятно большое значение, всячески стараясь подчеркнуть, что слово «Императорская» в названии Российской академии – не случайно. 6 июля 1801 г. он передал в Академию императорский указ о своем назначении президентом с тем, чтобы в Академии, по примеру ВЭО, был создан «ковчег достойный для хранения как сего высочайшаго рескрипта, так и других именных указов, каковыми Его Императорскому Величеству удостоивать почтение сея Академии благоугодно будет» (№ 4, л. 79 об.–80; уже 28 сентября 1801 г. Нартов сообщил в Академию копию рескрипта от 15 сентября о пожаловании ему ордена Анны I класса (там же, л. 157–157 об.)). Новый президент внимательно следил за оформлением зала заседаний в начавшем строиться при нем новом каменном здании Академии: первыми заказанными И.-Б. Лампи (младшему) портретами были портреты Екатерины II (копия с портрета И.-Б. Лампи-отца) и оригинальный портрет Александра I,

²¹ Следует отметить, что подобное издание в первые годы правления Александра I все же было предпринято воспитателем великих княжон А. П. Шторхом (1766–1835) в его журнале «Россия при Александре I» (*Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift*. SPb.; Leipzig, 1803–1808. Bd. 1–9; о творчестве А. П. Шторха см.: *Ананьева А. В.* Культура России в научной и художественной прозе Андрея Карловича Шторха (1766–1835) // XVIII век. СПб., 2008. Вып. 25. С. 243–255).

план и эскиз которого Академия обсуждала по меньшей мере три раза²². Среди двух заказанных для зала икон одна, помимо лика Спасителя, была иконой св. Александра Невского (№ 8, л. 134). Следил Нартов и вообще за внешним оформлением деятельности Академии: он первым ввел отсутствовавшие до того дипломы членов Российской академии²³, он распорядился нанять для главного здания Академии швейцара, которому было определено приобрести «парадное швейцарское платье из зеленого сукна со всем принадлежащим к нему прибором, шляпу, булаву и проч.» (№ 6, л. 207 об.). Он, наконец, старался формализовать деятельность Академии, вводя обязательные еженедельные заседания, еженедельный же отчет казначея в приходе и расходе академических сумм, создавая специальные комитеты для особых целей (за первые два года управления таких комитетов было создано пять – от комитета по строению академических домов до комитета для рассматривания «Умословия» И. С. Рижского)²⁴.

Как видим, в Российской академии Нартов показал себя достаточно опытным администратором, что не замедлило дать ощутимые организационные плоды. Уже в 1801 г. новому президенту удалось добиться того, что Александром I было подтверждено «Начертание» об Академии, составленное Е. Р. Дашковой и возвращена выдача из Кабинета 6 250 рублей в год. Однако, еще более радостное событие ждало Академию в 1802 году. В начале марта Нартов через Трошинского представил императору и императорской фамилии первый труд Академии, изданный под его руководством – перечитанную с приходом нового президента в третий раз и посвященную императору «Российскую грамматику» Соколовых. Благодарственные отзывы были получены сначала от императрицы Марии Федоровны и вел. кн. Константина Павловича, а 25 марта – от самого императора (№ 5, л. 47–48, 59–60). Результатом этого подношения стало решение о выделении Российской академии средств на постройку нового дома, издание ежемесячных сочинений и перевод классических авторов, упоминавшееся выше. Принятие решения о начале новой деятельности было представлено Нартовым как государственное дело; не случайно он согла-

²² См. подробнее в настоящем сборнике, в статье Е. В. Кочневой. С. 188–189.

²³ Эти дипломы рассылались членам Академии вместе с первыми томами перевода «Анахарсиса» Бартеlemi в марте – апреле 1805 г.

²⁴ 31 августа 1801 г. был создан Комитет для рассматривания трудов сочинителей Словаря; в 1802 г.: 3 мая – Комитет по строению академических домов, 2 августа – комитет для рассматривания «Умословия» (Логиги) Рижского; 17 января 1803 г. – Комитет для рассматривания сочинений, представляемых для «Ежемесячных сочинений» и, наконец, 19 сентября 1803 г. – Комитет для чтения и рассматривания перевода «Путешествия младшего Анахарсиса».

сился на присуждение ему золотой медали только при том условии, что вторая золотая медаль будет присуждена Трощинскому, организовавшему принятие высочайшего решения (№ 5, л. 61).

Как было сказано, в течение трех месяцев после объявления этого решения в Российской академии были начаты работы по переводу пяти античных авторов. В свете такой ориентации на античную классику приобретение 12 июля 1802 г. для библиотеки Академии семитомного французского «Путешествия младшего Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi могло показаться оправданным только тем, что оно приобреталось как справочник, обширный свод сведений о древней Греции²⁵. Между тем, 26 июля, то есть спустя всего лишь месяц с объявления начала своей работы над Геродотом, Нартов сообщил собранию, что «принимает на себя перевести с французского языка на русский первый том путешествия Анахарсиса по Греции <...> достойного быть предложенным на отечественный наш язык, как по содержанию своему, так и по изящности слога» (№ 5, л. 170). Несмотря на положение одобренного всего лишь месяц назад «Начертания»: «Перевод книг, в многих томах или частях состоящих, разным членам препоручать не должно: в противном случае слог был бы разнообразен, а потому и перевод будет не токмо не согласен, но даже противен намерению, с каковым Академия предложение классических писателей предпринимлет»²⁶, – «Анахарсиса» было решено переводить всемером.

Принятие решения о переводе книги Бартеlemi кажется странным не только потому, что оно нарушало недавно установленный Академией внутренний распорядок. В отличие от всех ранее заявленных переводов, здесь решалось переводить автора «нового», что не вполне соответствует тому, что нам известно о работе Академии в первые годы XIX века. Так, следует отметить, что книги писателей XVII–XVIII веков почти полностью отсутствуют в числе покупавшихся Академией трудов; преимущественно это компендиумы, приобретавшиеся для возможного использования в «Сочинениях и переводах Российской Академии»; от членов Академии было получено только одно предложение перевести новоевропейского писателя: в 1805 г. Д. И. Хвостов сообщал, что почти закончил перевод «Поэтического искусства» Н. Буало, но и в этом случае оправдывался: «Наука о стихо-

²⁵ См. запись в протоколе заседания Академии от 12 июля 1802 г.: «Собранием определено: книгу “Voyage de jeune Anacharsis en Grèce par Mr. de Barthelemy” в 7. томах с ландкартами во французском переплете купить для российской Академии, а следующие за оную деньги сорок пять рублей выдать книгопродавцу Клостерману, записать в расходную шнуровую книгу» (№ 5, л. 195 об.).

²⁶ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 212.

творстве г. Боало хотя не может величаться древним летосчислением, но, без сомнения, в потомстве будет почтена знаменитым классическим творением. Довольно уже того, что она сама почти есть перевод Аристотелевой и особливо Горациевой пиитики»²⁷. Между тем, обращение к переводу книги, которая вышла менее чем 15 лет назад, в 1788 году, вовсе не должно казаться неожиданным. Чтобы охарактеризовать ее значение в европейской культуре начала XIX века, достаточно повторить отзыв об этой книге Н. М. Карамзина, во многом повторявшего в 1803 году прозвучавшие ранее в Германии и Франции оценки: «Если спросим у знающего литератора: какая книга есть славнейшая из всех, вышедших в последнюю четверть осьмаго-надесять века, то он конечно назовет *Путешествие Анахарсиса*. Бартеlemi оживил для нас Грецию со всеми ее великими мужами и происшествиями, со всеми памятниками геройства, ума, философии, искусства и талантов; со всеми законами, обычаями и нравами, столь любопытными. Читая книгу его, мы видим и слушаем греков; пространство времен исчезает, и глубокая древность является нам в блеске и в свежести настоящего»²⁸. В семи томах своей книги Бартеlemi, действительно, собрал и, что еще важнее, представил в занимательной форме очень многое из того, что было известно в XVIII веке об истории, нравах, быте, философии, музыке и многих других сферах жизни древней Греции. Это был, таким образом, один из основных источников знакомства людей того времени с классической древностью. Значение этой книги для русской культуры того времени подтверждает и тот факт, что в 1801 или 1802 г. Александром I было выделено 6 000 руб. на завершение многолетнего труда профессора и впоследствии ректора Московского университета П. И. Стрехова по переводу «Анахарсиса»²⁹. Неизвестно, знал ли о переводе Стрехова Нартов. Карамзин в рецензии на только что вышедший первый том перевода сообщает: «Давно уже любители нашей словесности знали, что господин Стрехов, профессор Московского университета, занимается переводом *Анахарсиса*, и с нетерпением ожидали его на русском языке»³⁰. Можно предположить, что Нартов в число этих любителей не входил, однако с уверенностью можно сказать, что незадолго до появления официального извещения о выходе первого тома перевода Страх-

²⁷ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1886. Вып. 7. С. 551.

²⁸ О русском переводе Анахарсиса // Вестник Европы. 1803, ч. 10, № 13. С. 57.

²⁹ Там же. С. 58.

³⁰ Там же. С. 57.

хова Нартов узнал, что он вскоре выйдет в свет. Объявление о выходе перевода Страхова и о подписке на него появилось в «Московских ведомостях» 15 июня 1803 г.³¹ 6 июня, то есть всего за 9 дней до этого, Нартов на очередном заседании Академии объявил, что «он привел к окончанию принятый на себя <...> перевод первого тома путешествия младшего Анахарсиса по Греции, которого первая тетрадь во время сего собрания и прочтена». Сразу после этого «те из г. присутствовавших членов, которые также приняли на себя труд преложения последующих частей <...> объявили, что и они с своей стороны принятым ими на себя переводом занимаются и по окончании оного не преминут доставить в Академию. К отсутствующим же г. членам Академии г. президент препоручил секретарю оныя писать, дабы благоволили уведомить Академию, далеко ли они простираются в своих переводах и когда могут доставить их в Академию, дабы она, во исполнение высочайшей Его Величества воли, могла скорее приступить к изданию в свет общепользных классических книг» (№ 6, л. 106). Как кажется, такая поспешность в сборе материалов перевода – а от начала работы прошло меньше года – была вызвана как раз тем, что, получив известие о работе Страхова, Нартов понял: Академия теряет приоритет в той работе, которая должна была представлять ее перед императором и обществом³². О том, что такая активизация работы была связана с переводом Страхова, свидетельствует отчасти переписка Нартова с Д. И. Хвостовым. Хвостов, получив просьбу сообщить, как продвигаются дела с переводом, писал: «Видя перевод г<осподи>на Страхова печатающийся, мог я думать, что намерение сие оставлено, и для того не иметь нужды спешить, но, привыкнув во всякое время удовлетворять <...> желаниям Академии <...>, не премину без дальнего промедления сообщить <...> возложенную на меня третью

³¹ Московские ведомости. 1803, № 47 (15 июля). С. 796.

³² Не исключено, впрочем, что Нартов поспешил со сдачей своего перевода, который к тому времени вряд ли был завершен, желая поправить свое финансовое положение. За неделю до объявления о завершении перевода, 30 мая, Нартов предложил собранию Академии принять положение об оплате труда переводчиков: «Собрание <...> имело рассуждение о награждении г. членам, трудящимся для Академии в переводе классических и других до словесности вообще касающихся книг на язык российский и приемля в основание важность и трудность подлинника и величину формата переводимой книги, положило в награждение за каждый лист с переводимого оригинала: за перевод Тацита – 25 рублей за лист, Сенеки, Лукана и «Анахарсиса» – 20, Цицерона – 15 (№ 6, л. 101 об.). Однако, решение о выплате Нартову платы за перевод было принято только 19 сентября, тогда же, когда А. С. Никольским было представлено начало своей части перевода и принято решение о создании специального комитета для рассматривания перевода «Анахарсиса». При подсчете листов оказалось, что Нартову должно быть заплачено 460 рублей, Никольскому – 600 рублей.

часть Анахарсиса» (№ 6, л. 172–172 об.). Узнав же от Нартова обстоятельства дела, он, спустя некоторое время, писал: «Ныне видя, сколько нужно поспешение для Академии в сем переводе, за долг себе поставляю <...> непременно перевод <...> сообщить <...> не позже первого числа наступающего нового года» (№ 6, л. 180 – 180 об.). Между тем, несмотря на такую спешку, первый том академического перевода, как и второй, был готов только к концу 1804 года, то есть на его подготовку ушло после заверения о завершении более полутора лет. Как кажется, главным препятствием в данном случае послужило то, что, несмотря на заверения Нартова в завершении перевода, по-видимому, им была выполнена только первая его часть. Во всяком случае, сличение переводов Страхова и Нартова показывает, что если в начале тома перевод Нартова выглядит самостоятельным, то в конце его он предстает явно зависимым от перевода Страхова:

И. Ежели верить древним преданиям, то первые обитатели Греции не имели иных жилищ, как глубокие пещеры, из которых выходили токмо на похищение у зверей пищи грубой, а иногда и вредной. В последствие времени, когда соединились под начальство отважных предводителей, умы их более просветились, а купно умножились их нужды и бедствия <...> Родилась война; сильные страсти воспламенились и следствия оных были ужасны. Реками кровь надлежало проливать, чтобы утвердить за собою владение земли. Победители пожирали побежденных; у всех над головами была смерть, а в сердцах мщение. Но то ли от того, что человек наконец утомляется от своего зверства, или что климат Греции рано или поздно смягчает характеры ея обитателей, многия сонмища диких людей добровольно предались руководству законодателей, принявших намерение укротить их нравы. Египтяне были сии законодатели, приставшие к бере-

И. Первые обитатели Греции, естьли верить древним преданиям, не имели иных жилищ, кроме глубоких пещер, и выходили из оных для того токмо, чтобы сражаться со зверями за суровую, а иногда и вредную пищу. Потом, соединясь под предводительством отважных начальников, умножили они свое просвещение, свои нужды и бедствия <...> Началась война; воспламенились сильные страсти, и следствия их были ужасны. Надлежало проливать реки крови, для утверждения за собою какой либо земли. Победители пожирали побежденных; смерть была над всеми главами, а мщение во всех сердцах. Но, или потому, что человек утомляется наконец от своей свирепости, или климат Греции умягчает рано или поздно свойство в нем обитающих, многия сонмища дикарей прибегли к законодателям, вознамерившимся их просветить. Сии законодатели были Египтяне, пришедшие ко берегам Арголиды для снискания

гам Арголиды. Здесь искали они себе убежища; здесь основали царство³³.

II. Сократа единого не поколебали бедствия тогдашних времен; он осмелился утешать несчастных и противиться велениям тиранов. Но не его добродетель тревожила их; они страшились, справедливее, великого ума Альцибиадова, за поступками которого тайно смотрели.

Он находился тогда в одном местечке Фригийском, в округе правления Фарнабазова, от которого получил знаки отличия и дружбы. Уведав о делаемых младшим Киром наборах войск в малой Азии, заключил из сего, что сей царевич умышляет воевать противу Артаксеркса, своего брата: в следствие чего думал он отправиться к царю Персидскому, уведомить его о угрожающей опасности, и получить от него помощь для освобождения своего отечества: но незапно убийцы, посланные от сатрапа, окружают дом его, и не имея смелости наступить на него, зажигают дом. Альцибиад

себе на оных убежища. Здесь они основали Государство³⁴.

II. Единого Сократа не поколебали ни мало беззакония тогдашних времен; он отважился утешать несчастных и противиться повелениям тиранов. Но не его добродетель тревожила их; они страшились более великого ума Алкивиада, за поступками когого весьма тщательно наблюдали.

Он находился тогда в одном Фригийском местечке, в наместничестве Фарнабазова, от которого получил он знаки отличия и дружбы. Узнав, что младший Кир набирал войска в малой Азии, заключил из того, что сей царевич умышлял воевать против брата своего Артаксеркса: сего ради предприиял он отправиться к царю Персидскому, уведомить его о угрожающей опасности, и получить от него помощь для освобождения своего отечества: но незапно посланные от сатрапа убийцы окружают его дом, и не имея дерзновения на него наступить, зажигают оных. Алкивиад имея в

³³ Бартеlemi Ж.-Ж. Путешествие младшаго Анахарсиса по Греции в половине четвертаго века до Рождества Христова / Пер. с фр. П. Страховым. М., 1803. Т. 1. С. 1–2. Фр. оригинал: “S’il faut s’en rapporter aux anciennes, les premiers habitans de la Grèce n’avoient pour demeures que des antres profonds, et n’en sortoient que pour disputer aux animaux des alimens grossiers et quelquefois nuisibles. Réunis dans la suite sous des chefs audacieux, ils augmentèrent leurs lumières, leurs besoins et leurs maux. <...> La guerre commença; de grandes passions s’allumèrent; les suites en furent effroyables. Il falloit des torrens de sang pour s’assurer la possession d’un pays. Les vainqueurs dévorèrent les vaincus; la mort étoit sur toutes les têtes, et la vengeance dans tous les coeurs. Mais, soit que l’homme se lasse enfin de sa férocité, soit que le climat de la Grèce adoucisse tôt ou tard le caractère de ceux qui l’habitent, plusieurs hordes de sauvages coururent au-devant des législateurs qui entreprirent de les policer. Ces législateurs étoient des Egyptiens qui venoient d’aborder sur les côtes de l’Argolide. Ils y cherchoient un asile; ils y fondèrent un empire” (Barthélemy J.-J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième siècle avant l’ère vulgaire. Paris, 1793. Т. 1. Р. 17–18).

³⁴ Бартеlemi Ж.-Ж. Путешествие младшаго Анахарсиса по Греции / Пер. с франц. Имп. Рос. акад. президентом Андреем Нартовым. СПб., 1804. Т. 1. С. 1–2. Здесь и далее подчерки-

устремляется с мечом сквозь пламень, разгоняет варваров и падает мертв от множества стрел; ему было тогда 40 лет. Смерть его наносит стыд Лакедемону, ежели то правда, что правители его, побуждаемые одинакою боязнию с Афинскими тиранами, склонили Фарнабаза исполнить сие гнусное злодеяние. Но другие уверяют, что он сам собою на сие поступил, и по причинам особенным³⁵.

руках меч, бросается сквозь пламень, прогоняет варваров и падает мертв под тучею стрел. Тогда было ему 40 лет. Смерть его есть вечное пятно для Лакедемона, если то правда, что градоначальники с Афинскими тиранами одинакий страх чувствовали, и преклонили Фарнабаза к исполнению сего гнусного злодейства. Но другие уверяют, что он сам себя и по особенным причинам подверг оной смерти³⁶.

И дело не только в том, что во втором фрагменте перевод Нартова обнаруживает значительно большее количество совпадений с переводом Страхова (в первом случае, если не считать изменений в порядке слов, совпадают 63 переводимых элемента из 96, т. е. 65 % текста; во втором – 99 из 134, т. е. 74 %) ³⁷: ведь, прежде всего, оба переводчика в значительной степени зависят от текста оригинала, что объясняет большое количество

вания в тексте перевода Российской Академии означают разночтения с переводом П. И. Страхова.

³⁵ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие... М., 1803. Т. 1. С. 388–389. Фр. оригинал: “Socrate fut le seul qui ne se laissa point ébranler par l'iniquité des temps: il osa consoler les malheureux, et résister aux ordres des tyrans. Mais ce n'étoit point sa vertu qui les alarmoit: ils redoutoient, à plus juste titre, le génie d'Alcibiade, dont ils épouvoient les démarches. Il étoit alors dans une bourgade de Phrygie, dans le gouvernement de Pharnabaze, dont il avoit reçu des marques de distinction et d'amitié. Instruit des levées que le jeune Cyrus faisoit dans l'Asie mineure, il en avoit conclu que ce prince méditoit une expédition contre Artaxerxès son frère: il comptoit, en conséquence, se rendre auprès du roi de Perse, l'avertir du danger qui le menaçoit, et en obtenir des secours pour délivrer sa patrie; mais tout-à-coup des assassins envoyés par le satrape, entourent sa maison; et, n'ayant pas la hardiesse de l'attaquer, y mettent le feu. Alcibiade s'élança, l'épée à la main, à travers les flammes; écarte les barbares, et tombe sous une grêle de traits: il étoit alors âgé de 40 ans. Sa mort est une tache pour Lacédémone, s'il est vrai que les magistrats, partageant les craintes des tyrans d'Athènes, aient engagé Pharnabaze à commettre ce lâche attentat. Mais d'autres prétendent qu'il s'y porta de lui-même, et pour des intérêts particuliers” (*Barthélemy J.-J.* Voyage... Т. 1. Р. 334–335).

³⁶ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие... СПб., 1804. Т. 1. С. 347–348.

³⁷ Следует отметить, что в обоих случаях зависимость текста Нартова от Страхова оказывается выше, чем зависимость обоих текстов от перевода этих фрагментов Я. И. Булгаковым (РГБ, ф. 41, карт. 16, № 4–5), с которым несомненно ознакомился Страхов (*Жихарев С. П.* Записки современника. М., 2004. С. 203). Так, в первом случае совпадения составляют 55% (у Страхова) и 58% (у Нартова); а во втором – 60% и 62% соответственно. Сравнение перевода Страхова с другими участниками коллективного перевода Российской академии дает сходные результаты совпадений: 60% – с переводом Д. И. Хвостова (3-й том); 59% – с переводом А. Ф. Севастьянова (4-й том).

совпадений. Важнее отметить, что во втором случае перевод Нартова обнаруживает несомненную зависимость от своего предшественника в передаче различных незначительных элементов (служебные слова, местоимения, предлоги, грамматические формы, порядок слов и т. д.), определяющих в первую очередь индивидуальность перевода. Если в переводе первого фрагмента именно подобные случаи составляют большую часть (22 из 33) вариантов: *ежели – естьли; в последствие времени – потом; когда соединились – соединясь; реками кровь проливать – проливать реки крови*, и т. д., то во втором – доля таких вариантов значительно ниже (19 из 35), причем преимущественно это лексические варианты (*из сего – из того; с мечем – имея в руках меч; зажигают дом – зажигают оный; сам собою на сие поступил – сам себя подверг смерти*, и т. д.); использование различных грамматических форм минимально: *ума Алкивиада – ума Альтиада; уведав о делаемых наборах – узнав, что набирал; умышляет – умышлял*.

В еще большей степени зависимость от перевода Страхова обнаруживает перевод главы о музыке из третьего тома «Анахарсиса», выполненный П. И. Соколовым³⁸:

Также порочить должно нынешнюю музыку в той изнеженности, в тех обольстительных тонах, которыми народ приводится в восторг, и которых выражение, не относяся ни к какому определенному предмету, всегда относимо бывает к господствующей страсти. Единственное их действие есть, разслаблять час отчасу более такой народ, в котором душевные качества, не имея ни силы, ни характера, различаются только разными своими степенями малодушия.

Новейшую музыку порочить можно за ту изнеженность, за те очаровательные звуки, от которых народ приходит в восторг, и которых выражение, не относяся ни к какому определенному предмету, всегда обращается в пользу господствующей страсти. Единственное их действие состоит в том, чтобы более и более разслаблять такой народ, в котором душевные качества, не имея ни силы, ни свойства, отличаются только разными степенями своего малодушия.

³⁸ Несмотря на то, что переводить третий том было поручено Д. И. Хвостову, в конце декабря 1803 г. он писал Нартову, что «вторая глава третьяго тома, а вообще всей книги 27я о музыке, меня совершенно обезоружила, и я торжественно должен Академии признаться, что я ее перевести не в состоянии. Она разсуждает о части мне чуждой, наполнена выражениями мне неизвестными, так, что с помощью словарей, и особ в музыке искусных, я тщетно три раза покушался положить оную на бумагу» (№ 8, л. 6 об.). Далее Хвостов сообщал, что предложил перевести главу Г. С. Салтыкову, однако в начале января 1804 должен был признаться, что «не имеет никакой надежды доставить» этот перевод. В результате, 16 января Нартов поручил переводить главу П. И. Соколову (№ 8, л. 16–16 об.).

Но, сказал я Филотиму, поелику древняя музыка имеет столь великия преимущества, а новая столь великия приятности: то для чего не стараться их согласить? Я знаю одного музыканта, именем Телезиаса, отвечал он, которой сделал сему план за несколько пред сим лет. В юности своей напился он чувствованием тех важных красот, коими наполнены творения Пиндара и других пиит лирических. По том, прельщен произведениями Филоксена, Тимофея и новейших пиит, он захотел сблизить сии два различные рода сочинений. Но при всем старании, он всегда склонялся к сочинениям первых своих учителей, и не получил инаго плода от своих трудов, как что навлек на себя с обеих сторон неудовольствие³⁹.

Но поелику древняя музыка, сказал я Филотиму, имеет столь великия преимущества, а новая столь великия приятности: то для чего не стараться согласить их? Я знаю одного музыканта, именем Телезия, отвечал он, который за несколько лет пред сим имел-было намерение произвести сие в действо. Еще в юности своей напился он чувствованием тех важных красот, которыми наполнены творения Пиндара и других лирических стихотворцев. Потом, быв прельщен произведениями Филоксена, Тимофея и новейших стихотворцев, он вздумал сблизить сии два различные рода сочинений: но при всем своём старании, он всегда придерживался рода сочинений первых своих учителей, и не получил другаго плода от всех своих трудов, как только то, что навлек на себя неудовольствие обеих сторон⁴⁰.

При той степени зависимости, которую обнаруживает перевод Соколова от перевода Стрехова (совпадение 94 из 118 переводимых элементов, т. е. 80 %), очевидно, что варианты носят характер всего лишь стилистической правки. Особенно характерны проповедывавшиеся Российской академией замены слов и оборотов с «иностранными» корнями: *не имея ни силы,*

³⁹ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие... М., 1804. Т. 3. С. 289–291. Фр. оригинал: “On doit reprocher encore à la musique actuelle cette douce mollesse, ces sons enchanteurs qui transportent la multitude, et dont l'expression n'ayant pas d'objet déterminé, est toujours interprétée en faveur de la passion dominante. Leur unique effet est d'énervier de plus en plus une nation où les ames sans vigueur, sans caractere, ne sont distinguées que par les différens degrés de leur pusillanimité. Mais, dis-je à Philotime, puisque l'ancienne musique a de si grands avantages, et la moderne de si grands agrémens, pourquoi n'a-t-on pas essayé de les concilier? Je connois un musicien nommé Télésias, me répondit-il, qui en forma le projet, il y a quelques années. Dans sa jeunesse, il s'étoit nourri des beautés sévères qui regnent dans les ouvrages de Pindare et de quelques autres poètes lyriques. Depuis, entraîné par les productions de Philoxene, de Timothée et des poètes modernes, il voulut rapprocher ces différentes manieres. Mais, malgré ses efforts, il retomboit toujours dans celle de ses premiers maîtres, et ne retira d'autre fruit de ses veilles que de mécontenter les deux partis” (*Barthélemy J.-J.* Voyage... Т. 3. Р. 241–242).

⁴⁰ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие... / Пер. с франц. Имп. Рос. акад. членом гр. Д. И. Хвостовым. СПб., 1807. Т. 3. С. 124–125.

ни характера – не имея ни силы, ни свойства; сделал сему план – имел-было намерение произвести сие в действо; пишет лирических – лирических стихотворцев; новейших пишет – новейших стихотворцев.

Таким образом, как видим, для двух руководителей Российской академии, президента и неперменного секретаря, перевод «Анахарсиса» из серьезного предприятия превращался в отписку. Только этим может быть, по-видимому, объяснено использование Нартовым перевода Страхова, а позже – еще более явное использование этого перевода Соколовым. С рассмотрения главы о музыке начинаются протокольные записи работы Комитета для рассматривания академических переводов,⁴¹ на этом заседании присутствовали все члены комитета, и безмолвное⁴² их согласие с тем, что под видом перевода предлагается всего лишь выправленный в соответствии с лингвистической программой Академии чужой труд, вполне характеризует статус этого начинания в системе работы Академии. Неудивительно поэтому, что академическому переводу Анахарсиса был оказан такой скромный прием. Отпечатав первые два тома перевода к февралю 1805 года, Академия разослала их всем своим членам. Было получено несколько благодарственных писем, обусловленных, главным образом, тем, что вместе с первым опытом академического перевода рассылались и печатные дипломы.⁴³ Однако положительных отзывов о качестве самого перевода, а не

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 3 (1804), № 13, л. 2.

⁴² Перевод Страхова ни разу не упоминается в протоколах Российской академии. В отличие от французских переводов переводившихся классиков, активно приобретающихся для академической библиотеки, русский перевод «Анахарсиса» официально не был приобретен.

⁴³ Сохранилось 9 таких писем: а) от А. Б. Куракина к А. А. Нартову 2 марта 1805 г., где о переводе сказано: «славное сие издание, достойное трудов гг. переводчиков оно, есть новое доказательство попечения о распространении российской словесности и вашему превосходительству, как первому попечителю о том, общую похвалу и благодарность не токмо во настоящее, но и в предбудущее время от любителей оной словесности принесет» (№ 10, л. 86–86 об.); б) от Д. П. Трошинского А. А. Нартову 5 марта, где перевод охарактеризован как «достойные плоды трудов Российской Академии» (№ 10, л. 87); в) от Г. Р. Державина А. А. Нартову 23 марта (№ 10, л. 88); г) А. А. Нартову от С. Я. Румовского, не столько поздравлявшего с выпуском первого академического перевода, сколько жаловавшегося на трудности с осуществлением собственного перевода Тацита: «В подарке сем не цену я почитаю, но пример чистоты русского языка и точности в изображении мыслей подлинника. Желал я подражая оному доказать усердие мое Академии, но труд мой некоторым членам неугоден, и потому остается желать, чтобы они что-нибудь достойное Академии представили, чтобы трудами своими подали пример прочим членам, и уверили, что они о переводах с латинского языка основательно судить могут. В прочем я смею уверить ваше Превосходительство, что нет ничего легче, как оуждать труды сотоварищей и обвинить отсутствующего» (№ 10, л. 89–89 об.); д) от Д. И. Хвостова к П. И. Соколову начала марта с высокой оценкой перевода (см. ниже); е) от Анастасия, архиепископа Могилевского и Витебского 10 апреля, писавшего: «Перевод

только переводимого труда, в них почти не было, за исключением отзыва Д. И. Хвостова, участника того же предприятия: «Истинно перевод хорош и достоин Академии. Я читал и сравнивал лутчия места с подлинником, и нахожу, что *неологизма* которой нет в сем переводе, или *мило-прилестна*, есть лишь для рускова затея свидетельствующая то явно о невежестве писателя или переводчика»⁴⁴. Между тем, главного одобрения, которого ожидал Нартов, он так и не получил. Несмотря на то, что богато переплетенные тома перевода были переданы президентом Академии через министра народного просвещения П. В. Завадовского императору⁴⁵, единственным отзывом этого подношения явилось, говоря нынешним языком, требование от Завадовского представить годовой отчет: «Будучи обязан <...> давать отчет Государю <...> в управлении всех частей по вверенному мне Министерству, я прошу ваше превосходительство доставить мне краткое изображение как о занятиях Российской Академии в течении прошлого 1804го года, так и ведомость о суммах, употребленных ею в продолжении онаго» (№ 10, л. 85).

Не получил академический перевод «Анахарсиса» поддержки и среди читающей публики. Так, Евгений Болховитинов писал Д. И. Хвостову: «Первый том Академического Анахарсиса видел я в Петербурге и не имел терпения прочитать ни 20 листов. Так-то переводит Академия Российская, думающая быть учительницею в Российской словесности!.. Нежный, сладкоречивый Анахарсис таким ли языком должен говорить на Руси? – Я с

Анахарсиса составляет подлинную честь для трудившихся, – верно – и для трудящихся в оном из сословия по словутости Российския Академии» (ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1805), № 5, л. 1); ж) от Михаила, архиепископа Черниговского А. А. Нартову 3 мая, писавшего: «Со утешением читая трудов ваших перевод Императорской Российской Академии ко мне доставленный долгом поставляю поблагодарить Вас за оный яко в отличную пользу отечественному нашему языку служить могущий. Таковы Ваши приятныя упражнения!» (ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1805), № 7, л. 1); и, наконец, з) от Феофтиста, архиепископа Курского и Белгородского 13 мая, со следующим панегириком Академии: «В сем преложении путешествия по стране древле сиявшей мудростию наши соотчичи найдут область обширнейшего своих патриотов в российском слове знания. – Появится некогда и в любезнейшем отечестве нашем путешествователь и подражая Анахарсису, зайдет в круг российских любомудрцев для доставления достолавных их действований, возвышающих в мире славу России под благодетельным покровительством просвещеннейшаго МОНАРХА» (№ 10, л. 129–129 об.); и) от А. М. Белосельского-Белозерского к П. И. Соколову с формальной благодарностью (ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1800), № 4, л. 1).

⁴⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1805), № 2, л. 4.

⁴⁵ Для императора и императорской фамилии было переплетено отпечатанных на велейной бумаге 4 экземпляра в сафьян и 6 в тафту; помимо этого, 4 переплетенных во французский кожаный переплет экземпляра на белой бумаге были поднесены влиятельным сановникам – А. Б. Куракину, Д. П. Трошинскому, Н. Н. Новосильцеву и Д. А. Гурьеву (№ 10, л. 50–50 об.; 67–68).

досады – подписался на Страхова перевод, хотя также неочищенный от галлицизмов, и уже имею 4 тома»⁴⁶. Как следствие, перевод плохо раскупался: за первые два месяца обращения его в свободной продаже было продано всего 4 экземпляра⁴⁷.

* * *

Помимо основной отмеченной причины неудачи проекта Российской академии по переводу классических авторов – принятия решения о работе над ним из соображений громкости проекта, а не реальной пользы подобной работы, – можно отметить также ряд других причин менее административного характера.

Прежде всего, нельзя не заметить, что круг лиц, способных переводить классических авторов, был в Российской академии в немалой степени ограничен. Стоит вспомнить, что несмотря на то, что в начальном плане Нартова значились как римские, так и греческие авторы, переводить в Академии принялись только с латыни – Тацита, Цицерона, Сенеку и Лукана. П. И. Голенищев-Кутузов, переводивший в 1800-е годы Пиндара, Сафо, Феокрита, Гесиода и нескольких других греческих авторов, древнегреческим не владел, о чем он открыто сообщает в предисловии к своему переводу Гесиода: «В заглавии онаго [перевода. – А. К.] не сказано, с какого языка я сей перевод сделал, сего я точно и сказать не могу, поелику я в труде моем кроме англинского, французского и немецкого переводов воспользовался советами человека хорошо знающего по-гречески, и указывавшего мне, в котором из вышесказанных переводов какое место ближе к греческому подлиннику; следовательно, я переводил с трех разных языков»⁴⁸. Также маловероятно, что с греческим оригиналом планировал сверять свой перевод Геродота Нартов. По сути, греческим языком из членов Академии владели только несколько церковных иерархов и других писателей с духовным образованием, что и отразилось в судьбе решения о статье, которой предполагалось открыть первый том ежемесячных сочинений Академии. Решение это было принято 9 января 1804 г., и в нем говорилось, что «весьма прилично начать сии издания сочинением, в котором бы из-

⁴⁶ Переписка Евгения с графом Д. И. Хвостовым / подг. Я. К. Гротом // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 119.

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 10, л. 97.

⁴⁸ Творения Гезиода, переведенныя... Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807. С. V.

бранными и достаточными примерами показаны были изобилие, важность, сила и красота языка славено-русского, что оный весьма способен ко всем трем родам слога, как то: важного, средственного и простого и что на славено-русский язык самые лучшие и труднейшие места иностранных писателей переводить можно с желаемым успехом, с надлежащею точностию и с соблюдением красот подлинника» (№ 8, л. 1–1 об.). 16 января написать эту статью было предложено Н. Я. Озерецковскому, который от предложения отказался, а 13 февраля выбрать греческие примеры «из Иоанна Златоуста, Василия Великого, Гомера и проч.» согласился И. И. Красовский, так и не выполнивший эту работу. Не попал в первый выпуск «Сочинений и переводов» и перевод С. Я. Румовского речи Х. Геллерта «О причинах преимущества древних писателей пред новейшими, особливо в стихотворстве и красноречии», предложенный 25 апреля 1803 г.⁴⁹ и опубликованный только в третьем выпуске журнала. Перевод этот мог в полной мере служить обоснованием программы Академии по переводу классических авторов, поскольку текст речи строился преимущественно вокруг следующего положения: «Во все веки были беспристрастные <...> судии и знатоки, коих единогласное мнение служит неоспоримым доказательством преимущества древних. В новейшие времена были и такие, кои имели дерзновение отказывать им в сем преимуществе; однако против одного Перольта, против одного Ламотта было десять Дассиеров, десять Депрео, десять Попе⁵⁰ <...> Остроумные древние писатели целые тысячи лет подвержены были испытанию, и во все времена и при всех обстоятельствах нравились <...> Напротив того новые писатели некоторым только нравятся и знатоки не столь охотно, и не столь часто чтением их занимаются»⁵¹. Между тем, содержательная часть⁵² вышедшего в 1805 г. первого выпуска «Сочинений и переводов» открылась не этими статьями, а трудом А. С. Шишкова о «Слове о полку Игореве»⁵³, да и в «Предуведомлении» к первому

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 6, л. 91–91 об.

⁵⁰ Имеется в виду известный «спор о древних и новых» во французской литературе конца XVII – начала XVIII века. См. подробнее: Спор о древних и новых / сост. и вступ. ст. В. Я. Бахмутского. М., 1985.

⁵¹ Геллерт Х. О причинах преимущества древних писателей пред новейшими, особливо в стихотворстве и красноречии // Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. 1808. Т. 3. С. 114–115.

⁵² Ей предшествовало «Предуведомление» и историческая справка, «Известия о упражнениях Императорской Российской Академии».

⁵³ Примечания Александра Шишкова на древнее о полку Игоревом сочинение, в Москве, с переложением оного на употребительное ныне наречие, в 1800 году изданное // Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. 1808. Т. 1. С. 23–234.

тому о переводах речи не шло, зато отмечалось, в полном соответствии с помещением именно труда Шишкова как основного, что «наипаче <...> Академия желает, чтобы красоты славенского языка и знаменования мало или совсем не употребительных ныне слов и речений в подробности рассматриваемы были. Сие почитает она нужным, первое, потому, что сила и богатство российского языка заимствуется от славенского <...> Второе, что со истолкованием мало известных слов открывается их знаменование, как в настоящем, так и в иноказательном смысле, откуда часто рождается краткость, сила и красота выражений»⁵⁴.

Следует отметить, что со стороны членов Академии, занимавшихся основным со времени ее основания трудом – «Словарем», высказывалось недовольство тем, что значительная часть времени заседаний, да и вообще деятельности Академии, отводится таким второстепенным занятиям, как переводы и чтение новых художественных сочинений. Открыто с этим мнением выступил 3 сентября 1804 г. Иоанн Красовский, сообщив, что считает необходимым отказаться от подобной деятельности, пока не будет издан словарь⁵⁵. И хотя на том же собрании было решено отклонить это предложение, уже вскоре Нартов сам выступил с тем же, по сути, мнением от своего имени: «Чтением и рассматриванием как сих (т. е. Тацита, Овидия, Лукана, Сенеки и Цицерона. – А. К.), так и впредь поступать могущих переводов, Академия в общих своих собраниях заняться не может, не причинив весьма ощутительной остановки в издании российского словаря, составляющего один из главнейших предметов ее обязанностей: да и самые переводы не уповательно, чтобы могли быть изданы в свет с желаемую поспешностью <...> Приняв в уважение сии причины <...> предлагаю Академии, так как кратчайшее и вернейшее к достижению сея цели средство, существование <...> комитета (по рассмотрению перевода «Анахарсиса» – А. К.) <...> утвердить на все то время, доколе переводы в Академию поступать будут» (№ 8, л. 306 об.).

Таким образом, деятельность по переводу окончательно признавалась в Академии, в том числе и на организационном уровне, второстепенной, и она обратилась к исполнению своей основной задачи – составлению словаря. Деятельность же по переводу классических авторов осталась участю отдельных энтузиастов, из которых самым активным в 1800-е годы следует признать П. И. Голенищева-Кутузова, не только издавшего отдельными книгами переводы трех греческих поэтов (хотя и не с языка оригинала) и

⁵⁴ Там же. С. II–III.

⁵⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 183–185.

помещавшего отдельные переводы в трех томах своих «Стихотворений», но и принимавшего участие в издании журнала «Друг Просвещения», где была опубликована почти четверть всех лирических переводов классических авторов, появившихся в русских журналах в 1800-е годы⁵⁶. И не случайно, что программное предуведомление о значении переводов классических авторов для русской литературы и о предполагавшейся роли в этом начинании Российской академии появилось не в одном из переводов Академии (переводам ни Бартеlemi, ни Тацита, ни Овидия вообще не было предпослано предисловия), а в первом томе «Творений» Пиндара в переводе Голенищева-Кутузова. Здесь он писал: «Если кто здравомыслящими очами обозревал обширное поле словесных наук и проходил повесть постепенного их возраста от самого их начала до наших времен, таковой, конечно, уже убедился, что основание истинной учености положили древние так называемые классические писатели <...> Мы не можем еще похвастаться, чтобы у нас хотя один полный и исправный существовал перевод какого-либо классического автора, хотя нам более, нежели другим народам, сие нужно, потому что в воспитание нашего юношества весьма у редких входят языки латинский и греческий, могущие доставить возможность в подлиннике читать сих авторов, без познания коих не может человек назваться основательно ученым и получить вкус. <...> Размышление о положении нашей словесности, не имеющей еще ни одного перевода полного классического автора, и благородный подвиг Императорской Российской Академии, предпринявшей обогатить наше слово переводами сих авторов, раздав оных для перевода каждому из ея сочленов, возбудили во мне желание сему достохвальному труду, по мере сил моих, содействовать»⁵⁷. Предисловие это в полной мере можно называть программным, и очень важно, что появилось оно не в мертворожденном коллективном переводе «Анахарсиса», а именно в этом, продуманном и чрезвычайно важным для автора переводе.

⁵⁶ 41 перевод (13 – греческих авторов и 28 – римских) из 175, в значительной степени они выполнены самим Голенищевым-Кутузовым; это больше, чем в любом другом журнале: так, в «Новостях русской литературы» было помещено 22 перевода (6 и 16 соответственно); в «Лицее» – 18 (11 и 7); в «Вестнике Европы» – 16 (5 и 11); в «Иппокрене» – 13 (3 и 10); в «Цветнике» и «Московском зрителе» – по 11 (4 и 7; 8 и 3) и т. д. Подсчеты проведены по изданию: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. Библиогр. указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998.

⁵⁷ Творения Пиндара, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым, с разными примечаниями и объяснениями на лирическое стихотворство, на баснословие, на историю греков, их игры, празднества и проч. М., 1804. Часть первая, содержащая Оды олимпийския. С. IX–XI.

Представленный в настоящей статье материал позволяет увидеть важную особенность развития Российской академии в первые годы XIX века. А. А. Нартов создавал своими программными заявлениями, более помпезными, чем исходящими из осознанной необходимости, форму, соглашаясь с которой и наполняя ее впоследствии содержанием, к академии потянулись такие люди, как Д. И. Хвостов, П. И. Голенищев-Кутузов, А. С. Шишков, а вслед за ними и другие, кто составит впоследствии костяк и самой Академии, и «Беседы любителей русского слова».

**ПЕРЕВОД КНИГИ Ж.-Ф. ЛАГАРПА «ЛИКЕЙ,
ИЛИ КРУГ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ»,
ОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЕЙ**

Н. Д. Кочеткова

Труды Жана Франсуа Лагарпа (1739–1803) были в центре постоянного внимания русских читателей и литераторов конца XVIII – начала XIX столетия. Г. В. Аксенова привела многочисленные факты, свидетельствующие о распространенности в России сочинений Лагарпа. Его книги, преимущественно на французском языке, были в Эрмитажной библиотеке, в библиотеках Царского села, Троице-Сергиевой лавры, Московской духовной академии, Астраханской духовной семинарии, Генерального штаба, Преображенского полка, а также во многих частных собраниях¹. “Lycée, ou Cours de la littérature ancienne et moderne” («Лицей, или Курс старой и новой словесности»), впервые опубликованный в 16 томах в 1789–1805 годах в Париже, а затем многократно переиздававшийся (с 1815 до 1830 года во Франции вышло 18 полных изданий), оказался одним из самых известных в России сочинений Лагарпа. Достаточно вспомнить, что этот труд служил учебником в Царскосельском лицее.

С 1770-х годов в русскую печать проникали разноречивые отзывы о Лагарпе. Так, еще в августе 1776 года в «Санктпетербургских ведомостях» было напечатано сообщение о заседании в Парижской Академии наук

¹ См.: Аксенова Г. В. 1) Книги Ж.-Ф. Лагарпа в России последней трети XVIII – начала XIX в. // Книга в России XVI – середины XIX в. Материалы и исследования. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 169–176; 2) Русские переводы сочинений Жана Франсуа Лагарпа // Книга. Исследования и материалы. М., 1992. Сб. 64. С. 69–79.

20 июня 1776 года, на котором Лагарпа принимали в члены Академии. Это заседание, по свидетельству одного из его участников, «было продолжительно, собрание многолюдно, усердие чрезвычайно, а удовольствие посредственно». Ж.-Ф. Мармонтель, говоря о Лагарпе, «растворил мед своих похвал едкой горечью»².

Тем не менее, литературная слава пришла к Лагарпу, и в 1790-е годы проникла в Россию не без участия Н. М. Карамзина после того, как они встречались в Париже в 1790 году. Автор «Писем русского путешественника» сообщал, что жил по соседству с Лагарпом на одной улице. «Талант, слог, вкус и критика его давно награждены всеобщим уважением», – писал Карамзин³. В повести «Моя исповедь» писатель назвал Лагарпа одним из «славнейших французских остроумцев»⁴. В связи с кончиной Лагарпа в 1803 году Н. М. Карамзин напечатал в «Вестнике Европы» несколько посвященных ему статей. В речи Л.-Ж.-П. Фонтана, переведенной Карамзиным, говорилось, что «словесность и Франция лишились великого поэта, оратора, критика»⁵. Среди его заслуг подчеркивалось, что он сохранил образцы и правила «гениев французской сцены». Вместе с тем упоминалось, что «часто вопль его неприятелей заглушал славу его успехов»⁶.

Строгий ревнитель литературных традиций и придирчивый критик, Лагарп вызывал неприятие у многих собратьев по перу, искавших новые пути. Однако его многотомный «Курс литературы», последовательно знакомящий читателя с античными и французскими теоретиками искусства и писателями и содержащий развернутый анализ многих важнейших произведений, привлекал своей основательностью и широтой представленного материала. В своих эстетических воззрениях Лагарп в значительной степени был последователем Вольтера, даже его учеником, по мнению современного английского исследователя Ч. Тодда. Как и Вольтер, автор «Лицея» ратовал за «хороший вкус»; рационализм уживался у него с интуицией, но, в отличие от Вольтера, он большее значение придавал правилам⁷. Лагарп заново учил ценить античную культуру и литературу французского классицизма.

² Санктпетербургские ведомости. 1776. 23 августа, № 68; 26 августа, № 69; 30 августа, № 70.

³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 255.

⁴ Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 732.

⁵ Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 6. С. 143.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ См.: Todd Ch. Voltaire's disciple: Jean-Francois de La Harpe. London, 1972. P. 80–100.

В России к этому труду обращались на протяжении нескольких десятилетий писатели разных направлений: М. М. Херасков, Н. М. Карамзин, В. Л. Пушкин, В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. С. Н. Глинка, посетивший Хераскова 6 декабря 1806 года, передал интересное свидетельство о впечатлении, произведенном трудом Лагарпа на автора «Россиады»: «Писал и я трагедии, сказал Херасков, – но я ими недоволен. Не то было бы в них, если бы лет двадцать назад вышел Лагарпов Лицей. Изучаю его и теперь, да поздно; скоро для меня опустится и драматический занавес, и завеса общего нашего мира»⁸. Херасков, как и другие русские литераторы того времени, прекрасно владевшие французским языком, читал «Лицей» в оригинале. Жуковский в 1803–1804 годы переводил из него отрывки, а затем использовал в собственном «Конспекте по истории литературы и критики», над которым работал в 1805–1811 годы⁹. В 1800-е годы в отечественной периодике стали появляться переводы отрывков из труда Лагарпа.

Особый интерес «Лицей» Лагарпа вызвал у архаистов во главе с А. С. Шишковым, выпустившим в 1808 году книгу «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика». Здесь выбраны из «Лицея» раздел, в котором сравниваются древние языки с французским, и раздел, посвященный красноречию. В «Предуведомлении» переводчик прямо говорил о полемической цели своего труда: «Я нахожу оный весьма полезным, первое, потому, что сличение, какое делает Лагарп между своим французским и чужими греческим и латинским языками, покажет нам, к которому из них славенороссийский наш язык свойствами своими подходит ближе. Второе, что отсюда можем мы яснее увидеть, как много заблуждаются те из нас, которые, не вникая в силу и богатство языка своего, хотят мудрую и важную древность его превратить в пустоболтливую юность и думают, что они украшают и обогащают его, когда, отступая от истинных его источников, вводят в него чужезычные новости»¹⁰. В своих многочисленных примечаниях Шишков, ссылаясь на авторитет Лагарпа, всячески стремился развить принципы собственной языковой программы. Так, он писал: «Наш славенороссийский язык, сам древний и первородный, имеет в себе все те преимущества, которые Лагарп находит здесь в других древних языках, и ни одного или мало из тех недостатков, какие приписывает он своему языку. В книге, называемой *Рассуждение о старом и новом слоге российского*

⁸ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 202.

⁹ См.: Лебедева О. Б. Место «Лицея» Лагарпа в эстетическом образовании В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 75–96.

¹⁰ Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика. СПб., 1808. С. I–II.

языка приводил я некоторые выписки из священных писаний и сравнивал в них наш язык с французским. Тогда не читал я еще Лагарпа и потому мнения моего не подкрепил его мнением»¹¹. На перевод Шишкова и, в особенности, на его примечания скоро последовал отклик. В журнале «Цветник» появилась развернутая рецензия за подписью «-въ», принадлежавшая Д. В. Дашкову¹². Рецензент довольно сдержанно отзывался о Лагарпе: («сей строгий, даже иногда несправедливый критик», «стихотворец посредственный»), но, тем не менее, признавал, что его «замечания основаны на правилах здравого вкуса»¹³. Главным же предметом спора была языковая теория Шишкова.

Неудивительно, что вскоре в Российской академии появился замысел осуществить перевод сочинения Лагарпа. Еще в 1801 году Академия приобрела 14 томов «Лицея» по предложению президента А. А. Нартова. 6 июля 1801 года он рекомендовал этот труд и книгу Г. А. Гайара «Риторика в пользу молодых девиц...» в переводе Г. А. Глинки (СПб., 1797), «поелику книги сии могут послужить не малым пособием в трудах Академии предприняемых»¹⁴. Решено было переводить только первые пять томов, посвященные древней словесности. Этот замысел, очевидно, предварительно обсуждался президентом Академии А. А. Нартовым со своими коллегами и был вынесен на утверждение на заседании 29 февраля 1808 года. В «Записке» этого заседания сохранился текст выступления Нартова, полностью не вошедший в исследование М. И. Сухомлинова¹⁵. Нартов, очевидно, не без влияния Шишкова, сразу же предлагал ограничиться только античной литературой. В «Записке» так передается выступление Нартова: «Поелику в первых пяти томах сочиненного господином Лагарпом Курса словесности преподается истинное, подробное и совершенное понятие о творениях древних как греческих, так и латинских классических писателей, оставивших потомству основательные правила и почти неподражаемые примеры во всяком роде стихотворства, витийства и бытописания, то почитаю весьма нужным предложить Академии приступить к изданию сего в своем роде единственного, полезного и необходимо нужного для упражняющихся в

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Цветник. 1810. № 11. С. 256–303; № 12. С. 404–467. О Д. В. Дашкове см.: Вацуро В. Э. Дашков Д. В. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г-К. М., 1992. С. 89–90.

¹³ Цветник. 1810. № 11. С. 280–281.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 4, л. 75 об. Благодарю А. А. Костина, любезно предоставившего мне эту справку.

¹⁵ Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1888. Вып. 8. С. 233.

словесных науках творения и препоручить предложение оногo на язык российский изъявившим желание свое следующим г-м членам Академии, а именно: том 1-й – статскому советнику Петру Матвеевичу Карабанову; 2-й – статскому советнику Ивану Ивановичу Мартынову; 3-й – коллегскому советнику Петру Ивановичу Соколову; 4-й – действительному статскому советнику Александру Сергеевичу Никольскому; 5-й – надворному советнику Дмитрию Михайловичу Соколову, и также предоставить издание оногo на общее их попечение, дабы тем удобнее могло быть соблюдено в переводе сем единообразие слога и искусственных слов в помянутом сочинении употребленных. Привявшие на себя труд сей приложат попечение все те рассуждения и примечания, которые г-н Лагарп относит к языку французскому применить по возможности¹⁶ к языку российскому и, для вящего усовершенствования сей книги, они помещать будут, где только возможно, вместо французских российские примеры, заимствуя оные из лучших писателей наших. За таковой труд Академия может определить в награждение по пятисот рублей за каждый переведенный том, которые деньги выданы будут по представлении в Академию перевода всего тома»¹⁷.

Таким образом, перевод был, как говорили в то время, «союзный»: работа распределилась между четырьмя участниками, поскольку у Мартынова возник серьезный конфликт с П. И. Соколовым, который тогда был секретарем Российской академии. Первая часть, переведенная Карабановым, вышла в свет в 1810 году. В следующем, 1811 году, появилось сразу три части: вторая и третья, на которых было указано, что они переведены Петром Ивановичем Соколовым (1764–1835) и четвертая, переведенная Никольским; наконец, в 1814 году вышла последняя часть этого издания в переводе Дмитрия Михайловича Соколова (1765–1819).

В свой «Курс» Лагарп включил практически все литературные роды и жанры: и эпопею, и драматургию, и лирическую поэзию и сатиру, и ораторскую прозу, а также исторические и философские сочинения. Здесь же рассматривались и важнейшие руководства по эстетике: «Поэтика» Аристотеля и «Рассуждение о высоком» Псевдо-Лонгина, которое в то время еще приписывалось Лонгину. Таким образом, перевод, изданный Российской академией, давал возможность познакомиться и с античной теорией искусства, и с той полемикой, которая шла в европейской критике по ряду общих эстетических проблем, насущных и для отечественной словесности.

¹⁶ Слова «по возможности» вписаны сверху.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 13, л. 45–46 об.

Особенно важный материал для этого представлял первый том, переведенный Карабановым.

Участники перевода были более «архаистами», чем «новаторами», что, несомненно, сказалось в их стиле. Однако даже Карабанов, вскоре ставший, как и П. И. Соколов, членом «Беседы любителей русского слова», архаизировал свой перевод достаточно умеренно, по сравнению с переводом Шишкова. Так, например, у Шишкова читаем: «Мудролюбцы, красно-слова, стихотворцы, деесписатели, рассматриватели книг»¹⁸. В переводе Карабанова этот же отрывок переведен просто, точно и понятно: «Философы, ораторы, стихотворцы, повествователи, критики»¹⁹. В отличие от Шишкова, Карабанов считал вполне возможным употребить слово «критик», и в этом отношении с ним оказался солидарен Дашков, который в упоминавшейся выше рецензии специально остановился на этом примере: «Г. переводчик вместо *критик* смело пишет : *рассматриватель книг* <...>; но слово *рассматривать* имеет у нас смысл гораздо обширнее и неопределеннее, нежели *критиковать*, что собственно значит *судить*, ценить книгу»²⁰.

Обращаясь к переводу раздела «Лицея», посвященного сравнению французского языка с другими языками, Карабанов, в соответствии с пожеланиями Нартова и отчасти следуя опыту Шишкова, ввел в текст некоторые собственные примечания. Сопоставления, которые Лагарп делает между латинским текстом Вергилия и его французским переводом Ж. Делиля, Карабанов дополняет собственными сопоставлениями с соответствующими строками из русского перевода Вергилия, осуществленного В. П. Петровым. В отличие от Шишкова, стремившегося прежде всего продемонстрировать превосходство русского языка над французским, Карабанов пытался на этом примере анализировать особенности каждого языка. Он писал: «Ни де Лилль, ни Петров не приблизились к подлиннику так, чтоб с точностию удержаны были в их переводах одни только мысли Вергилия. Каждый из них иное удержал, другое опустил, третьего не выразил, а инде и свое прибавил. Причина такого несовершенства во французском переводе ясно выведена здесь Лагарпом, а в русском, при всем знании языков и стихотворства, часто непреодолимая встречается трудность в выражении кратких слов и речений латинских длинными словами и речениями русскими, при

¹⁸ Перевод двух статей из Лагарпа... С. 55.

¹⁹ Ликей, или Круг словесности древней и новой. Сочинение И. Ф. Лагарпа. Ч. 1, переведенная [...] Петром Карабановым. СПб., 1810. С. 124.

²⁰ Цветник. 1810. № 12. С. 424.

большем числе слогов в стихах подлинника. Такая трудность, утомляющая стихотворца, заставляет его часто прибегать к излишней в переводе вольности, удаляющей от изящества <...>²¹. Карабанов приводит отрывок из «Энеиды» Вергилия на латинском языке и дает его прозаический перевод по-русски. Далее приводится подстрочный перевод французского текста Делиля и соответствующий отрывок из стихотворного перевода «Энеиды», сделанного Петровым. По поводу французского перевода Карабанов замечает: «Не ясно ли видны тут многие прибавления, перемены, повторения, растяжки и отступления? От сего самого нет в переводе де Лилля ни краткости, ни точности, а, следовательно, и великих достоинств древнего римского стихотворца». Отдавая предпочтение переводу Петрова, критик далек от его идеализации: «Петров ближе подошел к подлиннику и заслужил бы преимущество пред де Лиллем, если бы слог свой обработал чище, не вмешивая в оный вышедших уже из употребления старинных слов и речений, или, по крайней мере, иные, выразительные употребляя кстати». Главным критерием оценки перевода оказывается умение представить оригинального автора «в истинном виде». Поэтому перевод Петрова и оказывается предпочтительнее: «...Есть и тут прибавления, перемены и растяжки; однако ж в сем переводе Вергилий виден больше, нежели в переводе де Лилля»²². Так, русский переводчик выступает как образованный филолог, дополняющий размышления Лагарпа о свойствах разных языков и связанных с этим трудностях литературного перевода. При этом заслуживает внимания, что, в отличие от других участников «союзного» перевода (П. и Д. Соколовых и Никольского), сам Карабанов неизменно стремился стихотворные цитаты переводить стихами, причем сохраняя возможную точность.

Если «Введение» Лагарпа к его труду имело явно полемический характер по отношению к противникам правил, то и Карабанов в одном из своих примечаний затронул злободневную тему, привлекавшую живое внимание русских литераторов конца XVIII – начала XIX века. По поводу разъяснений Лагарпа, касающихся слов «вкус» (*goût*) и «гений» (“*génie*”), русский переводчик писал: «Слово *гений* в сем введении остается без перевода для того, что употребление оногo рассматривается во французской словесности и тем самым открываются разные его знаменования; из коих российские писатели, усмотрев одно решительное и точное, не будут уже иметь нужды писать *гений* вместо *высокий ум* или *высокий, отличный, превосходный дар*, что значит одно и то же. На что изображать мысли ино-

²¹ Ликей, или Круг словесности древней и новой. Сочинение И. Ф. Лагарпа. Ч. 1. С. 105–106.

²² Там же. С. 108–109.

странными словами в сочинениях и переводах русских, когда есть или можно придумать свои? Ежели вместо *goût* все пишут вкус; то поступим так же со словом *génie*»²³. Показательно, что слово «гений» отсутствует в «Словаре Академии российской»

Но вопреки желанию Карабанова и его единомышленников, это слово давно и прочно вошло в русский язык; самые формы варьировались: *гений, гениус, гени, жени*²⁴. Правда, сомнения в его употреблении все-таки возникали. В 1792 году в журнале «Зритель» П. А. Плавильщиков сопоставил два разных мнения по этому поводу. Заявление о том, что «у нас нет собственного слова к изъяснению *Génie*, то есть превосходного проницательного ума», оспаривалось утверждением: «имеете ум, а ищите, что значит *Génie*»²⁵.

Лагарп выступал против тех, кто «неосновательно» говорил, что «сущность гения в том и состоит, чтоб делать погрешности»²⁶, то есть отступать от правил. Аргументы французского критика могли служить хорошим оружием в литературной борьбе архаистов против писателей карамзинского круга, для которых представление о *гении* связывалось со свободой творчества.

Тем не менее, перевод труда Лагарпа не столько разъединил спорящих, сколько способствовал в известной степени их сближению. Когда осуществленный Карабановым перевод первого тома «Ликия» был послан члену Академии И. И. Дмитриеву, тот незамедлительно отвечал Нартову 30 августа 1810 года. Приведем это письмо, сохранившееся в бумагах Российской академии²⁷.

Милостивый государь мой Андрей Андреевич!

Спешу изъяснить Вашему высокопревосходительству покорнейшую благодарность мою за честь, которую благоволили мне оказать сообщением мне второго тома Академического словаря и прекрасного перевода Лагарпова Лицея.

Почтенная старость наша должна гордиться, что под бодрственным ея надзором Российская академия обогатила нашу словесность столь многими классическими переводами к чести и славе трудившихся в оных.

²³ Там же. С. I–II.

²⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Выпить – Грызть. Л., 1989. С. 104.

²⁵ Зритель. 1792. Ч. 3. С. 10, 55.

²⁶ Там же. С. IX.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 15. Л. 300.

Иван Дмитриев.
1810-го
Августа 30-го

Разумеется, письмо было проявлением присущей Дмитриеву учтивости. Но и много лет спустя, в 1820-е годы, в примечаниях к своим воспоминаниям стареющий поэт возмущался теми из молодых, для кого «Лагарпов Лицей – пустословие, лагарповщина». Карамзинисты, как и архаисты, прекрасно понимали значение труда, предпринятого Лагарпом и служившего своеобразной энциклопедией, путеводителем по античной литературе. Поэтому и перевод, осуществленный Российской академией, причем достаточно квалифицированно, несмотря на групповые пристрастия, был высоко и заслуженно оценен не только сторонниками Шишкова, но и его противниками.

ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. А. ШАХОВСКОГО: К РЕКОНСТРУКЦИИ «СЛОВА О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ»

Д. А. Иванов

О деятельности Шаховского как члена Российской академии известно крайне мало. Плодовитый драматург, режиссер, педагог и чиновник театральной Дирекции – он, если и привлекал внимание исследователей, то не участием в работе Академии. Собственно, этого сюжета касался один лишь М. И. Сухомлинов, поместивший в своей «Истории Российской академии» сведения об избрании Шаховского в 1810 г. в члены Российской академии и о двух его академических речах, прочитанных впоследствии¹.

Однако из того, что драматург на протяжении 30 лет своего членства в Академии лишь дважды выступал на ее заседаниях, не следует, что он пренебрегал своими обязанностями. Дошедшие до нас «Предисловие к *Полубарским затеям*», прочитанное в феврале 1819 г., а также отрывки из комедии «Аристофан, или Представление комедии *Всадники*», представленные слушателям на торжественном заседании 14 января 1823 г., свидетельствуют о стремлении Шаховского познакомить академиков со своими наиболее концептуальными сочинениями. Так, «Предисловие»², по сути, является творческим манифестом Шаховского, в котором автор высказывал все свои сокровенные идеи о функции и истории жанра комедии. То же можно сказать и об «Аристофане» – эту пьесу драматург сочинял более 5 лет, не только желая реабилитировать себя как «русского Аристофана», но и стремясь дать обра-

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Т. 7. С. 67–68.

² Шаховской А. Предисловие к *Полубарским затеям* // Сын отечества. 1820. № 13.

зец принципиально нового жанра – «комедии исторической»³. Можно предпологать, что и не найденная до сих пор речь Шаховского, прочитанная вместе с «Предисловием к *Полубарским затеям*» на заседании РА 8 февраля 1819 г., в ответ на «Рассуждение о любви к отечеству» Н. М. Карамзина⁴, также содержала наиболее важные взгляды драматурга на сей предмет.

Кроме того, мы располагаем рядом высказываний Шаховского разных лет о той высокой чести, каковой он почитал для себя избрание и участие в работе Академии. Напомним, что свою первую стихотворную комедию, «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), сделавшую его имя скандально известным в истории русской литературы, драматург посвятил с благодарностью «Господам почтеннейшим членам Императорской Российской Академии»⁵. Спустя 10 лет, отражая журнальные нападки «Московского телеграфа», Шаховской вновь ссылаясь на свое избрание в Академию как авторитетное признание его вклада в русскую словесность⁶. Стоит, впрочем, отметить, что ни в случае «Липецких вод», ни позже, попытки драматурга прикрыться именем «почтеннейшего сообщества» не приносили желаемого результата, – от критики (со стороны ли «арзамасцев» или братьев Полевых) эта защита не спасала. Тем не менее, очевидно, что для Шаховского, постоянно озабоченного своей репутацией и статусом (театральная жизнь была мало прилична для князя и статского советника), членство в Российской академии должно было несколько облагораживать звание драмодельца.

Еще в большей степени это становится важно со второй половины 1820-х гг., после отставки Шаховского с поста в Дирекции Императорских Театров⁷. Именно тогда под эгидой Российской академии он пытается издать свой самый амбициозный проект – полное собрание сочинений, с обширными предисловиями, из которых, в итоге, должен был составиться историко-теоретический труд о театре и драматургии, задуманный еще в конце 1810-х годов⁸. Однако Академия ответила отказом. Шаховской

³ См. подробнее: *Иванов Д.* Становление литературной репутации А. А. Шаховского / Дисс. на соискание уч. степени *magister artium* по рус. лит. Тарту, 2005. С. 65–98. (URL: <http://www.utlib.ee/ekollekt/diss/mag/2005/b17460360/ivanov.pdf> – 28/06/2005).

⁴ *Сухомлинов М. И.* История... Т. 7. С. 67–68.

⁵ *Шаховской А.* Урок кокеткам, или Липецкия воды. Комедия в пяти действиях, в стихах. СПб., 1815.

⁶ *Шаховской А. А.* Письмо к Издателю // Галатея. 1829. Ч. 2. № 11. С. 269.

⁷ См.: *Ярцев А. А.* Князь Александр Александрович Шаховской (Опыт биографии) // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1894–1895 гг.: Приложения. Кн. 3. СПб., 1896. С. 4.

⁸ См. свидетельство о данном замысле М. А. Дмитриева: «Он <Шаховской> вздумал однажды издать свои драматические сочинения и к каждой пиесе написать предисловие таким

писал М. С. Воронцову: «не имея средства исполнить своим скудным иждивением моего предприятия, прибегнул к Российской Академии как давнишний и не совсем бесполезный член ея. Но Академия объявила мне, что по сделанному расчёту, она не имеет довольно сумм, ибо издание мое будет стоить в двойном заводе, как я просил, около 30 000 рублей»⁹. В итоге, единственной пьесой, опубликованной согласно его первоначальному замыслу, стала комедия «Аристофан», изданная в 1828 г. театральной типографией в Москве, очевидно, не без помощи «кружка московских театралов», куда входили друзья автора – М. Н. Загоскин и Ф. Ф. Кокошкин¹⁰.

Несомненно, в последнее десятилетие существования Российской академии Шаховской также участвовал в ее работе. Однако, здесь, с одной стороны, объективная сложность заключается в том, что мы располагаем крайне скудными сведениями о биографии драматурга этого периода. Известно, что первую половину 1830-х гг. Шаховской много болеет, и при этом занят (как он сам писал, «до одурения») судебным процессом за наследство Пассеков¹¹. Впрочем, эти обстоятельства не мешали ему продолжать сочинять для театра и работать над обширным трудом под условным названием «Исторический обзор нашего просвещения»¹².

С другой стороны, фамилия Шаховского практически не встречается в бумагах Российской академии, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН. За исключением одного эпизода.

В протоколе от 29 января 1838 г. указано, что М. Лобанов представил в Академию «продолжение Рускаго Словаря, составляемого Г<осподами> членами Словарнаго Комитета» – в том числе работу Шаховского «с начала буквы О по слово *обезлюдеть*» – всего 319 словарных статей¹³. Этому событию предшествовала переписка между драматургом и Д. И. Языковым, датированная в бумагах Академии маем, вероятно, 1836 года. Из письма

образом, чтоб все эти предисловия или введения в разные пьесы составили в совокупности курс драматической литературы». (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 395.)

⁹ Иванов Д. Материалы к биографии А. А. Шаховского: письмо М. С. Воронцову // Кириллица, или Небо в алмазах: Сб. к 40-летию Кирилла Рогова. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/539859.html> (8.11.2006).

¹⁰ См. о нем: *Баженова Е. Н.* «Московские классики», или Кокошкинский кружок просвещенных театралов // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2006. № 5.

¹¹ *Ярцев А. А.* Князь... Шаховской... С. 41.

¹² См. подробно: *Иванов Д.* Петр I в интерпретации Шаховского // И время и место: Историко-филологический сб. к 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008 (Новые материалы и исследование по истории русской культуры. Вып. 5.). С. 303–304.

¹³ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 3, № 64, л. 42.

Шаховского следует, что по причине «присмертной болезни» он отказывается от работы над словарем, пересылает уже подготовленные материалы и предвидит «долгую невозможность участвовать в Академических занятиях». Однако далее становится понятно, что главной причиной ухода драматурга от академической деятельности является скандал, разразившийся вокруг его сочинения под названием «Слово о Петре Великом»¹⁴.

Попробуем восстановить ход событий. Судя по изложению Шаховского, на «прошлом» рабочем заседании шло обсуждение программы «Торжественн<аго> Собрания», для которого он написал «Слово...». Тем не менее, сочинение это было отклонено и оставлено «в неизвестности Разбирательным Комитетом», по-видимому, вызвав жаркие прения с личными оскорблениями в адрес автора и намеками, будто лета «лишили» его «способностей». Желая убедить «высокое сословие» в обратном, Шаховский просил Языкова «о напечатании» текста «особо» за его счет, хотя и отказывался «от желания представить» свою речь «суждению общего собрания»¹⁵. В ответ Языков, стараясь успокоить драматурга, желал ему здоровья, обещал издать «Слово о Петре Великом» на средства Академии и выправить все недоделанные им словарные статьи¹⁶. Однако, сочинение Шаховского, видимо, так и не было прислано автором для публикации – во всяком случае, никаких следов его нам до сих пор обнаружить не удалось.

Впрочем, даже не имея в нашем распоряжении данного текста, мы можем попытаться восстановить ключевые элементы концепции драматурга и, тем самым, выяснить возможные причины конфликта. До нас дошли 2 важнейших письма Шаховского князю Е. П. Мещерскому, написанные осенью 1833 г. в ответ на брошюру последнего «Lettres d'un Russe»¹⁷. В своих пространнейших письмах престарелый драматург пытался помочь молодому русскому дипломату сведениями, полезными в его борьбе с «клеветниками России». Но помимо рассуждений о «греховности» католицизма, о польском вопросе, о предотвращении распространения революционной «язвы» и проч., значительную часть первого и полностью второе письмо Шаховской посвящает оценке деятельности Петра Великого. По нашему мнению, более всего его должно было задеть утверждение, что «высшая цель» Николая I противоположна цели Петра (Мещерский писал:

¹⁴ Там же. Л. 30–30 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 32–32 об.

¹⁷ *Шаховской А. А.* Письмо князя А. А. Шаховского к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1.; *Шаховской А. А.* Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843.

«Петр сделал нас Европейцами; Николай сделает нас обратно Русскими»¹⁸). Для Шаховского это единственное упоминание Петра в «Письмах русского» было более чем спорно, т.к. вероятно вызывало ассоциации с «философами прошлого века», а именно с Ж. Ж. Руссо и его известным выражением, будто Петр «хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских»¹⁹. Большую часть своего ответа Шаховской посвятил опровержению идеи, «будто Петр Великий <...>, ускоряя естественный ход просвещения, истребил древнюю народность Русских, стер их родовой характер и составил из России безобразную и непрочную смесь Европейства с Азиатством»²⁰. Следует также отметить, что второе из писем Мещерскому впоследствии автор опубликовал отдельно – под названием «Письмо о Петре Великом» – в альманахе «Молодик на 1843 г.». Отсюда, с большой долей вероятности, можно утверждать, что предложенное на заседании Российской академии «Слово о Петре Великом» должно было содержать ту же аргументацию, что и письма Мещерскому. И здесь встает вопрос – что именно в концепции Шаховского могло вызвать негативную реакцию академиков?

С одной стороны, главная мысль драматурга о сохранении Петром русского национального характера была вполне расхожей. О том же еще в 1800-е гг. писал А. С. Шишков, утверждавший, что «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из россиян сделать голландцев, немцев или французов; не желал русских сделать не русскими»²¹. Аналогичную точку зрения разделяли близкие Шаховскому М. П. Погодин и С. П. Шевырев, которые также считали Петра «русским» и участвовали в создании идеологии, примеряющей допетровскую и постпетровскую Россию²². По-видимому, сходным образом воспринимались реформы Петра и в салоне Ф. Ф. Вигеля, где собирались литераторы-«патриоты» и высшие

¹⁸ <Mestcherski E.> Lettres d'un Russe adressées à MM. les Rédacteurs de la Revue Européenne, ci-devant du Correspondant. Nice, 1832. P. 104.

¹⁹ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права // Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998. С. 91.

²⁰ Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1. С. 36.; Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. С. 292.

²¹ Цит. по: Альтигуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. С. 34.

²² См. Живов В. Иван Сусанин и Петр Великий // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 62.

чиновники, «горящие священнейшим огнем любви к России». Зимой 1835–1836 г. эту «секту» из академиков посещали историк К. И. Арсеньев, Нестор Кукольник и Шаховской. Последний, по словам Вигеля, «посреди такого общества» «воспламенялся» и «иногда очень хорошо говорил» о славе России и «Слове Русском»²³.

Тем не менее, на заседании Академии Шаховской явно полемизировал не только с «хлопочущими об Европействе» поклонниками идей Руссо, но и с некоторыми «добрыми приятелями», которым «Петр Великий кажется без вины виноватым в том, чем оскорбляется их народная гордость, т. е. пристрастие нашего большесветства ко всему чужеземному»²⁴. Подобная полемика с обоими лагерями ставила автора в не очень выгодное положение и явно должна была привлечь внимание возможных оппонентов к его более чем оригинальной аргументации, особенно в том, что касалось проблемы языка.

Так, Шаховской писал Мещерскому: «Но отчего он <Петр> обезобразивал наш прекрасный язык иностранными словами, называл Русские города, чины и присутственные места иностранными именами, и употреблял иногда такие Европейския выражения, коих настоящего отечества не можно отыскать? – Вот, вопросы, которые я часто слышал»²⁵. Собственный ответ Шаховской давал не с лингвистической или исторической точки зрения, а с точки зрения «здравого смысла», основываясь на «врожденном зубоскальстве» русских, «не пропускающих случая перевернуть в шуты <...> всякого Европейца, худо выговаривающего по-Русски». По мнению драматурга, нуждаясь в иностранных специалистах, Петр I, «чтоб не предать наставников поруганию учеников <...> стал употреблять как можно больше иностранных слов в разговорах и государственных учреждениях, и давать всему новому чужезвучныя названия»²⁶.

Кроме таких, далеких от академизма, доказательств, сама трактовка деятельности Петра у Шаховского выделялась на общем идеологическом фоне начала николаевского царствования своей особой культуроцентричностью. Риторические конструкции (в крайне полемической формулировке), которыми в конце 1830-х гг. Шаховской описывал в статьях по

²³ Вигель Ф. Ф. – М. Н. Загоскину, 31 мая 1836 г. // ОР РНБ. Ф. 291 (Загоскина). Оп. 1, № 54. Л. 6 об.–7.

²⁴ Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. С. 274.

²⁵ Там же. С. 287.

²⁶ Там же. С. 287–288.

истории театра драматургов прошлого, использовались им для характеристики деятельности Петра:

Часто слышу я ныне обычный вопрос: гений ли Сумароков? Да и нет, смотря по тому, кто и как спрашивает. <...> тому вопросителю, который <...> называет гением врожденную способность к произведению изящного, или даже самого человека, упредившаго в просвещении своих одноземельцев и увлекшаго их за собою, я отвечаю: да, Сумароков – гений! Тому же, кто словом гений хочет ознаменовать какой-то непостижимый дар безусловного самотворчества, отвечаю: нет. Один Бог создал мир из ничего, и сам собою; так не токмо Сумароков, но едва ли и сам чудеснейший в мире Преобразователь нашего отечества, в этом смысле может назваться гением! Петр Великий сотворил свою Империю из первобытного в ней добра и благоприобретений Его предшественников, по примерам мудрых законодателей, и не без советов и содействий, прояснителей и исполнителей Его сильной воли²⁷.

Шаховской, конечно, здесь вступал в очередной раз в спор с Руссо и его последователями, для которых «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего»²⁸. Тем не менее, пусть даже риторически, но заявлять, что Петр Великий «едва ли» «может назваться гением», было достаточно радикально.

Стоит, однако, отметить, что для собственной концепции Шаховского такое утверждение было очень естественным. В «заимствованиях» царя Шаховской, очевидно, видел близкую ему самому практику «заимствований» литературных. Так, можно сравнить, например, его указание на Мольера, который «говорит, что он берет свое <...> везде, где ни находит»²⁹, – с описанием деятельности российского Императора, который «пользовался всем, заимствовал у всех; но действовал у Себя по своему»³⁰.

Обвинения Петра и русских вообще в подражании, как отмечали исследователи, было общим местом европейской россики³¹. Однако, для

²⁷ Шаховской А. А. Обзор русской драматической словесности // Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров на 1842 год. Кн. 2. С. 1–2.

²⁸ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре... С. 90.

²⁹ Шаховской А. Предисловие к Полубарским затеям... С. 25.

³⁰ Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. С. 285.

³¹ Мильчина В. А. Комментарии // *Сталь Ж. де*. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 423–424.; Мильчина В. А., Осоват А. Л. Комментарии // *Кюстин А. де*. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. М., 2000. Т. 1. С. 577–578.

Шаховского в этом исходно не было ничего зазорного. К тому же, «литературный» код позволял апеллировать к признанному авторитету А. В. Шлегеля. Практически переводя из «Курса драматической литературы» последнего, русский автор возражал на обвинения в подражательности: «Нас упрекают, что мы пользуемся чужим, готовым, но пусть покажут мне народ, просветившийся без заимствований; уже так давно все перенимается, переплавляется и улучшается, что память человеческая не достигает до времен самоделия»³².

При таком подходе у Шаховского: 1) переимчивость русского народа оказывалась залогом его «гениальности» и дальнейшего успешного просвещения; 2) реформы Петра и его старание «обрусить и окоренить у нас еще вводимое им просвещение»³³ согласовывались с русским национальным характером; 3) и, наконец, сам Шаховской, с начала своей карьеры стремившийся «обрусить все, что найдется хорошего в чужих театрах»³⁴, занимал достойное место в том же ряду этих «гениев».

Единство языка описания политической и театральной истории у Шаховского было несомненной новацией. Однако именно необычность такой трактовки самых актуальных идеологем николаевского царствования, в сочетании с полемичностью по отношению и к ранним славянофилам, и к западникам, должны были вызвать скандал в Российской академии. Впрочем, не имея на данном этапе исследования точных сведений о членах «Разбирательного Комитета», не одоббивших «Слово о Петре Великом», нельзя быть до конца уверенным в справедливости нашей трактовки.

Напоследок хотелось бы отметить, что академическая карьера Шаховского закончилась вместе с самой Академией: как она в 1841 г. превратилась во II отделение Императорской Академии наук, так и престарелому драматургу, в свою очередь, было присвоено звание почетного ее члена³⁵.

³² Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1. С. 44.; Ср.: «Des communications si multipliées ont existé entre les hommes, de siècle en siècle et de nation à nation, et l'esprit humain est si paresseux pour inventer, que l'originalité des travaux intellectuels est toujours un phénomène très rare». (Schlegel A. W. Cours de littérature dramatique / trad. Mme Necker de Saussure: tt.2. Paris, 1865. Т. 2. Р. 129.)

³³ Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1. С. 47.

³⁴ Шаховской А. А. История театра: Вместо предисловия письмо к редактору Пантеона // Пантеон русских и всех европейских театров. 1840. Ч. 2. № 5. С. 66.

³⁵ См. некролог Шаховскому: Отчеты Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения, сост. по определению Отделения Академиком П. А. Плетневым. СПб., 1852. С. 157–160.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ В 20–30-е гг. XIX в.: НА ПУТИ К НОВОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ

М. Н. Приёмышева

Трудно переоценить в истории русской культуры, русской филологии и русской истории такое событие, как выход Словаря Академии Российской (1789–1794 гг.).

В истории русской лексикографии этот факт можно считать уникальным еще и по причине сроков создания этого словаря: далее в традициях создания русских академических словарей этот словарный «подвиг» не будет повторен ни разу.

Издание САР² растянется на 16 лет (1806, 1809, 1814, 1822 гг.); создание третьего по счёту толкового академического «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук» (1847 г.) займет более 20 лет. Следующий академический «Словарь русского языка» будет подготавливаться с 50-х гг. XIX в., а первый его выпуск выйдет только в 1895 г. (под редакцией Я. К. Грота). Последующие тома (под редакцией академика А. А. Шахматова) будут выходить до 20-х гг. XX в., но словарь так и не будет закончен. Академические словари в XX веке не менее длительны по срокам подготовительной и составительской работы.

Следует сказать, что в отношении к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г. история науки оказалась достаточно необъективна. Российская академия была преобразована во II Отделение Императорской академии наук в 1841 г., после смерти А. С. Шишкова, а в 1847 г. вышли все 4 тома нового словаря. Это привело к возникновению не вполне спра-

ведливых оценок в отношении истории его создания. Позволим себе вслед за В. В. Розановой процитировать следующее высказывание П. А. Плетнева на заседании II Отделения: «с истечением 1847 г. кончился и первый и главный труд Отделения русского языка и словесности – оно составило и напечатало Словарь церковнославянского и русского языка... Так как отделение учреждено в конце 1841 г., то труд этот совершен ровно в шесть лет»¹. Новый академический словарь оказался, как будто, удачным и *быстрым* результатом деятельности преобразованной академии.

Однако, как отмечал А. Х. Востоков в «Предисловии» к словарю, «Российская Академия в последние годы существования своего предполагала приступить к новому изданию этой книги <...> 74398 слов *было уже собрано и объяснено*»². Подчеркнем, что общий словник опубликованного словаря составлял 114749 слов, то есть преимущественная часть материала к 1841 г. была подготовлена. Таким образом, создание третьего академического словаря, ставшего детищем II отделения, концептуально, исторически, генетически восходит к периоду деятельности Российской академии в последние два десятилетия ее существования.

В истории науки есть несколько работ, посвященных истории создания данного словаря³. И можно сказать, что лингвисты вполне законно датируют начало работы над ним 1827 г., когда на обсуждение Российской Академии был вынесен план будущего словаря – «Начертание Российского словаря, азбучным порядком расположенного», – и началась целенаправленная работа по его составлению.

Однако работы и планы по его составлению возникли гораздо раньше: в 1813 г. одной из главных задач Российской Академии новый ее президент А. С. Шишков поставил не только скорейшее переиздание первого словаря, но и создание нового. В 1815 г. в первом выпуске Известий АН была напечатана его статья «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря», ставшая, по существу, теоретическим проектом

¹ Цит. по: Розанова В. В. Словарь церковнославянского и русского языка // История русской лексикографии / Под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб., 1998. С. 164.

² Востоков А. Х. Предисловие // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академией наук. СПб., 1847. Т. 1. С. X., курсив наш – М. П.

³ Розанова В. В.: 1) Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академией наук. Т. 1–4 (История создания, принципы построения). СПб., 1847. Дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Л., 1952.; 2) Словарь... // История русской лексикографии... С. 163–188; Щекин А. С. Предисловие к репринтному изданию 2001 г. // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академией наук. Репринтное издание. СПб., 2001. С. 3–8.

нового словаря. В ней Шишков, в частности, замечает: «вновь составляемый <...> Словарь Российской Академии по буквенному порядку есть не что иное, как тот же самый Словарь, переделанный из словопроизводного в букварный и потому столько же, как и тот, неудовлетворителен». Поэтому новый словарь необходимо делать «на ином основании, гораздо обширнейшем прежняго»⁴.

Сохранение в подготовке САР² старой концепции и основного фонда (из САР¹ добавлено только 8131 слово) вызвали ряд критических замечаний у современников о нецелесообразности, и главное, о неоправданных сроках выхода второго издания: основной словарь был составлен за период, вдвое меньший по времени. Поэтому в 1810–20-е гг. закономерным становится вопрос о создании нового большого толкового словаря русского языка.

Подобная идея возникала не только в Российской академии. Отметим предложенную в 1816 г. московским «Обществом любителей Российской Словесности» концепцию словаря русского языка, над которым до 1824 г. работали А. В. Болдырев и И. И. Давыдов. Этот словопроизводный словарь, первые статьи которого увидели свет в 1818 г. в «Трудах» Общества, также, однако, вызвал значительные споры — в первую очередь, с точки зрения этимологии. В 1824 г. появился составленный И. Ф. Калайдовичем «Опыт правил для составления русского производного словаря, с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом <любителей Российской Словесности>». Проект этот так и остался незаконченным ввиду неразработанности теоретических грамматических вопросов подачи гнездового материала⁵.

В Российской же академии планы по созданию нового словаря становились все более определенными. На заседании 18 сентября 1820 г. Шишков выступил с докладом, в котором расширил критику работ Академии по переизданию САР¹: «Академия состоит из шестидесяти человек членов (редко в полном числе). Сии члены не всегда могут действовать с равною ревностью и единодушием. Одни из них отсутственны, другие заняты, третьи не расположены, и так далее. Многие по разным причинам весьма редко или никогда не посещают Академических собраний, другие хотя и посещают, но не все упражняются в сочинениях. Многие печатают свои произведения сами от себя, то есть особо, не внося их в Академию <...> Предприятие какого-нибудь важного сочинения, например словаря, не мо-

⁴ Шишков А. С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Известия Российской Академии. СПб., 1815. Т. 1. С. 3.

⁵ См. Булич С. К. Очерки истории языкознания в России (XIII – 1825 г.). СПб., 1904. Т. 1.

жет иначе быть производимо, как старанием определенных на то трех или четырех членов, которые бы по предначертанному плану беспрестанно тем занимались. Они должны собрать, приготовить, определить, утвердить слова, обогатить примерами, и потом прочитывать их в собрании, для некоторых токмо замечаний <...> Без сего словарь не составится, и даже полнота и достоинство его к ним должны относиться; ибо никакой труд иначе не совершается, как уединенным и беспрепятственным размышлением»⁶.

Вскоре, на заседании 21 января 1821 г., Шишков выступил с программой работы Академии, которая, по его мнению, заключалась в создании: I. Словаря по корням, или Словопроизводного. II. Словаря сравнительного всех славянских наречий. III. Словаря Технического, или собрания слов, употребительных в науках, художествах, ремеслах и рукоделиях. IV. Словаря Словесных наук, или собрания слов, употребительных в логике, стихотворстве, истории, риторике и грамматике. V. Риторики всеобщей. VI. Риторики общей. VII. Поэзии. VIII. Собрания отличных сочинений, избранных из российских писателей. IX. Преложения на русский язык иностранных классических писателей. X. Грамматики. XI. Правил для единообразного написания⁷.

Как видим, первоочередной задачей деятельности Академии названо здесь составление словопроизводного словаря. Шишков предлагал каждому Члену Академии «а) рассмотрение корня, сколько пустил он от себя колен и сколько при каждом колене ветвей, в) подробное сих ветвей исчисление с определением значения каждой из них и с присовокуплением к каждой отысканного в книгах, или нарочно сочиненного, хорошего примера, одного или нескольких. <...> Академия, выдав награждение⁸, хранит сие сочинение в рукописи, доколе не соберет столько, что может приступить к изданию всего словаря»⁹.

В 1822 г. работа в Академии велась тремя комитетами: *Издательным* (в составе П. И. Соколова, В. М. Севергина, П. А. Шихматова и др.), задачей которого было скорейшее издание словаря по азбучному порядку; а также *Рассмотрительным* и *Попечительным*, рассматривавшими поступавшие в Академию соответственно прозаические и поэтические сочинения. После выхода последнего тома САР² в 1822 г. прежний Издательный

⁶ О некоторых постановлениях и происшествиях в Российской Академии // Известия Российской Академии. СПб., 1820. Т. 9. С. 18–19.

⁷ Известия Российской Академии. СПб., 1822. Т. 10. С. 38–49.

⁸ По 60–100 р. за печатный лист.

⁹ Известия... Т. 10. С. 51.

комитет прекратил свое существование; это имя было присвоено прежнему Рассмотрительному комитету, и именно его членам под руководством А. Х. Востокова было поручено заниматься составлением нового словаря. 16 апреля 1827 г. комитетом был представлен план нового словаря по алфавитному порядку, разработать который ему было поручено во второй половине 1826 г. После смерти нескольких членов и начала в 1835 г. реальной работы было решено создать новый комитет – Словарный – в составе 11 человек, большая часть которых и стала впоследствии авторами Словаря 1847 г.: А. Х. Востоков, В. А. Поленов, М. Е. Лобанов, И. А. Вельяминов, П. А. Загорский, В. И. Панаев и др.¹⁰.

Помимо этих первых шагов, следует выделить несколько других направлений работы Академии, которые стали серьезной подготовительной школой для будущего Словаря.

Во-первых, это работа отдельных членов Академии по составлению отраслевых словарей, ставших не только самостоятельными лексикографическими «продуктами» Академии, но и словарным материалом для большого толкового словаря. К подобной деятельности этого периода относятся отраслевые: «Технико-ботанический словарь» (1820 г.) и «Словарь родовых имен растений» (1826 г.) И. И. Мартынова; «Общий церковнославяно-русский словарь» П. И. Соколова (1834 г.), работа над которым финансировалась академией с 1828 г. и для рассмотрения которого был создан специальный комитет, куда входили А. Х. Востоков, П. А. Ширинский-Шихматов, Д. И. и И. И. Мартыновы. Материалы этого словаря практически полностью вошли в состав будущего «Словаря» 1847 г.

Во-вторых, это индивидуальная очень активная лексикографическая деятельность самого А. С. Шишкова, которая подробно освещалась «Известиями» Российской академии и которую он, очевидно, полностью посвящал подготовке будущего словаря. Только снижение активности Шишкова в отношении Академии с 1824 г., когда он был назначен министром просвещения и стал все меньше своих трудов публиковать в академических изданиях, может объяснить игнорирование в историографии его вклада в первый крупный труд II Отделения Академии наук.

Образ консерватора прочно закрепился за именем Шишкова почти на два столетия. Невысокой научной оценке трудов Шишкова способствовали и его некомпетентные этимологические опыты, в свете которых оценивали всю лингвистическую деятельность адмирала. Как и любая однозначная оценка, такая точка зрения представляется односторонней. Не переходя

¹⁰ Подробнее см.: Известия Российской Академии. Т. 9–10; Розанова В. В. Словарь... // История русской лексикографии... С. 164–167.

в другую крайность и не преувеличивая заслуг Шишкова, особенно в лексикографии, остановимся на тех моментах в его взглядах, которые с исторической точки зрения можно оценить положительно и даже достаточно высоко.

Некоторые важные лексикографические положения, сформулированные Шишковым, позволяют говорить об определенной преемственности исходных замыслов Академии 1820-х гг. и получившегося в 1847 г. результата.

Рационалистический, системный, логический подход к языку, свойственный Шишкову как человеку эпохи классицизма, его языковая компетенция, увлеченность филологией обусловили тот факт, что в истории русской языковой культуры он остался не только поборником «чистоты старого слога». В многочисленных созданных им лексикографических трудах в полной мере проявилось его стремление к научной систематизации, упорядоченности во всем (самое главное – в языке).

В «Очерках истории языкознания в России» С. К. Булича Шишков постоянно называется автором-дилетантом, его деятельность в роли президента Академии наук оценивается негативно, прежде всего, из-за общей тенденции консервативности и бездействия последней, но нет ни одного раздела книги, в котором бы не прозвучало имя Шишкова как одного из первых его представителей. Особенно это касается вопросов этимологии, словопроизводства, лексикографии и, подчеркнем, семасиологии. Отсутствие профессионализма, базовых филологических теоретических знаний у Шишкова искупалось, на наш взгляд, невероятной заинтересованностью в вопросах лингвистики, работоспособностью, интуицией, стремлением к развитию и усилению роли науки, образования, культуры.

Следует отметить, что Шишкова в лексикографии трудно назвать дилетантом. Учитывая тот факт, что САР¹ – первый академический опыт русской лексикографии, понятно, что создавался он, когда лексикографическая теория в России еще не была разработана, и практически все начинания в этой области были эмпирическими. Поэтому по решению целого ряда лексикографических вопросов А. Шишкова можно назвать новатором.

Словари Шишкова являлись не только предварительными словарными материалами будущего большого Словаря русского языка. Это своего рода дань и логическое следствие эпохи классицизма, когда рационалистическое стремление к упорядочению, систематизации вело к пониманию предельности, конечности большинства явлений, а потому и к возможности их тотального описания и изучения.

Словари Шишкова можно высоко оценить с двух сторон. Во-первых, каждый из них является самостоятельно значимым, хоть и небольшим, словарем, типология которого предвещает будущее разнообразие словарей в последующий период. И, во-вторых, по замыслу автора, – это различные части одного и того же большого словаря. Более того, и в предисловии к ним, и в ряде своих статей Шишков достаточно четко и логично формулирует целый ряд лексикографических принципов, которые в совокупности условно можно считать прообразом традиционного проекта словаря, а некоторые из них будут постулироваться лишь в конце XIX в. при создании уже четвертого по счету Академического словаря под редакцией Я. К. Грота, а затем А. А. Шахматова.

Помимо «Трехязычного морского словаря» (1795) и «Морского словаря» (1835–1840), перу А. С. Шишкова принадлежат еще несколько словарей; три из них – большие этимологические опыты, часть из которых представлена в виде таблиц¹¹. Но два словаря, посвященные описанию малоупотребительной лексики и оттенков семантики слов собственно русского языка, представляют для истории лексикографии особый интерес.

«*Опыт Словаря, или слова и речи, выписанные из Священного писания для показания знаменования оных*»¹² представляет собой тип толкового функционального словаря, который описывает те случаи редкого употребления известных слов, которые не вошли в САР¹. Шишков достаточно тонко ориентируется в семантических нюансах функционирования слова, и в этой связи сам тип словаря для времени его создания беспрецедентен.

«*Опыт Славенского Словаря, или объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных*»¹³ представляет собой в традиционной современной терминологии словарь редких и устаревших слов, но Шишков не просто трактует значения устаревших слов; он, скорее, «актуализирует» эти слова для современников. Можно привести следующий характерный пример: **Бабы**. Устар. Созвездие из семи звезд, «находящееся в знаке тельца...», иначе называемое утичьё гнездо, а более известное под иностранным именем Плеяды», отсюда – бабье лето (от половины Августа до половины Сентября, когда это созвездие начинает появляться куп-

¹¹ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1825–1834. Т. 5–7, 12–16.

¹² Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 215–368.

¹³ Шишков А. С. Собрание... Т. 5. С. 35–262.

но с прочими звездами». Заметим, что бо́льшая часть словника этого труда вошла в «Словарь» 1847 г., но, как правило, с другими толкованиями.

На основании этих словарей и программной статьи Шишкова «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря» можно составить условный «Проект» академического словаря, который в полном объеме не был реализован, но многие аспекты которого, целенаправленно или случайно, были учтены при составлении словаря 1847 г.

- Словарь может быть организован только по «словопроизводству» «для лучшего понимания» всех уже малоизвестных слов одного корня. Более того, Шишков уподобляет каждый корень слова корню дерева. Поэтому словарь, расположенный «по словопроизводству», уподобляется роще деревьев, а по алфавиту – спиленным веткам и стволам, воткнутым как попало в землю. Несомненная ценность такого Словаря была сопряжена с колоссальной научной предварительной работой, и, как заметил впоследствии А. Х. Востоков, «словопроизводным словарем занятия по части лексикографии оканчиваются, а не начинаются. Ему должно предшествовать составление сравнительного словаря славянских наречий, предположенное и Вторым Отделением Академии»¹⁴.
- Очень важный вопрос, который Шишков рассматривает детально, – это *отбор словника*. Словарь должен включать «известные в языке слова» в данный период времени – те, которые употребляются в разговорах и в книгах. Особенно подчеркнем методическую значимость этого тезиса: академические словари, начиная с четвертого академического словаря (1895), составлялись на базе специально собранной картотеки (сейчас Картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН). Многолетняя предварительная работа над словарем заключалась в том, что собирались цитатные материалы из специально отобранных источников, преимущественно из художественной литературы: словник словаря, значения слов и употребления с последней четверти XIX в. составляются только на базе реальных фиксаций слова.
- Каждому корню должна быть дана этимологическая справка: что именно этот корень обозначал в древности.
Далее следуют ограничения:
- Иностранные слова следует включать только те, которые органично вошли в язык и повсеместно употребляются (все новые, редкие иностранные слова Шишков рекомендует включать отдельным списком в конце словаря). Их количество непостоянно, причины их появления

¹⁴ Востоков А. Х. Предисловие... С. IX.

часто не ясны и т. д. Если включать такие слова в основной словник, то это, по мнению Шишкова, будет словарь всех языков. В целом положение теоретически реализовано в Словаре 1847 г. Однако заметим, что практически все слова на букву А, подчеркнутые в редакторской рукописи Словаря Академии Российской (1793)¹⁵, которые Шишков планировал дать в отдельном списке (*адамант, адонаи, акафист, акация, акула, аклей, акриды* и др.), остались в словнике Словаря 1847 г.

- Собственные имена земель, гор, рек и т. п. не могут иметь места в Словаре, так как их очень много. Самые известные из них следует поместить отдельным списком в конце Словаря.
- Имена зверей, птиц, трав и т. п. должны быть охарактеризованы очень кратко, их нужно давать «с кратким объяснением, сколько нужно для языка, а не для науки».
- Малоупотребительные и неизвестные слова, которые употребляются в летописях, преданиях, народных сказках должны быть обязательно истолкованы, в противном случае, зачем нужен словарь, если искать в нем только то, что знаешь. Те слова, значений которых уже не восстановить, необходимо «припечатать отдельным списком».
- Областные слова необходимо давать только те, которые попали в общий язык.

Практически все отмеченные положения реализованы в Словаре 1847 г. Следует вспомнить, что и сам словарь беспрецедентно «объединил» две языковые стихии – церковнославянскую и русскую, о необходимости чего Шишков писал еще в «Рассуждении о старом и новом слоге».

- Нововведения писателей, литературные новообразования не должны быть включены в словарь. Как отмечает Шишков, «новые слова человек подыскивает, придумывает, потому что не знает своих». В целом «Словарь» 1847 г. следует этому принципу, однако, как заметила В. В. Розанова, есть ряд нарушений: сюда включено несколько окказионализмов Гнедича: грязноутесный, длиннохитонный, лепокудрый, пространновластительный и др.¹⁶.
- Помимо общей систематизации лексикографических принципов отбора словника, которую Шишков вслед за опытом САР¹ разрабатывает несколько глубже и методичнее, он впервые подводит к материальной основе и семантику. Вспомним его анализ употреблений слова «свет» и

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 4. № 1.

¹⁶ Розанова В. В. Словарь... // История русской лексикографии... С. 181.

семантические схемы в «Рассуждении о старом и новом слоге»¹⁷. Таким образом, Шишков рационально подходит не только к отбору лексики, но и к описанию семантики, что теоретически сделано было впервые. Там же он отмечает, что уже необходимо «составить вновь такой словарь, в котором всякое слово объяснено было, во-первых, *множайшими текстами, показывающими во всей обширности круг знаменования онаго*; во-вторых должно стараться показать корень онаго и присовокупить к тому свои примечания и рассуждения, *какия понятия в Российском слове изображать им пристойно...*»¹⁸. То есть, значения должны быть проиллюстрированы, что впоследствии станет обязательным в толковых словарях, а сам словарь должен быть нормативным.

Несмотря на то, что не все положения концепции А. С. Шишкова были реализованы в будущем словаре (в этой связи безусловны приоритеты идей А. Х. Востокова, особенно ценность его грамматической концепции), важной в этот период академической деятельности, связанной с его инициативами и решениями, на наш взгляд, оказывается методология словарной работы: этапность подготовительной работы над «фрагментами» лексической системы русского языка, теоретическое осмысление сложных вопросов (семантика), решение ряда конкретных практических задач будущего словаря.

Таким образом, хотя период словарной деятельности Российской академии 20–30-х гг. мало освещен в печати, а то, что опубликовано в «Известиях...», отражает в основном идеи Шишкова, это время можно считать периодом формирования теоретических основ русской лексикографии и началом ее научной истории. Методичный, системный подход к подбору словника, а также системный подход к описанию единиц (этимологический, деривационный, семантический, нормативный) и, что не менее важно, теоретическое осмысление этих аспектов, привычное в истории лексикографии с конца XIX в., хронологически следует отнести к лексикографической деятельности Российской академии в последние двадцать лет ее существования.

¹⁷ Шишков А. С. Рассуждение... С. 30–33, 37–39.

¹⁸ Там же. С. 173–174.

СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ (1789–1794 гг.) КАК ИСТОЧНИК СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА

И. А. Малышева

Словарный фонд русского языка XVIII века представлен двумя основными лексикографическими собраниями: Словарь Академии Российской, 1789–1794 гг. (далее – САР¹) и издающийся с 1984 г. Словарь русского языка XVIII века (к настоящему времени вышло 17 выпусков, включающих слова от **А** до **Открыть**).

Важнейшими источниками при составлении нового словаря являются предшествующие лексикографические труды. Как известно, при создании САР¹ параллельно с составлением алфавитного словника (Аналогических таблиц) собиралась библиотека Академии Российской, «в которую среди прочих книг вошло множество словарей – печатных и рукописных – и словарных материалов из Академии наук и Университета»¹. В круг основных лексикографических источников САР¹ вошли «Трязычный лексикон» Ф. Поликарпова, «Российский Целлариус» Ф. Гелтергофа, «Церковный словарь» П. Алексеева, Симфония на Новый завет, Симфония на псалтырь. Кроме того, использовались рукописные словари: Словарь К. Кондратовича (с правками М. Ломоносова) и Словарь А. Богдановича.

При определении источников Словаря русского языка XVIII века (далее – СРЯ XVIII) лексикографическим трудам XVIII столетия было отведено значительное место: привлечены материалы из более чем 60 словарей разных типов². В Проекте СРЯ XVIII словари названы дополнительными источника-

¹ Кутина Л. Л. Из истории русской филологической науки (Словарь Академии Российской) // Восточные славяне. Языки, история, культура. М., 1985. С. 260.

² См.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.

ми: «Существенной группой источников Словаря служат лексикографические издания (толковые словари, дву- и многоязычные переводные, специально-терминологические и т. д.), а также грамматические и риторические сочинения этого времени. Они относятся к числу дополнительных источников Словаря; их данные используются как при описании слов – в основном корпусе словарных статей, так и в справочном отделе»³. Однако внимание, которое было уделено словарным трудам XVIII в. при подготовке СРЯ XVIII, говорит о том, какое значение им придавалось.

Создатели СРЯ XVIII оценивали лексикографические труды не только как источники необходимых реестров слов, но и как материалы для изучения языка XVIII столетия. Был написан ряд статей, в которых дана как общая характеристика лексикографического наследия XVIII в.⁴, так и анализ отдельных лексикографических трудов⁵. Обобщающий обзор сделан в очерке Е. Э. Биржаковой о лексикографии XVIII века⁶.

Организация словарной картотеки СРЯ XVIII (далее – КС XVIII) подчеркивает значение лексикографических материалов XVIII в.: на каждую словарную единицу определено 4 раздела: словари, I-й (до 1740 г.), II-й (до 1780 г.), III-й (до 1805 г.) периоды (по наличию материала). В разделе «словари» помещены карточки-цитаты, показывающие лексикографические фиксации данного слова в XVIII в. Словарь Академии Российской в этом разделе представлен полностью, т. е. можно сказать, что КС XVIII

³ Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л., 1977. С. 15.

⁴ Биржакова Е. Э. Лексикографические источники и их использование в историческом словаре // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 4. М., 1975. С. 12–13; Биржакова Е. Э. Лексикографические источники и их использование в Словаре русского языка XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 94–106; Биржакова Е. Э. Лексикографические источники в картотеке Словаря русского языка XVIII века // Практическая лексикография: 100 лет словарной картотеке. М., 1989. С. 42–51; Биржакова Е. Э. Лексикография XVIII века // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 59–126; Биржакова Е. Э. Рукописный словарь К. Шмидта и его источники // Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 28–42.

⁵ Березина О. Е. Два тематических лексикона XVIII в. (Сравнительная характеристика) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 6–22; Биржакова Е. Э. Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса // Там же. С. 23–37; Биржакова Е. Э. Отражение функционально-стилистической дифференциации русской лексики в двуязычных словарях XVIII в. (Польско-русский словарь К. Кондратовича) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984. С. 133–146; Биржакова Е. Э. Рукописный словарь К. Шмидта и его источники // Русский язык конца XVII – начала XVIII века (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 28–42.

⁶ Биржакова Е. Э. Лексикография XVIII века // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 59–126.

с абсолютной полнотой содержит реестровую часть САР¹. Кроме того, расписана для картотеки и правая, толковательная, часть САР¹. Оценивая особое место САР¹ среди других лексикографических источников СРЯ XVIII, Е. Э. Биржакова писала: «...кроме заголовочных слов для картотеки выписаны и все слова, содержащиеся в строке за заголовочным словом – глаголы совершенного вида, как суффиксально, так и префиксально образованные, уменьшительные и увеличительные существительные и другие слова, не помещенные в приложенных к каждому тому алфавитных списках»⁷.

При создании СРЯ XVIII и изучении словарного состава языка XVIII столетия Словарю Академии Российской уделялось особое внимание. Он исследовался в разных аспектах: общая характеристика⁸, семантика⁹, фразеология¹⁰, специальная лексика¹¹, региональная и разговорная лексика¹², славянизмы¹³, словообразование¹⁴ и др.

План составления САР¹ («Начертание») показывает, какую информацию о слове предполагалось дать (выбор слов, правописание, ударение, грамматические характеристики, «знаменование», стилистические характеристики), и вся эта информация стала необходимой для СРЯ XVIII.

⁷ Биржакова Е. Э. Лексикографические источники в картотеке Словаря... С. 50.

⁸ Кутина Л. Л. Из истории русской филологической науки... С. 260–266; Кутина Л. Л. Словарь Академии Российской // Русский язык за рубежом. 1974. № 4. С. 66–72; Биржакова Е. Э. Словарь Академии Российской (1789–1794) // История русской лексикографии. Л., 1998. С. 98–126.

⁹ Кутина Л. Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 70–89.

¹⁰ Биржакова Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.–Л., 1965. С. 251–270.

¹¹ Замкова В. В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 90–101.

¹² Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.–Л., 1949. Т. 1. С. 95–160; Малышева И. М. Локализмы в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 102–117.

¹³ Захарова Е. А., Петрова З. М. Церковнославянская лексика в «Словаре Академии Российской» (1784–1794 гг.) и в «Словаре русского языка XVIII века» // Словарь Академии Российской. 1789–1794. М., 2002. Т. 3. С. 20–28.

¹⁴ Петрова З. М. Прилагательные на *-ический* в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 143–156.

В СРЯ XVIII, естественно, словарный состав русского языка XVIII-го столетия представлен намного богаче, чем в САР¹⁵. В качестве частного примера можно привести следующее. По данным И. Э. Еселевич, в реестровую часть САР¹ включено всего 7 собирательных существительных на -ье: *вишенье, лоскутье, оружие, садовье, тряпье, хвастье, хлопье*¹⁶. Далее исследовательница пишет: «При этом показательно, что в толковую часть САР многочисленные образования на -ье вводятся довольно свободно. Они отмечены в словарных статьях, посвященных отдельным существительным (коль, кола, ... собир. колье, т. III, 745), используются в предложениях примерах (черень ... Черенье у ножей. т. VI, 699), употребляются при определении значений слов (загребая ... говоря о перегоревшем уголье: к стороне или в горнушку придвигаю кочергой, т. II, 329), наконец – и это особенно часто – указываются как одна из форм множ. числа конкретного существительного (камень, во множ. камень и камни, т. III, 410)»¹⁷. В опубликованные выпуски СРЯ XVIII в реестровую часть или в гнездо соответствующего корневого слова включены такие собирательные слова на -ие (-ье), как: **Батожье** (1: 151), **Брусье** (2: 147), **Вишенье** (3: 182), **Гво'здие**, **Гнилье**, **Гро'здие** (5: 96, 143, 239), **Жердь**, **Жилье'** (7: 113, 139), **Звѣрье** (8: 153), **Ка'мение** (9: 218), **Колье**, **Колодие**, **Коренье**, **Корье'** (10: 86, 99, 172, 193), **Листвие**, **Листие**, **Лоскутие** (11: 186, 231), **Мужичье** (13: 67), **Осетрие**, **Ослопие** (17: 99, 113) и др.

Как известно, составители САР¹ отличались пуристическими взглядами на язык (вопрос о включении в Словарь иноязычных слов стоял очень остро и был предметом многих споров¹⁸), и это привело к далеко не полному отражению в словаре заимствований, вошедших и входивших в русский

¹⁵ В САР¹, по общим данным, 43 257 слов, по алфавитному списку – 44 952 слова, с учетом слов, помещенных за заголовочным словом (коррелятивные глаголы, существительные и прилагательные с экспрессивно-оценочными суффиксами) – не менее 55 000 слов; см.: *Биржакова Е. Э.* Лексикография XVIII века... С. 109, опубликованные выпуски СРЯ XVIII (*А – Открутить*) содержат 56 783 слова.

¹⁶ *Еселевич И. Э.* Собирательные существительные типа *камень* и историческая лексикография // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984. С. 127.

¹⁷ Там же. С. 127.

¹⁸ См., например: Примечания Болтина на начертание для составления Славено-Российского толкового словаря // *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1876. Т. V. С. 384–385. М. И. Сухомилов приводит такой пример: «Стараясь заменять иностранные слова русскими, академия решила вместо греческого слова *фанатик* ввести коренное русское *изувер*. Сообразно с этим Румовский настаивал на замене существительного *фанатизм* равносильным ему русским словом, и собрание постановило вместо *фанатизм* употреблять *изуверство*». См.: *Сухомилов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. II. С. 145.

язык на протяжении XVIII столетия. О старании составителей САР¹ не ввести в словарь ненужных, на их взгляд, чужестранных слов свидетельствует сравнение сохранившегося отрывка из словаря А. Богдановича на **А–Армяк**¹⁹ и соответствующего фрагмента САР¹. В САР¹ не вошли такие слова, как **Авангардия**, **Автор**, **Агент**, **Адвокат**, **Акт**, **Акцент**, **Акция** ‘бой, сражение’, *ам* ‘винная бочка мерою в четыре анкерка’²⁰, **Аманат**, **Амфитеатр**, **Анархия**, **Аншеф**, **Апартамент**, **Апелляция**, **Аппетит**, **Аппробация**, **Арап**, **Ария**, **Арматура** ‘всякое воинское оружие’, которые даны в словаре А. Богдановича²¹. По данным КС XVIII и СРЯ XVIII, названные слова имели не только активное употребление в языке XVIII в., но и давали достаточно широкие словообразовательные ряды, например, **Автор** – **Авторизовать**, **Авторов**, **Авторский**, **Авторски**, **Авторец**, **Авторство** (1: 19), **Адвокат** – **Адвокатов**, **Адвокатский**, **Адвокатство**, **Адвокатствовать** (1: 25), **Аппетит** – **Аппетитный**, **Аппетитно** (1: 82) и др.²² В частности, слово **Автор** в КС XVIII уже в I-м периоде представлено несколькими десятками карточек-цитат (около 70), ранние из которых относятся к первым годам столетия, в следующие периоды количество примеров возрастает. Для сравнения: слово **Сочинитель** в период до 1740-х гг. в КС XVIII представлено лишь 11 примерами.

В отрывке из словаря А. Богдановича приведено 129 слов (не считая производных), в САР¹ в этих же алфавитных границах (**А–Армяк**) даны 138 слов, в СРЯ XVIII более 800 слов (не считая слов в гнезде).

САР¹ в качестве источника СРЯ XVIII используется во многих аспектах, необходимых для словарной статьи (наличие слова, дефиниция, коррелятивные формы глаголов, стилистические характеристики, речения как

¹⁹ *Макеева В. Н.* Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка // Лексикографический сборник. Вып. VI. Л., 1963. С. 88–97.

²⁰ Данный корень в составе образования *полуамный* (бочка *полуамная*) был в активном употреблении в языке торговли: Бочка пил да бочка *полуамная* лимонов соленых. ТК Арх. 1719 70.

²¹ Большинство этих слов нет и в Аналогических таблицах (т. I), однако из списка А. Богдановича в них вошли слова *акт*, *акция*, *алхимия*, *аманат*, *амфитеатр*, *анархия*, *аншеф*, *ария*. Кроме того, в таблицах есть еще ряд слов, в том числе и производных, которые в САР¹ включены не были: *адмиральща* (I: 3), *адъютантиа* (I: 4), *альтистый* (I: 9), *амфитеатральный* (I: 11), *аналогия* (I: 11), *аналогический* (I: 12), *аполектик* (I: 15).

²² Многие из новых заимствований, не включенных в САР¹, даны уже в словаре иностранных слов, опубликованном в журнале ‘И то и сьо’ в 1769 г. (июнь): *абсолют*, *аллианция* ‘союз’, *ассамблея*, *атака*, *авантаж*, *афронт* ‘бесчестие’, *антик* ‘древность’, *атеист*, *аргумент*, *аргументально*, *автор*, *амиция* ‘дружба’, *амбиция*, *акция*, *аппетит*, *акредитованный*, *адвокат*, *ария*, *апартамент*, *арматура* ‘собрание воинского оружия’, *администратор*, *азарт*, *азартно*, *азартировать*, *апробация*, *администрация* (сохранен алфавитный порядок оригинала).

иллюстративный материал и др.), и нередко именно материал САР¹ является единственным, не поддержанным данными других источников.

1. Одной из первых и важнейших проблем, возникших перед создателями САР¹, была проблема состава словника нового словаря. Предполагалось включить «все известные Славяно-Российского языка слова и речения»²³. При выборе слов составители руководствовались тремя основными критериями: употребительность слова; самодостаточность славенороссийского языка (исключение иноязычных слов и активное привлечение слов областных, «которые своею ясностию, силою и краткостию могут служить к обогащению языка»²⁴); культурно-исторический критерий, в соответствии с которым в словарь вошли некоторые устаревшие слова, старые заимствования из церковных книг и др.²⁵

КС XVIII (как и СРЯ XVIII) содержит определенное количество слов, фиксация которых в XVIII в. представлена только данными САР¹, и большинство этих слов (за редкими исключениями) связано с отражением в словаре живой разговорной стихии: **Азбучник** ‘Мальчик, учащийся азбуке’ (1: 31); **Амбарщик** ‘Лицо, сдающее внаем амбары’ (1: 57); **Артельщина** (1: 96); **Атласиться** ‘Приобретать блеск (о материи, у которой вытерся или прилег ворс)’ (1: 111); **Вере’вчатый** ‘Витой, наподобие веревки’. Вереvчатой столп. САР¹ I 601. Вереvчатой подсвѣшник. САР¹ I 601 (3: 38); **Вѣ’рователь** ‘Тот, кто признает что-л. за истину’ (3: 45); **Вѣроотсту’пник** ‘Тот, кто отступил, отпал от какой-л. веры’ (3: 46); **Гу’лить** ‘Прост. 1. Отвечать улыбкой, звуками на ласку взрослых (о младенце). 2. Забавлять ребенка, вызывая его улыбку’ (6: 10); **Дрозде’нок** ‘Птенец дрозда’ (7: 12); **Неумывка** ‘Неопрятный, неаккуратный человек’ (15: 111); **Дрябѣ’ть** ‘Дребезжать (о поврежденных звучащих предметах)’. Дрябит колокол. САР¹ II 776 (7: 19); **Дряхле’ц** ‘Тот, кто состарился прежде времени, стал дряхлым’ (7: 21); **Дурнѣ’ть** ‘Становится дурным, некрасивым’. Она примѣтно дурнѣет. САР¹ II 798 (7: 32); **Душегу’бствовать** ‘Убивать, предавать смерти’ (7: 47); **Ды’биться** ‘Становиться дыбом’. Волосы на головѣ дыбятся. САР¹ II 846 (7: 49); **Единово’рие** ‘Исповедание одной с кем-л. веры, религии’ (7: 62); **Единогосподствовать** ‘То же, что единовластвовать’ (7: 63); **Ехи’дничать** и **Ехи’дствовать** ‘Злобствовать’. Он на всякаго ехидствует. Он привык ехидничать. САР¹ II 1027 (7: 87); **Же’лкнуть** ‘Становиться жел-

²³ Фонвизин Д. И. (Болтин?). Начертание для составления словаря Словяно-Российского языка // Полное собрание сочинений П. А. Вяземского. Т. V. СПб., 1880. С. 304.

²⁴ Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1. С. IX (Предисловие).

²⁵ См.: Биржакова Е. Э. Лексикография XVIII века... С. 106.

тым' (7: 105); **Жи'тник** 'Хлеб из ячменной муки' (7: 142); **Неуте'рпчивый** 'Не обладающий терпением' (15: 116); **Ни'кнуть** 'Наклоняться, нагибаться книзу, к земле' (15: 147); **Ником** 'То же, что ничком' (15: 148); **Новозе-ме'льный** 'Родившийся на новой пашне, новине'. Новоземельная рожь. САР¹ III 58 (15: 163); **Новозе'мец** 'Тот, кто поселен на новой земле'. САР¹ III 58' (15: 163); **Ночле'жник** 'Тот, кто остановился на ночлег'. САР¹ IV 557' (15: 188); **Ня'нчиться** 'То же, что нянчить' (15: 203); **Обе'л** 'Крепостной человек, за которого его господин платил дань; раб' (15: 226); **Обжи'ть—Обжива'ть** 'Приспособить, сделать удобным для жилья' (15: 236); **Обла'пить** '1. Обхватить лапами. 2. *Простореч.* (САР¹, САР² б/п). Грубо обнять руками' (15: 250) и др. Данные слова в САР¹ иллюстрируются только речениями (или не имеют и их), и сложно говорить о конкретных источниках, которыми пользовались составители. Такими источниками, по всей видимости, выступали многочисленные материалы путешествий, научных экспедиций (в САР¹ есть редкие ссылки на С. Крашенинникова и П.-С. Палласа), в которых широкое представление получала лексика живого русского языка²⁶. Благодаря этим источникам в САР¹ вошли (и включены в СРЯ XVIII):

– народные ботанические и зоологические названия: **Авдотька** 'Птица из рода куликов' (1: 16); **Двуутро'бка** 'Сумчатое млекопитающее' (6: 61); **Деря'ба** 'Птица сойка' (6: 110); **Дре'млик** '*Бот.* То же, что кукушкины слезы' (7: 7); **Ду'дочник** '1. Трава зоря' (7: 26); **Дупля'нка** 'Род грибов, растущих в лесах около деревьев' (7: 29); **Жа'воронник** 'Ястребок перепелятник' (7: 89);

– специальная лексика: **Дегтя'рня** 'Место, где гонят деготь' (6: 69); **Дробни'ца** 'Мешечек или сосуд для охотничьей дробин'. Дробница сафьянная, жестяная, деревянная. САР¹ II 754 (7: 9); **Дробяз'ник** 'Товар, продаваемый в розницу'. Он не валовым товаром торгует, но дробязником. САР¹ II 754 (7: 10); **Еруно'к** 'Столярное орудие, показывающее угол в 45°' (7: 81); **Жега'ло** 'Орудие для прожигания дыр в дереве' (7: 101); **Железня'к** 'Камень, содержащий железную руду, не пригодную к плавке' (7: 105); **Же-лоби'ть** 'Делать в чем-л. желоб, углубление' (7: 106); **Зава'льной** '*Комм.* Залежавшийся, лежалый (о товаре)'. Завальной товар. САР¹ I 487' (7: 171)²⁷;

²⁶ См.: Малышева И. М. Локализмы в Словаре Академии Российской. С. 102–117; Малышева И. М. Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 130–150.

²⁷ «Областные слова, означающие вещи и орудия в промыслах, художествах, рукоделиях и проч., положено принять в словарь наш все без изъятия, каковыя токмо до сведения Академии дойти могут» (Письмо И. И. Лепехина Г. Р. Державину, 1784 г.). См.: Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1876. Т. V. С. 368–369.

– просторечная и простонародная лексика: **Верезга'** *Простонар.* Плаксивый, крикливый ребенок' (3: 39); **Дро'чень** *Простореч.* Избалованный толстый ребенок'. САР¹ II 763 (7: 13); **Дрочи'ться** *Простореч.* Нежиться'. Ребенок твой избалован, непрестанно дрочится. САР¹ II 763 (7: 13); **Дыхле'ц** *Простонар.* Тот которой задыхается, у которого дух очень короток; щедушный'. САР¹ II 812 (7: 52); **Еро'шка** *Простореч.* 1. Тот, у кого всклоченные или курчавые волосы' (7: 80); **Жгути'ть** *Простонар.* Бить жгутом' (7: 99); **Забубе'нить** *Простореч.* Начать бубнить, повторять одно и то же' (7: 168); **Забубе'нщина** *Простонар.* Вздор, враки'. Какую он несет забубюнщину! САР¹ I 367 (7: 168); **Завала'ндаться** *Простонар.* Долго с чем-л. или где-л. провозиться' (7: 170, в справочном отделе: САР¹ простонар.); **Заворова'ться** *Прост.* Пуститься во взяточничество, казнокрадство' (7: 187) и др.

Еще раз подчеркнем, что приведенный материал представлен в КС XVIII только по фиксации в САР¹ и не подтвержден другими источниками, хотя историографические, географические, естественноисторические описания, путевые записки (в том числе и использованные создателями САР¹) среди основных источников СРЯ XVIII представлены широко²⁸.

Значительное место среди слов, вошедших в КС XVIII и СРЯ XVIII на основе данных САР¹, занимают приставочные образования:

– с приставкой **за-**: **Заатла'ситься** 'Залосниться, заблестеть (о выношенной ворсистой ткани)' (7: 155); **Заату'кать** *Охот.* Начать атакать' (7: 155); **Заау'кать** 'Начать аукать' (7: 155); **Заа'хать** 'Начать ахать' (7: 155); **Забаси'ть** 'Начать басить' (7: 157); **Забода'ть** 'Ударить или убить рогами' (7: 163); **Заборозди'ть** 'Начать бороздить' (7: 164); **Забрани'ться** 'Начать браниться; поссориться с кем-л.' Со все́ми знакомыми забранился. САР¹ I 322 (7: 165); **Забрюзжа'ть** 'Начать брюзжать.' Старик опять забрюзжал. САР¹ I 361 (7: 168); **Завечере'ть** 'Быть застигнутым (в пути) вечером.' Не до́бзая до города завечерѣли. САР¹ I 672 (7: 178); **Завози'ться** 'Начать возиться, резвиться' (7: 186); **Заворкова'ть** 'Начать ворковать' (7: 187); **Заворова'ться** *Прост.* Пуститься во взяточничество, казнокрадство' (7: 187); **Зага'вкать** 'Начать гавкать' (7: 191); **Загорди'ться** 'Возгордиться' (7: 190); **Загорева'ть** 'Начать горевать' (7: 190); **Заго'рье** 'Местность, находящаяся за горой, горами' (7: 201); **Загуля'ть** '1. Начать гулять, кутить, пьянствовать.' Вытрезвившись опять загулял. САР¹ II 429 (7: 205).

– с приставкой **о-**: **Объ'ление**, **Объ'ливание**, **Объ'лка** (15: 227); **Опла'кивание**, **Опла'чивание** (17: 21); **Опоганѣние** (17: 25); **Опо-**

²⁸ Словарь русского языка XVIII века. Проект. С. 13–14.

га́ниться—Опога'ниваться (17: 26); Опое'ние (17: 27); Оправдате'льница (17: 37); Опра'вдывание (17: 38); Оправле'ние (17: 38); Опу'тание (17: 57); Опу'шение и Опу'шивание (17: 58); Остекленѣ'ть (17: 159); Осу'шивание (17: 180) и др.

– с приставкой *об-*: Оббѣ'жа'ть—Оббѣ'га'ть '1. Пробежать вокруг кого-, чего-л.' Оббѣ'жать дом. 2. Обогнать, опередить на бегу. Оббѣ'жать лошадь. САР¹ I 422 (15: 211); Оббѣ'жа'ние и Оббѣ'га'ние (15: 211); Обде'ргивание (15: 220); Обвари'ться—Обва'риваться 'Обжечься горячей жидкостью' (15: 212); Обвини'тельный 'Содержащий обвинение' (2). Обвинительный отвѣ'т. Обвинительная рѣ'чь. (15: 215); Обвини'тельница (15: 216); Обво'щи'ть—Обва'щивать 'Обмазать воском' (15: 218); Обга'дить—Обга'живать 'Запачкать. Обгадить платье.' (15: 219); Обгни'ть—Обгни'ва'ть 'Испортиться от гниения; загнить со всех сторон' (15: 219); Обку'сывание (15: 246); Облома'ться—Обла'мываться 'Сломаться (о частях, концах и т. п. чего-л.)'. Зубья у гребня обломались. Сучья у дерева обломались. САР¹ III 1303 (15: 264) и др.

– с приставкой *обез-*: Обеззабо'тить—Обеззабо'чивать 'Лишить забот, освободить от забот'. САР¹ III 4 (15: 223); Обеззабо'титься—Обеззабо'чиваться 'Освободиться от хлопот, забот'. Пристроив дѣтей к мѣсту обеззаботился. САР¹ III 4 (15: 223); Обезлю'дѣть 'Стать безлюдным' (15: 224); Обезору'житься—Обезору'живаться 'Лишиться оружия' (15: 225) и др.

– с приставкой *от-*: Отодвигá'ние и Отодвиги'вание (17: 225); Отдвигнó'й (17: 225); Отде'ргивание (17: 231); Отду'мывание (17: 233); Отзы'вчиво (17: 242); Откарау'лить (17: 245); Откача'ться—Отка'чиваться (17: 246); Отколюче'ние и Откола'чивание (17: 249) и др.

Абсолютное большинство из приведенных и целый ряд других приставочных слов, представленных в КС XVIII только материалами САР¹, в СРЯ XVIII сопровождаются знаком вхождения (<).

Большое количество приставочных образований, некоторые из которых носят несколько искусственный характер (например, Отдумывание, Отколючение), объясняется тем, что перед составителями САР¹ стояла задача как можно шире показать связи слов (системные отношения) и ввести в словарь все возможные образования²⁹. Об общей задаче составителей говорит то, что при корневом принципе расположения слов в словаре однотипные приставочные образования распространяются на слова, занимающие разное алфавитное место и бывшие материалом разных составителей.

²⁹ Например, по подсчетам Е. Э. Биржаковой, под глаголом *иду* помещено 273 словарных строки. См.: Биржакова Е. Э. Лексикография XVIII века... С. 108.

«При этом принцип употребительности того или иного производного слова нередко отступал на второй план, поскольку среди действительно употребительных слов, подтверждаемых различными текстами XVIII в., находят-ся и такие, которые не нашли документального подтверждения в несловар-ных источниках. ... По-видимому, ведущим было стремление продемонст-рировать регулярность в образовании словопроизводных рядов и заполнить «пустые ячейки» словами, образуемыми по живым моделям языка»³⁰.

С другой стороны, значительное число приставочных слов, приведен-ных в САР¹, имеет в современном языке активное употребление, и с опре-деленной долей вероятности можно говорить об их бытовании в устной речи, а отсутствие фиксации в текстах можно объяснить их редким про-никновением в письменный язык. В доказательство сказанного можно при-вести следующие примеры. Слово *Заторговать* представлено в КС XVIII только цитатой из САР¹, однако в грамотах Антониево-Сийского монасты-ря отмечено причастие *Заторгованный* (форма причастия в КС XVIII от-сутствует): Что же ваше высокопреподобие изволите приказыва^т бра^т намъ заторговано^и хлѣ^б а у кого и кѣм заторгованъ о томъ не то^лко я но и братия никто не знаютъ и не торговали. 1776 г.³¹ Слова *Обжидать* и *Обселить*, также вошедшие в КС XVIII по данным САР¹, обнаруживаются в докумен-тах, связанных с русскими географическими открытиями на Дальнем Вос-токе, причем, в более ранней фиксации: На житъе велено перевести охот-ников крестьян из Ылимского уезду или из других мест семей до пятиде-сят, а тунгусов хотя десятка три, и обселить при Охотке и на пути в урочи-ще, называемом Крест (1731 г.); Ежели, паче чаяния, до американских бе-регов или островов дойти будет невозможно за великими льдами, в таком случае с крайним радением усматривать, обжидая по разсуждению такого времени, когда оной лед, ... минет (1732 г.)³².

2. В СРЯ XVIII есть правило: в отдельных случаях («для слов релик-товых, старой терминологии, слов региональных, профессионализмов, обо-значений специфических предметов быта, обихода, культа и т. п.»³³) в ка-честве словарной дефиниции использовать определение толкующей части словаря XVIII в. САР¹ в этом отношении используется чаще других слова-рей: *Драч* 1. «Двуручный струг, которым два человека строгают доски».

³⁰ Биржакова Е. Э. Лексикография XVIII века... С. 109.

³¹ Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.; Смоленск, 2001. С. 71.

³² Русская Тихоокеанская эпопея / Сост. В. А. Дивин. Хабаровск, 1979. С. 160, 172.

³³ Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источни-ков. С. 29.

САР¹ II 636 (6: 253); **Друга'к** «У пивоваров так называется другая наливка на тот же затор, по спускъ первого сусла». САР¹ II 765; **Дуби'новат** «Прил. Употребляемое к означению челоу'ька нескладнаго ростом, или глуповато-го, непроворнаго» (7: 22); **Душнице'к** «Сосудец для хранения духов» (7: 48); **Единому'дрие** «Согласное с к'ьм мудростование». САР¹ IV 315 (7: 65); **Жи'ла**² «В простонародии называют того, кто привык спорить в какой либо игр'ь». САР¹ II 1165. Не играй с ним, он превеликой жила. САР¹ II 1165 (7: 137); **Жук** «4. Червоточина, повреждение древесины». В бревн'ь много жуков или жучин. САР¹ II 1195 (7: 147); **Коло'дица** *Охотн.* «Пасть или ловушка, в Сибири для ловления соболей употребляемая». САР¹ III 559 (10: 100); **Нере'то** «Рыболовное орудие на подобие верши из прутьев сплетенное» (15: 51); **Нете'ка** «Говорится о сусл'ь, когда оно из спутника по густот'ь и вязкости затора, или худо положенных колосников мало или с трудом течет». САР¹ VI 81 (15: 93); **Ни'тяник** «Нитяный балахон» (15: 153); **Ной** «Боль, глухой лом в каком либо член'ь животного». САР¹ IV 573 (15: 177); **Ночни'ца** «Женщина сидящая ночью у больной или у госпожи какой» (15: 188); **Нут'ник** «Кто приставлен к понуждению кого д'ьлать что» (15: 200); **Оба'бки** «Называются так инд'ь грибы, изв'ьстные под именем опенков» (15: 208); **Облива'нец** *Церк.* «Кто крещен поливальным крещением» (15: 258) и др.

3. Информация о слове, извлеченная из САР¹, может касаться значения, которое представлено в САР¹, но не имеет подтверждения в других источниках: **Дрань** 2. 'Драная бумага'. В стоп'ь много драни. САР¹ II 636 (6: 252); **Дю'жинный** 1. 'Отн. к дюжине; продаваемый или покупаемый дюжинами'. Пропала дюжинная вилка. Дюжинные часы. САР¹ II 929 (7: 55); **Ежева'тый** 1. 'Неуступчивый, несговорчивый.' Он и сам ежеват. САР¹ II 948 (7: 72); **Жва'ка** и **Жва'чка** 2. 'Табак, употребляемый для жевания'. Он не престанно держит за щекою жваку, жвачку. САР¹ II 1057 (7: 99); **Зава'рка** 2. 'Мука или какой-л. корм, заваренный кипятком'. Заварка из отрубей. САР¹ I 499 (7: 172); **Заве'ртка** 'Задвижка (на двери, ставнях), вращающаяся вокруг гвоздя, которым прибита'. Звертка у дверей, у окошка, у ящика. САР¹ I 643 (7: 174); **Нескла'дица** 2. 'Отсутствие стройности, связности'. В сей пов'ьсти никакого н'ьт порядка, но сущая нескладица. (15: 61); **Обволо'чь—Обвола'кивать** 2. 'Волоком протащить вокруг чего-л.' (15: 217); **Обвяза'ние** 1. 'Действ. по гл. обвязать' (15: 218); **Обкла'дка** 1. 'Действ. по гл. обкласть—обкладывать'. Заплатить за обкладку пруда дерном. 2. 'То, чем обкладывают или обложено что-л.' (15: 245); **Опахн'уться** 3. чем. '*Простореч.* Окутаться, обвернуться; завернуться во что-л., не застегиваясь' (17: 11); **Оп'утать** 3. 'Оговорить' (17: 57); **Отд'ёрнуть** 4. 'От-

влекъ от какого-л. занятия'. Я было принялся за дѣло, да меня отдернули (17: 231); **Откачнѹтъся** 1. 'Качнувшись, отклониться в сторону' (17: 246); **Отклик** 1. 'Ответ на зов, обращение' (17: 248); **Отковѣтъся** 1. 'Закончить работу, связанную с кованием' (17: 249); **Отколотитѣ** 1. 'Отбить приколоченное, заколоченное' (17: 249) и др.

4. Если слово помещается в СРЯ XVIII только по его фиксации в САР¹, то оно может сопровождаться иллюстрацией–речением из САР¹: **Дутик** '*Простореч.* 1. Какая-л. вещь из металла или стекла, полая внутри'. На бусы употребляют шарики, дутики. Пуговицы не литые, а дутики. САР¹ II 837 (7: 34); **Загости'тъся** 'Пробыть в гостях очень долго'. Загостились гости. У них не загостишься. САР¹ II 278 (7: 201); **Обезживо'титъ** 1. 'Утомить непосильным трудом'. Эта ноша меня обезживотила. САР¹ II 1132. 2. 'Избить, довести до изнеможения побоями'. Если не перестанешь мотать, велью обезживотить. САР¹ II 1132 (15: 223).

5. САР¹ нередко выступает источником грамматических сведений, недостающих в КС XVIII: форма **Дрягну'тъся** (*однокр.*) при несов. в. **Дряга'тъся** '*Простореч.* Отбиваться (руками и ногами)' (7: 20); **Забо'тно** 2. '*безл. предикат.* кому.хлопотно, много забот'. Всякому крестьянину в лѣтнюю пору заботно. САР¹ III 3 (7: 165); **Неслыханно** 2. '*безл. предикат.* О чем-л. небывалом, необычном, беспремерном'. Неслыханно, чтобы такое когда случилось. САР¹ V 563 (15: 65); **Обда'тъ–Обдава'тъ** 2. '*безл.* Охватить со всех сторон.' Как скоро вошел со двора в избу, обдало меня паром. САР¹ II 497 (15: 220); форма несов. в. глагола **Обли'зываться** дана в СРЯ XVIII по САР¹ (со знаком вхождения –<1) (15: 259) и др.

6. Одна из лексикографических проблем – проблема словарных помет. В частности, при характеристике лексики XVIII в. – это проблема определения принадлежности слова к тому слою, который связан с церковнославянской традицией. Анализу представления церковнославянской лексики в САР¹ и СРЯ XVIII посвящена статья З. М. Петровой и Е. А. Захаровой, в которой показано соотношение помет: *Сл.* в САР¹ и *Слав.* (при словах из церковнославянского источника), *Церк.-слав.* (при словах, восходящих к языку церковных книг), *Кн.-слав.* (при словах, наиболее широко употреблявшихся в первых десятилетиях XVIII в. в текстах книжно-славянского типа языка) и *Церк.* (при терминах церковного обихода и церковных уставов) в СРЯ XVIII³⁴, обоснованное в Проекте СРЯ XVIII³⁵. Иногда стилистическая характеристика, данная в САР¹, полностью учитывается в СРЯ

³⁴ Захарова Е. А., Петрова З. М. Церковнославянская лексика... С. 28.

³⁵ Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л., 1977. С. 112–113.

XVIII: например, слова **Едина'чество** 'То же, что одиночество', **Едине'ние** 'Согласие, единодушие', **Едини'ти** 'Соединять, совокуплять', **Едини'тися** 'Соединяться, совокупляться' (7: 60) в СРЯ XVIII сопровождаются пометой *Слав.* в соответствии с пометой *Сл.* в САР¹. Однако часто совпадения помет нет. Помета *Слав.* ставится или не ставится не всегда в полном соответствии с показаниями САР¹ или САР². Например, слово **Единонра'вие** сопровождается в СРЯ XVIII пометой *Слав.* (в КС XVIII иллюстративного материала нет, представлена только карточка-цитата из САР¹, причем, слово не сопровождается текстовыми примерами), хотя в САР¹ и в САР² оно дано без помет, о чем сообщается в справочном отделе СРЯ XVIII (7: 66). То же самое касается слова **Единонра'вный**: КС XVIII содержит 3 карточки-цитаты из ЛП, ВЛ и САР¹. Отнесение данных слов к славянизмам связано с их генетическим источником и сферой функционирования. Помета *Сл.*, данная в САР¹, в СРЯ XVIII может быть заменена пометой *Церк.*, если употребление слова связано с обозначением понятий богослужения. Например, слова **Елеопома'затися** и **Елеопома'зоватися** в САР¹ и САР² даны с пометой *Сл.*, но в СРЯ XVIII они сопровождаются пометой *Церк.*, а сведения из САР¹ и САР² приведены в справочном отделе (7: 77).

Слово **Дѣяние** в САР¹ определяется как 'Действие, дело, происшествие' и сопровождается пометой *Сл.* (II: 888). СРЯ XVIII представляет всю семантическую многогранность данного слова, устанавливая у него три основных значения с разными оттенками и типами сочетаемости (1. 'Научн. Действие, процесс, процессуальность; противоп. вещь, предмет, предметность'. 2. 'Событие, происшествие'. 3. *мн.* 'Периодическое издание или сочинение, описывающее результаты какой-л. деятельности') (6: 121–122). Помета *Сл.* снята, поскольку слово отмечено у разных авторов, нередко в нейтральных по своей окраске контекстах: Успѣхи, учиненные в художествах, науках и политикѣ, не вывели из моды .. варварскаго обыкновения пить даже до излишества. Оно всегда царствует в Сѣверных частях сего острова <Великобритании>, в коих сей остаток варварства почитается за дѣяние гостеприимства. Дом. леч. I 312. Дѣяние всякое разполагается по времени; оттуда и глаголы разположены по временам. Рдшв Пут. 438.

То же самое можно сказать о слове **Дѣятель**, которое в САР¹ имеет помету *Сл.*, но не подтверждено никакими контекстами (II: 888), в СРЯ XVIII помета снята. Данное слово является новообразованием XVIII в. и показано со знаком вхождения – ◁ (6: 122). КС XVIII содержит единственную лексикографическую фиксацию данного слова (САР¹), а иллюстративный материал представлен только III-м периодом (1 цитата из письма А. М. Кутузова к А. И. Плещеевой 1790 г. и 2 цитаты из работы

А. Н. Радищева «Письмо о китайском торге» 1792 г. с аналогичным контекстом): Временность есть земля, человек – дѣятель, дѣянія – сѣмена, а будущее – плоды. Псм мас. 55. Первые <люди> суть дѣятели торга и онаго побуждения; другие токмо пособия, и чрез сколько рук товар пройдет; толикому числу людей даст он упражнение. Рдшв Торг. 76.

Разделение в СРЯ XVIII помет *Простореч.* и *Простонар.* (в САР¹ им соответствует помета *Простонародн.*) мотивируется необходимостью показать более точную (уточняющую) характеристику лексики, связанной с функционированием в народно-разговорной речи: помета *Простореч.* характеризует лексику экспрессивно сниженную, связанную с речью различных социальных слоев и характерную для литературных произведений низких жанров; помета *Простонар.*, характеризуя речь непривилегированных сословий, показывает, в первую очередь, противопоставленность слова понятиям «общепринятости», «литературности», «нормативности»³⁶. Например, в САР¹ слова **Дуралѣй**, **Дурачіна**, **Дурачіще**, **Дурища**, **Дурында** даны в синонимическом ряду с общей пометой *простонародн.* (II 800); в СРЯ XVIII каждое из этих слов дано на своем алфавитном месте и сопровождается более дифференцированной характеристикой принадлежности к определенному слою лексики: **Дуралей**, *Простореч.* (7: 31); **Дурачина**, *Простореч.* (7: 32); **Дурачище** и **Дурачища**, *Простореч.* (7: 31); **Дурища**, без пометы (7: 30); **Дурында**, *Простонар.* (7: 34).

Таким образом, использование материалов САР¹ в СРЯ XVIII в. носит разноаспектный характер (САР¹ – один из самых цитируемых в СРЯ XVIII источников: например, 17-й выпуск содержит 809 отсылок к САР¹, в 18-ом выпуске, подготовленном к печати, их 933) и подчинено, с одной стороны, доверию к живым носителям языка описываемого периода, с другой – четкому следованию правилам, определенным в Проекте Словаря русского языка XVIII века.

³⁶ Словарь русского языка XVIII века. Проект. С. 111–112, 117.

ЛОКАЛИЗМЫ В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ» И «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»

А. В. Волынская

Словарь... есть собрание и хранилище языка, из которого всякий писатель выбирай что ему надобно и всякий читатель узнавай что он знать желает.

*А. С. Шишков*¹

На рубеже XVII–XVIII вв. в русском языке происходили процессы, приведшие к окончательному исчезновению литературного двуязычия. Церковнославянский язык постепенно был оттеснен на второй план. Литературный язык XVIII в. формировался на основе языка общенародного. «При этом живая разговорная речь являлась одним из его важнейших источников в силу широты ее социальной базы, многообразия и богатства ресурсов, самопроизвольного развития и обогащения в процессе постоянного общения»². Влияние разговорной стихии на письменную отражалось, прежде всего, в пополнении лексического состава литературного письменного языка XVIII в. за счет используемых разговорных, просторечных, диалектных элементов.

Все процессы, происходившие в лексической системе русского языка XVIII века, так или иначе нашли свое отражение в выдающемся лексикографическом труде этого времени – Словаре Академии Российской 1789–

¹ Шишков А. С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. 1. С. 21.

² Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. С. 5.

1794 гг. (далее – САР¹). В русской филологической науке он расценивается как первый академический толковый словарь русского языка.

При этом составители САР¹ воспринимали свой словарь как нормативный, образцовый, поэтому решение об отражении в нем маргинальных языковых явлений принималось особо. Непростым было положение и об «областных» словах. «Составители Словаря со временем отказались от первоначального решения вводить все областные слова “без изъятия”, придя к выводу, что из областных слов следует оставить те, которые своею “ясностью, силою и краткостью могут служить к обогащению языка, или означают тех стран произведения (т. е. предметы), или, наконец, могут послужить к замене слов иностранных”» (Предисловие к Первому тому САР¹, стр. IX)³.

Территориально ограниченная лексика, отраженная в САР¹ и его втором издании (САР² – 1806–1822 гг.), подробно проанализирована И. М. Мальцевой⁴. Исследователь использует для обозначения данной группы слов термин *локализмы*, определяя его как «слова территориально ограниченные по распространению, вошедшие в литературный язык в результате его взаимодействия с диалектами, народно-разговорной речью и местной специальной терминологией»⁵.

И. М. Мальцева считает, что составители САР¹ разграничивали региональные элементы, вошедшие в литературный язык (сюда относились лексемы, употребляемые в письменных источниках XVIII в.), и диалектизмы, относящиеся к нелитературной речи (в САР¹ эти слова имеют помету «областное»)⁶. Это утверждение исследователя вызывает некоторые сомнения. Даже для современных лексикологов и лексикографов, имеющих в своем распоряжении кодифицирующие словари, не всегда очевидным оказывается стилистическая и социально-территориальная отнесенность той или иной единицы, поскольку лексика является наиболее изменчивой и подвижной системой языка. XVIII же век – это время наиболее динамичных лексических изменений. «Для лексической системы языка XVIII в. <...> характерны необычайная динамичность и чрезвычайно высокая словарная избыточность. Источники ее находились в активных процессах переинте-

³ Чернышева М. И. Состав и структура Словаря Академии Российской // Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2002. Т. 2. С. 12–46.

⁴ Мальцева И. М. Локализмы в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 102–117.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ Там же. С. 113.

грации языковых образований, <...> в передвижении лексических пластов и отдельных слов от периферии к центру <...> и от центра к периферии»⁷.

Очевидно, что общая языковая ситуация, в которой находились носители русского языка во второй половине XVIII в., интенсивность происходящих в нем процессов, отсутствие устоявшихся языковых норм не могли позволить составителям Академического Словаря четко разделить региональные лексические элементы, вошедшие в литературный язык, и диалектные лексемы, остававшиеся за его границами. В силу вышесказанного мы рассматриваем эти языковые единицы как равноправные и употребляем в данной статье термин *локализм* в его традиционном значении: «местное слово, провинциализм. Слово (или выражение), употребление которого ограничено такой-то областью, таким-то городом и т. п. и которое неизвестно в литературном образце данного языка»⁸. Исследования показали, что некоторые из данных лексем, зафиксированных в САР¹, действительно вошли в систему литературного языка, многие же так и остались за его границами – в диалектах либо в просторечии⁹.

Составители САР¹ включали в словник местные лексемы, представленные, в основном, в различных записках путешествий второй половины XVIII в., которые являлись, по сути, журналами научных экспедиций, совершавшихся в различные регионы страны по решению Академии наук или частными лицами.

Наиболее обширным и значительным трудом в ряду таких записок является «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова (СПб., 1755, т. 1–2), участвовавшего в Северной экспедиции 1733–1743 гг. Это самый цитируемый из подобных источников в САР¹. Достаточно часто используются также цитаты из «Путешествия по России для исследования трех царств естества» С.-Г. Гмелина (СПб., 1771–1785 гг., ч. 1–3), «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1771–1805, ч. 1–4) и др.

⁷ Сердобинцев И. Л. Очерки по истории русского литературного языка первой половины XVIII в. (К истории функционально-стилистической системы). Саратов, 1975. С. 19.

⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 222. (Нужно заметить, что данный термин не имеет единого толкования в современном языкознании, однако, как правило, используется для обозначения диалектизмов, употребляемых в художественном тексте или в литературной речи. Сейчас он характерен для работ по социолингвистике. См., напр.: Ерофеева Е. В. и др. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 2002).

⁹ Мальцева И. М. Локализмы... С. 116–117.

Большая часть локализмов в Словаре Академии Российской имеет указание на достаточно точную ареальную характеристику слова: «В Камчатке», «У Козаков Уральских», «В Сибири», «На Волге», «В Поморье» и под. Например: **Бѣляк**. *На Волгѣ сим именем называется ход рыб рунами в разныя времена года* (I:448); **Килидан**. *Рыболовная снасть, на рѣкъ Оби употребляемая ...* (III:528); **Лахтак**. *Род тюленя, которой величиною бывает больше быка. Водится в Пенжинском и Восточном морях. Камч. ист. I 262. 165* (III:1144); **Наволоок**. *В поморьѣ называется морской берег, пред прочим берегом возвышенный, или выдавшийся* (I:775) и др.

Помета «областное» дается в САР¹ лишь у нескольких слов, у которых определить точную локализацию, по-видимому, не было возможности, но составители Словаря решили включить их в словник. Например: **Блинцы**, *област.* *Блины с тварогом или яицами; сырники* (I:228); **Левашник**, *областное.* *Пирог ягодами приправленный, праженый в масле* (III:1151).

Некоторые слова не имеют ни той, ни другой пометы, в таком случае их областной характер определяется по источнику, из которого они попали в Словарь, – запискам путешествий. Например: **Саксурки**. *Овчинки долгошорстныя как черныя, так и пестрыя. Пал: пут. III. 142*¹⁰ (V:327); **Слопец**. *Род ловушки. Пут. Палл. II 226 и III 88* (V:551); **Падласы**. *Путла у лыж, в которыя становятся ногами. Камч. ист. I 244* (III:676) и др.

Составителям САР¹ подчас было непросто отделить просторечные языковые элементы от областных. В словаре зафиксировано большое количество слов с пометой *простонар.*, *прост.*, *в просторечии*. О противоречивости и субъективности употребления данных помет подробно сказано в работе Г. П. Князьковой¹¹. Она же осторожно говорит о том, что в Словаре Академии Российской большое количество «простонародных» слов, «выявляющих тенденции к локальной ограниченности»¹². Данные Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (далее – КС XVIII), описание слов в более поздних областных словарях, в том числе в словаре В. И. Даля, позволяют нам отнести некоторые из таких слов к разряду локализмов. Например:

Слово *пестеря* в САР¹ помет не имеет. Как «*простонар.*» оно отмечается только в САР²: **Пестеря**. *Берестеник; кузов, сплетенный из береста.* (САР¹ III:780); **Пестеря**. *Простонар.* То же (САР² IV:1051). Между тем, материалы КС XVIII, данные диалектных словарей доказывают явно ло-

¹⁰ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788. Ч. 1–3.

¹¹ Князькова Г. П. Русское просторечие... С. 17–19.

¹² Там же. С. 20.

кальный характер данного слова: **Пестеря́** и **Песте́рь**. *Простонар. Песте́рь* – кузов плетеной из лык или берестов. Вят. сл. 450¹³ (СРЯ XVIII, из материалов вып. 19). Авторитет САР¹ в данном случае не позволил составителям Словаря русского языка XVIII в. определить слово как областное, несмотря на явно диалектный материал, подтверждаемый и данными словаря В. И. Даля: *Пёстер м. песте́рь м. сев. вост., песте́ря, песте́рюга м. пеще(о,у)р, вост., твр., тмб., пехте́рь м. арх. кур. орл. тамб., пихте́рь м. орл. кур. тул. ...* (III:104).

Некоторые локально ограниченные лексемы оказываются в САР¹ вообще без помет. Например, слово **Гайно́**. *Гнѣздо, дѣлаемое свиньями из соломы и дрязгу* (II:16). В КС XVIII других фиксаций этого слова нет, что подтверждает ограниченность его употребления. Словари XVIII в. его не фиксируют. Материалы словаря Даля также указывают на то, что это слово употреблялось в различных фонетических и семантических вариантах в разных говорах и не носило общезыкового характера: *Гайно, гайнище или ганьище, гойно ср. гнездо зверя; сиб. влгд. гнездо белки, логово лисы, кунницы и пр. || Астрх. кабанье логово в камыше; такое же логово бобра, тигра в камышах Арала; || сиб. хлев, особенно свиной, грязный, навозный уголь в хлеву; постилка для свиней. || Новг. влгд. гайло, хайло, пасть, зев, широкое горло, глотка. || Арх. произн. также гуйно, шалаш вежа, временной приют; или род болока на карбасе, от непогоды; Гойно, гайно сев. зап. и сиб. логово, логовище, гнездо небольшого зверя, белки, кунницы; устланный соломою свиной хлев* (I:340, 366). В СРЯ XVIII эта лексема не представлена.

К группе локализмов, отмеченных в САР¹ как *простонародные* или не отмеченных совсем, можно отнести и такие слова, как *вареги, вахлять, дубец, жемок, жигнуть, мальга, манька* и мн. другие. Возможно, трудности и противоречия, с которыми столкнулись составители САР¹ при характеристике данных слов, связаны с ситуацией, описанной Г. П. Князьковой, когда группа слов «диалектного источника, часто встречающихся в литературных памятниках низкого и отчасти среднего стиля и в нелитературных памятниках, подтверждающих их довольно широкое распространение в разговорной речи, составляла с самого начала периферийный слой данной категории, к концу века постепенно уходящий из нее <...> в народные говоры»¹⁴.

Словарь русского языка XVIII в. является историческим, а не нормативным словарем. Одним из принципов его составления стал принцип наи-

¹³ Указатель источников см. в кн.: Словарь русского языка XVIII в. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 56–139.

¹⁴ Князькова Г. П. Русское просторечие... С. 78.

более полного отражения в нем лексики письменных источников XVIII столетия. Источниками Словаря стали письменные памятники самых различных жанров. Как отмечают авторы Проекта словаря, «памятники письменности нередко имеют диалектную окраску, в их состав проникают местные слова и областные фонетико-морфологические варианты слов, отражающие живой узус разговорной речи авторов и переписчиков. <...> Многие писатели, ученые и филологи XVIII в. обращаются к региональной лексике в поисках недостающих звеньев словарного состава литературного языка. Словарь включает *всю особую местную лексику* (курсив мой. – А. В.), встретившуюся в его источниках, независимо от степени ее употребительности в них и от ее позднейшей судьбы по отношению к литературно-языковой норме»¹⁵.

Источниками локальной лексики в Словаре русского языка XVIII в. явились, прежде всего, так же, как и при составлении САР¹, записки путешественников. Список их, по сравнению с источниками, использованными авторами САР¹, был значительно расширен. Кроме того, большое количество незафиксированных в САР¹ слов из уже известных источников получили свое описание в СРЯ XVIII. Например: **Оранец**. Обл. (Сиб.) *Обметов у них <якутов> нѣтъ, чего ради как они конец собольяго слѣду увидят у какой норы в оранцѣ, то окуривают устья ближних нор дымом*. Краш. ОЗК I 260 (17: 64); **Отпускная рыба**. Обл. *Живая рыба, после ловли выпускаемая рыбаками в специально подготовленное озеро и повторно вылавливаемая во время первых морозов. Отпускную рыбу сажают в озера, которыя соединяют рвом с рѣкою*. Пут. Леп. I 54 (18:67).

Кроме того, источниками локализмов явились специальные публикации записей областных слов, такие как «Слова и речи Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые», 1772 г.¹⁶ (Вят. сл.); «Краткое некоторых речей, в Устюге Великом и прочих окрестных градах от тамошних обитателей употребляемых. Собр. по алфавиту». 1754–1757 гг.¹⁷ (Уст. сл.), а также различные фольклорные сборники (Анекдоты древних пошехонцев. Соч. Василья Березайского. СПб., 1798; Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770 и др.). Например: **Осенесь**, нареч. Обл. *Осенесь – осенью*. Уст. сл. 445. (17:96); **Остеклеть**. Обл. *Стать пьяным, напиться. Остеклел – пьян стал напился*. Уст. сл. 446

¹⁵ Словарь русского языка XVIII века. Проект. / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 20.

¹⁶ Симоны П. К. Материалы по истории старинной русской лексикографии // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 1. С. 448–450.

¹⁷ Там же. С. 444–447.

(17:159); **Останыш**. Обл. *Осталось по сю сторону только человек восемь или девять .., и сии то останыши должны были поддерживать бревно*. Анекд. пошех. 70 (17:153); **Налохтатъ**. Обл. *Похлеbatъ (?)*. Тѣм море не погано, что псы налохтали. Брвсв Посл. 212 (13:235).

Источниками локализмов, включенных в словник Словаря, стали и рукописные образцы местного делового письма, которые в первоначальном списке источников отсутствовали совсем, но постепенно стали привлекаться к использованию в работе по пополнению картотеки, например: Столбцы из Архива Онежского Крестного монастыря (АО (Арх.))¹⁸; Акты Иверского Валдайского монастыря XVIII и нач. XIX вв. (А. Ивер. м. Росп. 1721 г.), Акты Кунгурской земской судной избы (А. Кунгур. з. избы)¹⁹; большое число Таможенных книг Архангельска, Каргополя, Мезени, Болхова, Брянска, Курска и др., памятники тюменской и иркутской письменности²⁰. Например: **Оплотина**. Обл. *Крайнее бревно сплавляемого в виде плотов леса. Подредились мы .. у плах и у оплотин востреки обсецти*. Пам. Тюм. 341. (17:24).

СРЯ XVIII отражает сложную языковую ситуацию, при которой слова местного характера могли оказываться в произведениях и научного характера: **Мятик**. Обл. *От севера иногда мелкие льды, называемые мятик, носит*. Лом. АСС VI 510 (13:113), – и поэтического: **Бирюльки**. Обл. *Дуда, свирель. Нѣтъ дѣл, – играю на бирюлькѣ, Средь Муз с Горацием пою*. Држ. Соч. I 175 (2:24), – и в публицистических изданиях: **Орга**. Обл. *Болотистое топкое место, покрытое мхом и поросшее кустарником и лесом. По обѣм сторонам ... <Онежского> озера растет темной лѣс, в котором множество находится камня, щелья, болот и орг (орга) или луж чащею покрытых*. МИГ 1791 63 (17:67).

Как правило, в Словаре русского языка XVIII в. локализмы отмечают пометой *Обл.* «С помощью помет <...> в Словаре выделяются только наиболее очевидные, типовые случаи преимущественной приуроченности слова к языковой среде, территориально или социально ограниченной»²¹. Как отметили авторы Проекта, «Словарь не может ставить специальной

¹⁸ См. Дополнение № 3 к указателю источников // Словарь русского языка XVIII в. Л., 1989. Вып. 5. С. 255.

¹⁹ См. Дополнение № 5 к указателю источников // Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1997. Вып. 9. С. 4.

²⁰ См. Дополнение № 8 к указателю источников // Словарь русского языка XVIII в. СПб., 2005. Вып. 15. С. 4; Дополнение № 9 к указателю источников // Словарь русского языка XVIII в. СПб., 2007. Вып. 17. С. 4.

²¹ Словарь русского языка XVIII в. Проект... С. 116.

задачи конкретного определения диалектной стратиграфии словоупотребления. Однако в тех случаях, когда материалы картотеки Словаря дают возможность более или менее точно очертить диалектный ареал распространения слова, в скобках вслед за пометой *Обл.* приводятся краткие указания на говор или наречие, в которых слово употреблялось»²². Например: **Огибень.** *Обл. На Севере – деревянная промысловая лодка, обтянутая моржовой кожей; байдара* (16:158); **Одындра.** *Обл. (Сиб.) Одындры называются кожи старых и посредственных оленей, осенью битых.* ЕС 1756 345 (16:203).

При разграничении местного и простонародного, литературного и не-литературного авторы СРЯ XVIII сталкиваются с теми же трудностями, что и авторы САР¹; не всегда наблюдается единообразие в отражении локализмов. Часто определить лексему как областную не позволяет характер источников. Так, в приведенном ниже примере САР¹ локальный характер слова показан в самом его толковании; авторы СРЯ XVIII, практически повторяя определение САР¹, не дают пометы *Обл.*, поскольку слово отмечено в источнике нерегионального характера:

САР¹ II 1013: **ЁРИК.** *На низовой Волгѣ и по берегам Каспийскаго моря так называют небольшие ручьи. Горкой ерик. Соленой Ерик.*

СРЯ XVIII 7 80: **ЁРИК**¹. *Небольшой ручей, протока (в низовьях Волги, возле Каспийского моря). Под городками зажгли камыш, которые стоят по ерику.* ЖКФ 1695 30.

Однако во многих случаях данные САР¹ корректируются, авторы СРЯ XVIII сопоставляют лексикографические данные, материалы картотеки и уточняют характер стилистических помет при отдельных словах:

САР¹ I 170: **Бирю́к.** *Татар. В низовых мѣстах так называют волка.*

СРЯ XVIII, 2, 24: **Бирю́к.** *Обл. 1. Волк. САР¹ I 170. Бирюком во многих городах волка называют.* Поденщ. 130.

²² Там же. С. 118.

Отури́ть. Обл. Речн. «На быстром мѣстѣ оборотить судно в низ по течению воды». САР¹ VI 330 (СРЯ XVIII, 18, 120). В САР¹ это слово дается без помет.

Иногда маркировать слово как областного не позволяет авторитет самого источника. Так, например, северное *ободверина*, употребленное в работе М. В. Ломоносова, в СРЯ XVIII как областное не обозначено (16:29). И напротив, подтверждаемый словарями диалектный характер слова *окатый*, употребленного А. Н. Радищевым, позволил определить его как *областное: Окаты́й*²³. Обл. *То же, что окатистый. Отъехав несколько, горы береговые становятся ниже, не утесисты, а окаты*. Рдцв ПСС III 296 (16:224).

Актуальным остается дальнейшее пополнение картотеки Словаря материалами местной письменности. Привлечение даже одного источника может значительно расширить и украсить словник Словаря.

Приведем в качестве примера материалы рукописной **Книги приходо-расходной Николо-Корельского монастыря** 1751 г.²⁴ Как уже отмечено, источники СРЯ XVIII пополняются региональными рукописными памятниками²⁵, однако их состав может быть расширен. Не имея возможности подробно проанализировать здесь этот источник, обратим внимание на те лексемы (в большинстве своем локальные), которые не получили отражения в Словаре русского языка XVIII века.

В рукописи употреблены две лексемы общерусского характера в формах, не отмеченных словарем (сов. вид): **Вымакать**. С того бычка вышло сала і вымакано свѣчь дватцеть Ѡу^нто^в про мн^стрской вбихо^д за мака^не и за свѣте^лно дано тритцеть копѣекъ (л. 23); **Выскать**. Ис того воску сего «751» го^{ду} выскано промѣнных свѣчь на чetyрнатцеть рублевъ на дватцеть на пять копѣекъ (л. 1). Нет в словаре и уменьшительной формы областного слова **кочмара** (10:213): А^рхангелогоро^дцв посацко^{му} члвку Федору Иевлеву сѣн Патракѣву продано мн^стрское морех^одное сѣ^лно кочма^рка со всею сна^стию (л. 6).

Несколько слов из указанной рукописи могли бы пополнить список словообразовательных и др. вариантов слов: **Величальный, Жатница, Желобастый**.

²³ В значении «покатый, отлогий» это слово в XIX в. употреблялось в псковских и тверских говорах (СРНГ 23:116).

²⁴ ГААО, ф. 191, оп. 2, № 325; 26 л.

²⁵ *Малышева И. А.* Новые источники Словаря русского языка XVIII века // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. научн. тр. памяти З. М. Петровой. СПб., 2007. С. 261–275.

Слова *Доильница* ‘ведро для дойки’, *Житенный* ‘старший на житнице’, *Ломовой (тес)* ‘тес, вытесанный из бревен, расколотых пополам по длине’, *Насѣка* ‘плотницкий инструмент’ употреблены в книге в значениях, не отмеченных СРЯ XVIII: Куплено тритцеть ѡди^н ушатъ да семь вѣдр с кровлями три дои^лницы за все дано рубли семдесятъ ѡ^дна копейка (л. 23 об.); Житенны^м Стефано^м Мохнаткины^м мимоѡдѹщи^м людемъ в ра^ны^х чи^слѣхъ за проданную в разновѣскѹ просо^лную рыбу троску высыпано и^з ящика рубли сорокъ двѣ копейки (л. 3 об.); Мн^ст^ркия кр^стъяна по^лр^ядили^с вытесать домового тесу Терентеи Корѣ^лски^х пятьдесятъ .. тесницъ (л. 25 об.) и т. д.

И, наконец, ряд слов оказывается для картотеки Словаря XVIII века новыми: *Довзять*. Довзято у него Андрея денгъ дватцать восемь рублев (л. 5 об.); *Недойный*. Проданы мн^ст^рские за старостию четыре коровы недойные днѣ взято восемь рублевъ пятьдесятъ копѣекъ (л. 6 об.); *Носник* ‘моряк, находящийся на носу судна’. Ѡ^тпра^вленно^{му} в Устюгъ Великий .. поверенному Ивану А^нд^рееву снѹ Черепанову на платеж ѡ^т мн^ст^ря до Устюга носнику да ко^пмщику .. на расплату дано денгъ сорокъ восемь рублевъ (л. 20 об.); *Реш*. Петръ Вешняко^в былъ в Хо^лмогора^х ради разоб^рания решовъ стары^х соляны^х а^нбаро^в (л. 18), а также лексемы *Сельдянка*, *Прошнурный*, *Снишный (замок)*, *Трикирейный*, *Угожество*, *Удебный*, *Церен*, *Церенный*.

Таким образом, вопрос о принципах и особенностях подачи локализмов в историческом словаре остается и сейчас актуальным, как актуальным является и постоянное пополнение словника словаря за счет использования памятников местной деловой письменности.

**ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
В СОБРАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ИРЛИ РАН
(по материалам выставки «Слава Академии Российской»,
посвященной 225-летию учреждения Российской академии)**

Е. В. Кочнева

Основание портретной галереи членов Российской академии относится к началу XIX века. 25 марта 1802 года высочайшим указом было отпущено 25 тысяч рублей для строительства нового здания Российской академии. В 1802–1804 годах по проекту архитектора А. А. Михайлова на Васильевском острове был сооружен центральный корпус (нынешний адрес – 1-я линия Васильевского острова, дом 52)¹. Помещения в здании Академии распределялись следующим образом: бельэтаж из пяти комнат принадлежал неперемennomу секретарю, на втором этаже находился зал академических собраний, примыкавшие к нему боковые комнаты были отданы под библиотеку и секретарскую. Для украшения зала собраний и предназначались портреты членов Российской академии².

Инициатором создания портретной галереи являлся, по всей вероятности, тогдашний президент Академии А. А. Нартов. К такому выводу приводит изучение материалов «Записок заседаний Российской Академии» за 1802–1812 годы, хранящихся ныне в Санкт-Петербургском филиале архива

¹ Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской академии). Л., 1986. С. 33–34; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002. С. 43.

² Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз... С. 36.; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции...». С. 160.

Академии наук: бо́льшая часть корреспонденции, связанная с покупкой, заказом и передачей в дар академическому собранию портретов, адресована на его имя.

Формирование коллекции началось еще до окончания постройки здания. Так, в 1802 году была приобретена копия³ портрета А. П. Сумарокова работы неизвестного художника, переданная в Академию его племянником П. И. Сумароковым (илл. 1). В сопроводительном письме на имя А. А. Нартова он писал: «Отправляя при сем портрет покойного Александра Петровича Сумарокова я в приятности вместе ощущаю: во-первых, что доставляю тем вашу волю, а во-вторых, что доставляю тени дяди моего столь почтенное пребывание. Я, помня его очень хорошо, смею уверить ваше превосходительство, что изображение его весьма сходственно, и остается теперь делать, чтоб младые наши писатели, взирая на его черты, поощрялись следовать по проложенной им стезе»⁴.

В том же 1802 году М. М. Херасков дарит Академии свой гравированный портрет. В письме к Нартову от 18 июля он сообщал:

«Милостивый государь мой, Андрей Андреевич!

Императорская российская Академия вознамерясь поставить в зал собрания своего, *между прочими изображениями писателей и членов ее* (курсив мой – Е. К.), обогативших слогом своим российскую словесность, и мой портрет, делает мне такую лестную честь, которой я едва ли достоин.

Впрочем, в угодность ей и Вашему превосходительству я не замедлил бы доставлением портрета моего в сие достопочтенное место, когда бы мог найти скоро искусного живописца для списания копии с оригинала. До времени же изготовления того, не благоугодно ли Вам будет принять эстамп мой, гравированный одним из лучших художников в С-Петербурге, и довольно сходный с подлинником. С истинным моим почтением и преданностью есмь,

Вашего Превосходительства

Милостивого государя моего, Михайла Херасков»⁵.

³ Оригинальный подписной портрет А. П. Сумарокова, выполненный Ф. С. Рокотовым в 1762 году, в настоящее время находится в собрании Государственного музея латышского и русского искусства в Риге. Авторское повторение, датированное 1777 годом, – в Государственном историческом музее в Москве. Подробнее см.: *Романычева И. Г., Римская-Корсакова С. В.* Федор Степанович Рокотов. СПб., 2008. С. 107–108, 110–111.

⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 190. В 1912 г. портрет А. П. Сумарокова экспонировался на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». По определению одного из организаторов выставки барона Н. Н. Врангеля, портрет предположительно принадлежит кисти Ф. С. Рокотова. Процитированное письмо П. И. Сумарокова позволяет отвести определение Врангеля и атрибутировать портрет как работу неизвестного художника, возможно, школы Рокотова.

⁵ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 201.

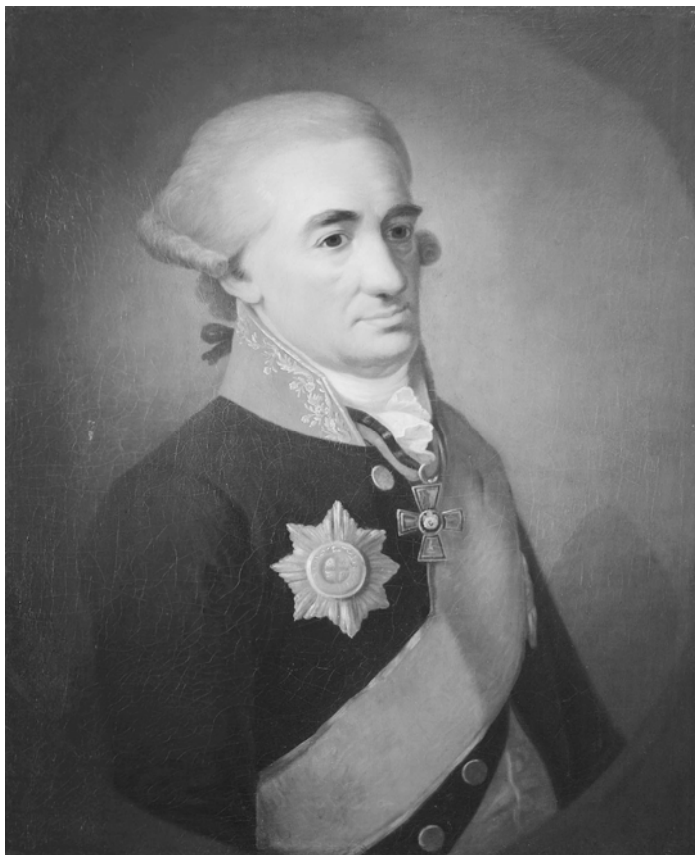
Илл. 1. *Неизвестный художник с оригинала Ф. С. Рокотова 1762 г.*
ПОРТРЕТ А. П. СУМАРОКОВА.
Конец XVIII – начало XIX в. Х., м.

В 1808 году, после смерти М. М. Хераскова, его вдова, Е. В. Хераскова, передала в дар Академии оригинальный живописный портрет мужа работы художника К. Гокке (илл. 2)⁶.

Основной принцип комплектования портретного собрания, заложенный уже в первые годы его существования, заключался в приобретении портретов не только действительных и почетных членов Российской Академии, но также тех ученых и литераторов, которые внесли значительный вклад в развитие отечественной словесности до ее основания. Обнаруженное нами в Санкт-Петербургском филиале Академии наук постановление Академии от 27 августа 1804 года гласило: «Собрание, находя приличным украсить Залу, в которой имеет оно свои заседания, живописными изображениями не токмо Г<оспода> членов Акад<емии>, трудными своими в пользу Росс<ийского> языка отличившихся, но и других особенным знанием и сочинениями в Росс<ийской> словесности знаменитых особ, положило: заказать по той же цене упомянутому живописцу Попову⁷ на первый случай снять копии с портретов князя Кантемира, Г<осподина> Ломоносова, и Г<осподина> Тредиаковского (портрет же Г<осподина> Сумарокова в Академии уже имеется). Также бывших членов Академии: Гавриила Митр<ополита> Новгородского, Самуила Митр<ополита> Киев<ского>, Иннокен<тия> Арх<иепископа> Псков<ского>, Ивана Перфильевича Елагина, Ивана Никитича Болтина, Ивана Ивановича Лепёх<ина> и Як<ова> Бор<исовича> Княж<нина>. Господ же членов ныне Росс<ийскую> Акад<емию> составляющих просит о доставлении в оную своих портретов, кому из них благо<угод>но будет. И во первых просить чрез письмо Ея Сиятельство Княгиню Екат<ерину> Романовну Дашкову, ходатайству представлению (так в рукописи. – Е. К.) которой у Государ<ыни> Императрицы Екат<ерины> II-й Академ<ия> учреждением своим обязана, и Г<осподина> Дейст<вительного> Тайн<ого> Сов<етника> Михаила Мат<вееича> Хераскова, дабы они благоволили доставить в Акад<мию> свои портреты. При чем Г<оспода> присутствовавшие члены просили Его Превосходит<ельство> Г-на Презид<ента> Акад<емии> доставить в оную свой портрет, на что Его Пр<евосходительст>во отвечал, что он принимает таковое собрания

⁶ ПФА РАН, Ф. 8, оп. 1, д. 13, л. 114.

⁷ В августе 1804 года художник Попов выполнил по заказу Академии портрет архиепископа Псковского Ириней (Клементьевского). См.: ПФА РАН, Ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 105.

Илл. 2. *К. Гокке*. ПОРТРЕТ М. М. ХЕРАСКОВА.
Конец 1790-х – начало 1800-х. Х., м.

желание за особенную для себя честь, портрет свой сообщить Акад<емии> соглашается»⁸.

В 1804 году по заказу Академии для украшения зала академических собраний известным живописцем И.-Б. Лампи Младшим были выполнены парадные портреты в рост императрицы Екатерины II, «яко основательницы Росс<ийской> Акад<емии>» и императора Александра I, «яко обновителя и покровителя оныя»⁹.

Портрет Екатерины II представлял собой копию с известного портрета работы отца художника И.-Б. Лампи Старшего 1793 года, хранившегося в Эрмитаже¹⁰. Портрет же Александра I должен был представлять собой оригинальную композицию, эскиз которой был утвержден на очередном собрании Академии 23 февраля 1804 года: «Г<осподин> Презид<ент> Акад<емии> и собрание рассматривали представленное сего числа живописцем Иоганном Лампием начертание портрета Государя Императора Александра I-го, положили: бюст Императора Петра Великого представить прямым (т. е. анфас. – Е. К.), а не в профиль; на пьедестале же вместо пирамиды поставить обелиск, по обоим сторонам которого написать изображения стихотворства и красноречия с приличными им принадлежностями, и чтобы г. Лампий, сделав сии поправки в представленном от него начерта-

⁸ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 105–106. В Записках заседаний Российской академии имя художника Попова больше не упоминается. По учетным документам Литературного музея ИРЛИ известно, что портреты А. Д. Кантемира (1810) и митрополита Гавриила (Петрова) (1808) выполнены П. Алькиным (См.: Инвентарная книга Литературного музея ИРЛИ № 3 С. 269), портреты митрополита Самуила (Миславского) и И. П. Елагина – учеником Академии художеств Василием Ивановым (ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 16, л. 110). В собрании Литературного музея ИРЛИ находятся портреты М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского работы неизвестного художника, датированные 1800-ми годами. Возможно, их автором является Попов, но архивными сведениями это предположение не подтверждается. Кроме того, в списке портретного собрания Императорской Академии наук, опубликованного Д. А. Ровинским в 4-м томе «Подробного словаря русских гравированных портретов» не упоминаются портреты И. Н. Болтина, И. И. Лепёхина и архиепископа Псковского Иннокентия. Вероятно, они так и не были созданы (См.: *Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов*. СПб., 1889. Т. IV. Ст. 254–259). Живописный портрет Я. Б. Княжнина был написан в 1854–1858 годах Н. И. Поливановым по гравюре Ф. Форопонтова по заказу министра просвещения А. С. Норова и позже присоединен к собранию Императорской Академии наук (См.: *Модзалевский Б. Л. Сорок шесть литографированных портретов членов Российской Академии*. СПб., 1911. С. 27).

⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 16 об.

¹⁰ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 25. В настоящее время портрет Екатерины II работы И.-Б. Лампи Старшего находится в собрании Государственного Эрмитажа. См.: Государственный Эрмитаж. Собрание западноевропейской живописи. Научный каталог в 16 томах. Флоренция, 1987. Т. XIV. Немецкая и австрийская живопись XV–XVIII вв. С. 465.

нии, начал писать помянутый портрет красками, дабы оный к положенному сроку был изготовлен»¹¹. Как обозначено в протоколе заседания Академии от 27 августа 1804 года, портреты были живописцем успешно выполнены: «два большие портрета, один Екат<ерины> втор<ой>, а другой Государя Императора Александра Первого, которые в Акад<емии> уже доставлены (выдать ему – взято в скобки и зачеркнуто – Е. К.) следующие по договору деньги всего 1200 (рублей – Е. К.)»¹².

Значительное количество поступлений приходится на конец 1800-х – начало 1810-х годов. Среди них портрет президента Академии – А. А. Нартова, написанный в 1808 году художником П. Алькиным (илл. 3). Выполненный с большим профессиональным мастерством, он имеет на обороте следующую надпись, сделанную, по всей видимости, рукой художника: «Андрей Андреевич Нартов, Действительный Тайный Советник, Президент Императорской Российской Академии и вольного Экономического Общества, Орденовъ св. Анны первой степени и Датского Данеброга Кавалер, разных Академий и ученых обществ почетный член. Сей портрет писан в 1808 году, когда ему было от роду 72 года П. Алькиным». Портрет был передан в дар Российской Академии самим Нартовым 11 июля 1808 года¹³.

В том же году живописцу Алькину было поручено создать серию оригинальных и копийных портретов для зала заседаний Академии. Среди оригинальных портретов следует отметить изображение митрополита римско-католических церквей Российской Империи Станислава Иоанна Сестренцевича-Богуша, выполненный, по-видимому, в конце 1800-х годов. Тогда же по заказу Академии Алькин создал несколько копий с известных портретов, среди которых выделяются изображения князя А. Д. Кантемира (копия с несохранившегося оригинала Я. Амикони 1735 года, илл. 4) и графа И. И. Шувалова.

Кисти Алькина ошибочно приписывался и портрет архиепископа Ростовского и Ярославского Павла (Пономарева) 1810 года. Как указано Д. А. Ровинским, он был исправлен академиком К.-Я. Каниевским в 1836 году¹⁴. На основании изучения протоколов заседаний Российской акаде-

¹¹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 32 об. Можно предположить, что композиция портрета Александра I, изображенного с фигурами Красноречия и Стихотворства, восходила к композиции портрета Екатерины II И.-Б. Лампи Старшего, известного также как портрет Екатерины II с фигурами Истины и Крепости.

¹² ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 107. К сожалению, местонахождение этих портретов неизвестно.

¹³ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 165.

¹⁴ Ровинский Д. А. Т. IV. СПб., 1889. Ст. 256.

Илл. 3. *П. Алькин*. ПОРТРЕТ А. А. НАРТОВА. 1808. Х., м.

Илл. 4. П. Алькин с оригинала Я. Амикони 1735 г.
ПОРТРЕТ А. Д. КАНТЕМИРА. 1800-е. Х., м.

мии оказалось возможным установить подлинное имя автора портрета – Петр Федорович Рыбников¹⁵. Выписка из протокола собрания Академии от 15 января 1810 года гласит: «...живописцу Рыбникову, за написанный им портрет бывшего Академии Члена Преосвященного Павла Архиепископа Ярославского <выдано> тридцать рублей»¹⁶.

Живописец П. Ф. Рыбников (1789 –?) обучался в Академии художеств в портретном классе академика С. С. Щукина в период с 1800 по 1809 годы. После окончания он был назначен учителем рисования в Одесскую коммерческую гимназию¹⁷. Датировка портрета 1810 годом также представляется ошибочной: судя по документам, он был выполнен художником в конце 1809 года.

В начале 1808 года епископом Старорусским Евгением (Болховитиновым) в Академию был передан «точный список портрета Феофана Прокоповича, Архиепископа Новгородского (илл. 5), <...> который принят собранием с благодарностью, и, положено: сделав к сему портрету гладкую позолоченную раму, поставить его в Зале Академических собраний»¹⁸.

К тому времени портретная галерея Академии насчитывала уже более десяти портретов, о чем свидетельствует выписка из протокола от 19 декабря 1808 года: «Охтенскому (так! – Е. К.) мастеровому Николаю Букину за сделанные им для портретов в зале Академии Российской находящихся, одиннадцать рам с порезкою, вызолоченные червонным золотом постановили выдать сто десять рублей из экономической суммы Академии Российской»¹⁹.

В первой половине 1809 года собрание пополнилось портретами двух очень значимых для истории Российской Академии лиц – княгини Е. Р. Дашковой (илл. 6) и графа Д. И. Хвостова (илл. 7).

На заседании Академии 2 января 1809 года президент А. А. Нартов «предложил собранию портрет Княгини Катерины Романовны Дашковой, доставленный ею из Москвы для зала Академического. Собрание, приняв портрет сей с удовольствием, препоручило Секретарю, уведомив Ее Сиятельство о получении оного портрета, изъявить ей благодарность, именем

¹⁵ О нем см.: Кондаков С. Н. Императорская Санкт-Петербургская Академия Художеств. 1764–1914. Пг., 1914. Ч. 2. Список русских художников. С. 171; Петров П. Н. Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. Т. 1. С. 580.

¹⁶ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 15, л. 12 об.

¹⁷ См.: Целищева Л. Н. Степан Семенович Щукин. М., 1979. С. 236.

¹⁸ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 22 об.

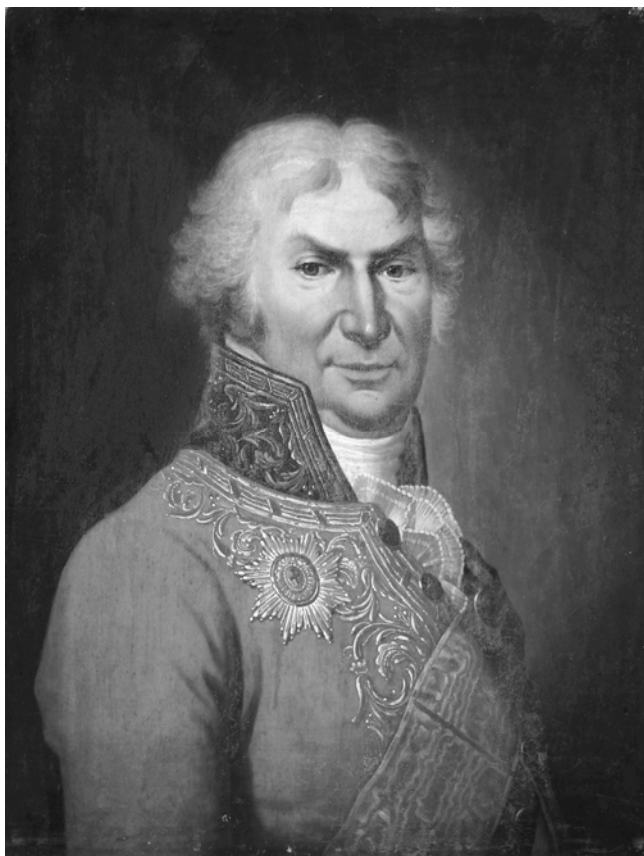
¹⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 267 об.

Илл. 5. *Неизвестный художник с оригинала XVIII в.*
ПОРТРЕТ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА. 1800-е. Х., м.

Илл. 6. *Неизвестный художник с оригинала 1790-х гг.*
ПОРТРЕТ Е. Р. ДАШКОВОЙ. 1808. Х., м.

Илл. 7. *С. С. Щукин (1762–1828).*
ПОРТРЕТ Д. И. ХВОСТОВА. 1808–1809. Х., м.

Академии»²⁰. На парадном поколенном портрете Е. Р. Дашкова представлена в образе президента Российской академии в своем рабочем кабинете. Один из томов Словаря Академии Российской в ее руках подчеркивает ее роль как вдохновительницы этого фундаментального научного труда. Известны четыре портрета Дашковой данного иконографического типа: два из них находятся в Москве – в Государственном Историческом музее и в Президиуме РАН, один – в Литературном музее ИРЛИ РАН и еще один, подаренный Дашковой своей подруге Марте Вильмот, – в частном собрании в Англии²¹.

До сих пор между искусствоведами ведутся споры о том, кисти какого художника принадлежит портрет Дашковой и какой из четырех портретов – оригинальный. Высказывались предположения о том, что оригинал – это портрет Дашковой из собрания Российской академии, находящийся ныне в Пушкинском Доме. Однако в 2002 году М. Ш. Файнштейн в книге, посвященной истории Российской академии, опубликовал письмо Е. Р. Дашковой А. А. Нартову, проливающее свет на историю создания этого портрета.

21 августа 1808 года в ответ на просьбу Нартова предоставить ее портрет для украшения зала заседаний Академии Дашкова писала: «Письмо Вашего Превосходительства, выражающее лестное для меня Российской Академии желание оказать мне честь сохранить в своей зале мой портрет, утешительно чрезмерно для меня, за что и приношу покорное свое благодарение. Я сего же дня в Москву отпишу, дабы *лучший русский художник, списал копию поставленного в Московском университете портрета моего* (курсив мой – Е. К.)»²².

Таким образом, портрет из собрания Пушкинского Дома – копия, заказанная самой Дашковой с оригинала, находящегося в Москве. Осталось лишь установить имя «лучшего русского художника» – автора портрета...

В 1809 году подарил Академии свой портрет граф Д. И. Хвостов²³. Портрет не имеет ни подписи, ни даты, но, тем не менее, принадлежит к бесспорным произведениям академика портретной живописи С. С. Щу-

²⁰ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 14, л. 2.

²¹ См.: Столбова Е. И. Портреты княгини Е. Р. Дашковой / Екатерина Романовна Дашкова. Материалы и исследования. СПб., 1996. С. 166–168; Stolbova E. I. Portraits of Princess Dashkova // The Princess and the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin and the Age of Enlightenment. Philadelphia, 2006. P. 100, 104; Ренне Е. П. Портрет Е. Р. Дашковой в частном собрании в Англии // Воронцовы – два века в истории. СПб., 2002. Вып. 7. С. 79–82.

²² Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...». С. 181 (ориг. – ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 202).

²³ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 14, л. 153.

кина. Как следует из протокола заседания Академии от 22 мая 1809 года, «Его Сиятельство граф Дмитрий Иванович Хвостов сообщил для Зала Академического собрания живописный свой портрет и во время собрания читал сочиненные им стихи к живописцу, оный портрет писавшему»²⁴. Стихотворное посвящение Д. С. Хвостова С. С. Щукину известно под названием «Живописцу моему»:

Искусно ты меня, художник, написал,
С оттенкой купно свет волшебнo сочетал,
И сам чрезмерно рад, что кончил труд счастливо.
Любуясь мастерством, ты смотришь горделиво
И громко говоришь: «ступай теперь, Хвостов,
Награду получить достойную трудов <...>»²⁵.

Как большинство стихотворений Д. И. Хвостова, «Живописцу моему», снабжено подробным комментарием автора, содержащим, между прочим, ценное описание портретов на стенах академической залы: «Зала собрания Росс<ийской> Академии украшена портретами; на правой стороне со входа портреты знаменитых наших писателей, кончивших жизнь свою до основания Академии, как то: Князь Кантемир, Князь Хилков, Феофан Прокопович, Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский. На левой стороне портреты членов, между которыми находится по желанию покойного Президента Нартова, и портрет сочинителя, писанный Академиком Щукиным»²⁶.

На основании подробного изучения протоколов заседаний Российской академии удается установить важную роль Д. И. Хвостова в деле формирования академического портретного собрания. На протяжении ряда лет он жертвовал значительные денежные суммы на оплату труда художников-копиистов, а также подарил несколько копий с портретов умерших членов Российской академии. Из них хочется выделить портрет Д. И. Фонвизина (прекрасная копия с оригинального портрета А.-Ш. Караффа 1784–1785 гг.)²⁷, а также копии с портретов А. Д. Кантемира и А. В. Олсуфьева работы П. Алькина²⁸. Нам удалось установить, что в конце 1811 года на средства, пожертвованные Д. И. Хвостовым, ученик Академии художеств

²⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 14, л. 153.

²⁵ Цит. по: Полное собрание стихотворений графа Хвостова. СПб., 1829. Т. 3. Послания к разным лицам. С. 61.

²⁶ Там же. С. 163.

²⁷ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 16, л. 113–113 об.

²⁸ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 15, л. 58.

Василий Иванов снял копии с портретов И. П. Елагина и митрополита Киевского Самуила (Миславского)²⁹.

Одним из самых значительных поступлений начала 1810-х годов является портрет Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского, ныне хранящийся в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина. Поэт изображен на нем почти прямолично, в красном сенаторском мундире. На обороте имеется следующая надпись: «Писанъ на 68 году отъ рожденья въ 1811 году Г-номъ Боровиковскимъ»³⁰. В январе 1812 года портрет был передан в дар Российской академии самим Державиным со следующим сопроводительным письмом на имя А. А. Нартова, текст которого обнаружен нами в архиве ПФА РАН:

«Милостивый государь мой, Андрей Андреевич!

По желанию вашего высокопревосходительства, имею честь препроводить к вам портрет мой на благоугодное ваше распоряжение. Пребываю в прочем с истинным моим почтением и таковою же преданностью вашего высокопревосходительства Милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин. Генваря 24 дня 1812 года»³¹.

Портретная галерея Российской академии продолжала активно пополняться и во время президентства А. С. Шишкова. В это время в Академию поступают изображения членов Академии, выполненные такими известными мастерами, как О. А. Кипренский (портрет А. С. Шишкова, 1825), А. Г. Венецианов (портрет Н. М. Карамзина, 1829), В. А. Тропинин (портрет И. И. Дмитриева, 1835), А. Г. Варнек (портреты А. Х. Востокова, 1803–1804, и А. П. Буниной, около 1825), Б.-Ш. Митуар (портрет Д. О. Баранова, конец 1820-х), К.-Я. Каниевский (портрет П. И. Соколова, 1830), В. И. Демут-Малиновский (скульптурный портрет М. В. Ломоносова, 1821), М. И. Иванов (портрет Г. Р. Державина, 1822) и другие.

А. С. Шишкову принадлежит идея первого издания портретного собрания. На заседании Академии 31 августа 1835 года, готовясь к 50-летию юбилею Академии, он предлагает «издать посредством литографии портреты всех членов Академии, со времени основания оной, с приложением краткого жизнеописания каждого из них»³².

На следующем заседании, 7 сентября 1835 года, принимается решение о создании особого «Портретного комитета», задачей которого были

²⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 16, л. 110–110 об.

³⁰ См.: Инвентарная книга № 3 Литературного музея ИРЛИ, С. 260.

³¹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 17, л. 138.

³² Модзалевский Б. Л. Сорок шесть... С. 1.

подбор и подготовка портретов к изданию. В его состав вошли члены Академии В. А. Поленов, К. М. Бороздин и А. И. Михайловский-Данилевский. Позднее, по предложению Шишкова, в Комитет также вошли В. И. Панаев как «любитель художеств и почетный член Академии художеств» и В. М. Перовицков³³.

Участники «Портретного комитета» разработали свод правил, определявших, каким образом должны издаваться портреты. Они были изложены в специальной Записке, выпущенной 5 октября 1835 года. Согласно этим правилам, следовало:

«1) Издавать портреты, с присоединением кратких жизнеописаний, токмо тех действительных и почетных Членов Академии, кои окончили уже земное свое поприще, относительно же Членов живущих – ограничиться одним изгготовлением их портретов для издания впоследствии.

2) Жизнеописания сии, – кроме указания времени рождения, смерти, вступления в Академию и места, какое кто занимал в свете, – должны заключать в себе:

а) исчисление литературных трудов Члена, о коем идет речь;

б) важнейшие обстоятельства его жизни;

в) отличительные черты характера, буде можно собрать о том сведения;

г) достойные внимания анекдоты, если таковые с ними случались. Все сие должно быть изложено кратко, не более, как на четырех печатных страницах, – кроме немногих изъятий, могущих зависеть от обилия предметов.

3) Просить Академию напечатать список всем скончавшимся (так! – *Е. К.*) и разослать оный, и состоящим ныне на лицо членам, с тем, чтобы благоволили сообщить Академии известные им сведения о жизни, смерти и творениях покойных.

4) Равномерно просить Академию отнестись к родственникам умерших Членов, которых портретов в ней не находится, о присылке оных, а между тем неотлагательно приступить к литографированию тех, кои уже имеются»³⁴.

Члены Комитета обратились к председателю Общества Поощрения художников графу В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу с просьбой «указать искусных художников, коим можно бы было поручить литографирование

³³ Там же. С. 2, 3, 14.

³⁴ Там же. С. 4–5.

портретов»³⁵. По рекомендации последнего к изданию были привлечены известные художники-графики – А. А. Калашников, М. А. Кашенцев и И. С. Щедровский. Печатались портреты в литографическом заведении А. О. Мошарского. Предполагалось издать серию из 56-ти портретов членов Академии и «славных русских писателей, кои жили до основания оной». Но запланированный объем работ полностью выполнен не был: не все члены Академии, которым было поручено написать биографии к портретам, справились с этой работой. В связи с этим решено было издавать портреты без биографий. Всего было издано сорок семь портретов.

В 1841 году, после закрытия Российской академии, выпуск литографий прекратился. Принадлежавшее же ей собрание портретов в 1842 году, по распоряжению министра народного просвещения графа С. С. Уварова, было передано в ведение министерства народного просвещения, которое в те годы располагалось в здании на Чернышевой площади, построенном по проекту К. И. Росси в 1828–1834 годах (современный адрес – площадь Ломоносова, д. 1/3). Помещенная в приемную залу министра, коллекция в 1854–1858 годах увеличилась за счет портретов «лиц, не принадлежавших к составу ни той, ни другой Академии»³⁶.

В 1854–1858 годах министр просвещения А. С. Норов заказал художнику-любителю Н. И. Поливанову серию портретов российских литераторов XVIII–XIX веков: Я. Б. Княжнина, В. А. Озерова, И. И. Хемницера, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова и др. Большинство из них написано по гравюрам. Но некоторые изображения, такие, как портреты Н. В. Гоголя (с оригинала Ф. А. Моллера 1841 года) и М. Ю. Лермонтова (восходит к акварели К. А. Горбунова 1841 года), представляют собой копии с известных оригиналов. Выполненные довольно грубо и шаблонно художником, не обладавшим достаточным талантом и мастерством живописца, они, по мнению одного из первых исследователей академического собрания Б. Л. Модзалевского, «лишены какого бы то ни было художественного или исторического значения»³⁷.

³⁵ Там же. С. 7–8.

³⁶ Там же. С. 27.

³⁷ Там же. С. 28. В настоящее время точка зрения Б. Л. Модзалевского представляется спорной. Действительно, большинство портретов поливановской серии выполнено недостаточно профессионально, но среди них есть и довольно удачные, такие как портреты Н. В. Гоголя и А. С. Грибоедова (оба – в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина). Создание же портретов литераторов, не входивших в состав Российской академии, продолжает, как представляется, традицию, заложенную в начале XIX в. А. А. Нартовым, заказывавшим для академического собрания изображения не только членов Академии, но и тех литераторов и ученых, которые внесли значительный вклад в развитие отечественной словесности.

В начале 1862 года, по распоряжению нового министра народного просвещения А. В. Головнина, портретная галерея Российской академии (насчитывавшая к тому моменту шестьдесят восемь портретов) была передана в Императорскую Академию наук и объединена с хранившимся там собранием портретов³⁸.

Первое подробное описание портретной галереи Академии наук (куда входило и собрание портретов Российской академии) было опубликовано в 1889 году Д. А. Ровинским в приложении к четвертому тому «Подробного словаря русских гравированных портретов»³⁹. В качестве источника он использовал составленную для него архивариусом Академии наук В. П. Шемиотом заметку «Собрание портретов в Императорской Академии наук», которая была опубликована по распоряжению неперменного секретаря Академии наук К. С. Веселовского в 1887 году⁴⁰. Позже описанием академической коллекции занялся один из основателей Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский, напечатавший в 1905 году в «Известиях Императорской Академии наук» список живописных и скульптурных портретов, которые принадлежали Академии⁴¹.

В 1911 году Б. Л. Модзалевский издал две книги с описанием обнаруженных им на складе академической типографии портретов, под названием: «Сорок шесть литографированных портретов членов Российской Академии» (СПб, 1911) и «Сорок семь литографированных портретов членов Российской Академии» (СПб, 1911), снабдив их вступительной статьей об истории этой коллекции⁴². Источником для нее послужило

³⁸ Б. Л. Модзалевский сообщает список переданных портретов, не входивших в собрание Российской академии: «Сверх перечисленных выше 47 портретов, составляющих собственно собрание Российской Академии, в Академию были переданы еще следующие 21 портрет: 1) Я. Б. Княжнина, 2) В. А. Озерова, 3) А. С. Грибоедова, 4) И. И. Козлова, 5) М. Ю. Лермонтова, 6) Д. В. Давыдова, 7) Я. И. Бердникова, 8) И. А. Крылова, 9) Н. В. Гоголя, 10) И. И. Мартынова, 11) К. Н. Батюшкова, 12) графа П. В. Завадовского, 13) А. С. Норова, 14) князя А. Н. Голицына, 15) графа С. С. Уварова, 16) В. А. Жуковского, 17) князя П. А. Ширинского-Шихматова, 18) графа А. К. Разумовского, 19) Н. И. Новикова, 20) И. Ф. Богдановича и 21) И. И. Хемницера». (Модзалевский Б. Л. Сорок шесть... С. 28).

³⁹ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь... Т. II. Ст. 110–111, Т. IV. Ст. 254–259.

⁴⁰ Модзалевский Б. Л. Сорок шесть... С. 28.

⁴¹ Модзалевский Б. Л. Список портретов и бюстов, находящихся в Императорской Академии наук / Известия Императорской Академии наук, V серия, 1905, Т. XXII, С. VII–XIV.

⁴² Б. Л. Модзалевский так объясняет разное количество портретов в сериях: «Конференция Императорской Академии наук, по докладу неперменного секретаря – академика С. Ф. Ольденбурга, постановила (протокол Общего собрания 9-го сентября 1906 г., § 154) выпустить в свет сборник всех имевшихся в наличии портретов, сопроводив его кратким вступительным текстом. При выяснении наличного количества экземпляров портретов, пере-

«Дело Портретного комитета», хранившееся в архиве Конференции Академии наук⁴³.

В начале XX века академическая коллекция попадает в поле зрения известных искусствоведов и устроителей художественных выставок – барона Н. Н. Врангеля и С. П. Дягилева, благодаря которым многие портреты экспонировались на таких знаменитых выставках, как «Историко-художественная выставка русского портрета в Таврическом дворце» (1905) и «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912)⁴⁴.

С наступлением советской эпохи собрание стало утрачивать свою целостность: портреты крупными партиями передавались в другие учреждения. Вероятно, именно благодаря инициативе старшего ученого хранителя Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского, большая часть портретной галереи Российской академии оказалась в 1920–е–1930-е годы в Литературном музее ИРЛИ РАН. Передача коллекции проходила в несколько этапов: первая крупная партия (свыше пятидесяти живописных и скульптурных портретов) поступила в 1923 году. Единичные поступления состоялись также в 1925–1927, 1930 и 1937–1938 годах.

Дальнейшая судьба академической коллекции складывалась довольно драматично: в 1953 году ряд ценных с художественной точки зрения портретов были переданы в только что созданный Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Среди них – портреты Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского, И. И. Дмитриева работы В. А. Тропинина, Н. М. Карамзина работы А. Г. Венецианова, Н. И. Гнедича работы М. П. Вишневского,

данных в 1907 г. в архив Конференции Академии из книжного склада, выяснилось, что среди них не оказалось ни одного экземпляра портретов девяти лиц: 1) митрополита Евгения Болховитина, 2) архиепископа Ириней Клементьевского, 3) Ивана Петровича Мартоса, 4) Адама Васильевича Олсуфьева, 5) Александра Сергеевича Пушкина, 6) митрополита Самуила Миславского, 7) Дмитрия Прокофьевича Трошинского, 8) Дениса Ивановича Фонвизина и 9) Александра Семеновича Хвостова, а портреты: 10) Г. Р. Державина и 11) князя Г. А. Потемкина-Таврического имеются лишь в небольшом количестве экземпляров <...>. Поэтому из всей серии портретов Конференция постановила <...> составить и издать две серии: одну – в 47 портретов в количестве 50 экземпляров и другую – в 46 портретов в количестве 100 экземпляров». См.: *Модзалевский Б. Л.* Сорок шесть... С. 23–24.

⁴³ ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1835, д. 62. В процессе изучения материалов протоколов заседания Российской Академии, выяснилось, что труды Д. А. Ровинского и Б. Л. Модзалевского содержат ряд неточностей в определении авторства, датировок и истории создания портретов.

⁴⁴ См.: Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот, павших в бою воинов. СПб., 1905; Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912. Отдел VII. Ломоносов. Академия наук. Московский университет (с предисловием Б. Л. Модзалевского).

К. Н. Батюшкова (копия Ф. И. Игина с оригинала О. А. Кипренского), В. А. Озерова, А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя работы Н. И. Поливанова.

Одной же из самых серьезных утрат целостности собрания является передача в 1946 году поясного портрета А. С. Шишкова работы О. А. Кипренского на временное хранение в Москву в Президиум АН СССР, откуда в 1984 году он поступил на постоянное хранение в Государственную Третьяковскую галерею.

К сожалению, собрание портретов Российской академии на долгое время выпало из поля зрения исследователей: за исключением Б. Л. Модзалевского, никто не пытался изучать его как единое целое, хотя отдельные портреты неоднократно экспонировались и публиковались. При этом большая часть коллекции неизвестна специалистам. Она никогда не экспонировалась в своем полном составе. Между тем, она включает в себя уникальные, единственные в своем роде, изображения представителей российской словесности XVIII–XIX веков. Таковы, например, портреты В. Г. Рубана работы А. Ф. Клипекова (1786), В. П. Петрова работы неизвестного художника (1790-е), И. И. Мартынова работы неизвестного художника (I-я четверть XIX в.), А. П. Буниной работы А. Г. Варнека (около 1825) и другие.

Попыткой продемонстрировать научной общественности это замечательное, но незаслуженно забытое собрание стала выставка «Слава Академии Российской: портретная галерея Российской Академии в собрании Пушкинского Дома», прошедшая в выставочных залах Литературного музея ИРЛИ РАН с 30 октября 2008 по 15 марта 2009 года⁴⁵.

Три раздела временной экспозиции были посвящены трем периодам существования Российской академии: эпохам президентства княгини Е. Р. Дашковой (1783–1796), А. А. Нартова (1801–1813) и А. С. Шишкова (1813–1841). Всего в трех залах музея было представлено 62 живописных и 3 скульптурных портрета членов Российской академии. Наряду с классическими, неоднократно выставывавшимися портретами Е. Р. Дашковой, А. П. Сумарокова, В. Г. Рубана, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, Д. И. Хвостова, А. П. Буниной, А. Х. Востокова, было представлено несколько малоизвестных полотен. Среди них выделялись портреты второго

⁴⁵ Автор выражает искреннюю признательность и благодарность за помощь в организации выставки ученому секретарю ИРЛИ РАН А. А. Костину, заведующей Литературным музеем ИРЛИ Л. Г. Агамалян, главному хранителю Рукописного отдела ИРЛИ М. В. Родюковой, сотрудникам Литературного музея ИРЛИ Е. Н. Монаховой, Д. О. Лаптеву, Е. Ю. Герасимовой, В. Н. Иголкиной и Ю. В. Белянской, сотрудникам библиотеки ИРЛИ Н. С. Беляеву, Н. А. Колобовой и Т. И. Черниковской.

президента Российской академии А. А. Нартова (П. Алькин, 1808), почетных и действительных членов Академии: князя А. А. Безбородко (копия в натуральную величину с оригинала И.-Б. Лампи Старшего 1794 г. из Государственного Эрмитажа), князя А. Б. Куракина (неизвестный художник, 1790-е), князя Г. А. Потемкина (копия с оригинала И.-Б. Лампи Старшего), П. В. Бакунина Меньшого (копия с оригинала Д. Г. Левицкого, 1790-е), И. Л. Голенищева-Кутузова (С. Глуковский с оригинала Д. Г. Левицкого, 1810-е), Ф. И. Янковича-де-Мириево (копия с оригинала Д. Г. Левицкого), П. Я. Гамалеи (работы Я. Залезского, 1821) и другие.

Особый интерес на выставке представляли не экспонировавшиеся ранее изображения представителей духовенства – членов Российской академии: митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова; копия П. Алькина с оригинала Н. М. Уткина 1800 года, 1808), митрополита Киевского и Галицкого Самуила (Миславского; копия В. Иванова с оригинала конца XVIII века, 1812), архиепископа Ростовского и Ярославского Павла (Пономарева) работы К.-Я. Каниевского по оригиналу П. Ф. Рыбникова 1809 года (1836), придворного протоиерея И. И. Красовского работы Я. Залезского (1819). Последний портрет – митрополита католических церквей России С.-И. Сестренцевича-Богуша работы П. Алькина (конец 1800-х). Изобразительный ряд дополняли литографированные портреты членов Российской академии (вторая половина 1830-х – начало 1840-х), а также виды Петербурга и Москвы конца XVIII – начала XIX века из фонда оригинальной графики Литературного музея ИРЛИ РАН.

На выставке были представлены архивные материалы из собрания Рукописного отдела ИРЛИ: копия всеподданейшего доклада Е. Р. Дашковой Екатерине II (1803) с приложением краткого начертания Российской академии, автограф письма Е. Р. Дашковой куратору Московского университета И. И. Мелиссино с предложением войти в число действительных членов Академии (1783), автограф письма А. А. Нартова И. И. Мелиссино (26 августа 1784 г.), диплом об избрании А. С. Шишкова действительным членом Императорской Российской Академии (7 января 1805 г.), автограф его же «Заметок о русском языке» и другие.

Важной составляющей временной экспозиции являлись редкие книги из библиотеки Пушкинского Дома, прежде всего, издания Российской академии, среди которых необходимо выделить первое издание Словаря Академии Российской (СПб., 1789–1794) и Труды Российской Академии (СПб, 1840–1841), а также литературные и научные сочинения ее членов: Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича,

И. Н. Болтина, А. Н. Мусина-Пушкина, Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, В. И. Панаева и др., многие с автографами авторов.

Отдельные экспозиционные комплексы были посвящены портретам, переданным в другие собрания (на выставке демонстрировались их фотокопии) и Б. Л. Модзалевскому как первому исследователю и публикатору коллекции.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что хранящаяся в Пушкинском Доме коллекция Российской академии является редким по полноте и обладающим несомненной художественной ценностью, но малоизученным собранием портретов представителей российской словесности XVIII–XIX веков. Надеемся, что представленная выставка послужит толчком для ее дальнейшего исследования и публикации.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин Блаженный 9
Агамалян Л. Г. 203
Аксенова Г. В. 132
Александр I 43, 47, 92, 93, 107, 109,
112–116, 118, 119, 126, 188,
189
Александр Невский 116
Алексеев И. 91–93
Алексеев П. А. 77, 90, 159
Алексеева Н. Ю. 99
Алкивиад 121, 122
Алькин (Спартанский) П. 43, 188,
189–191, 197, 204
Альтшуллер М. Г. 145
Амвросий (Серебрянников) 98, 101,
105
Амикони Я. 187
Анакреонт 52, 88, 111
Ананьева А. В. 115
Анастасий (Романенко-
Братановский) 125
Андокид 111
Анна Иоанновна 56
Антонский А. А. 92
Аполлос (Байбаков) 98, 102
Аристотель 9, 118, 136
Аристофан 141, 143
Арсеньев К. И. 146
Артаксеркс 121, 122
Архаров Н. П. 70
Аскольд 30
Ахманова О. С. 175
Баженова Е. Н. 143
Бакунин П. В. 204
Бакунин П. П. 41, 108, 113
Бантыш-Каменский Н. Н. 97
Баранов Д. О. 198
Барсов А. А. 17, 42, 72, 74, 76, 79, 80,
84, 178
Бартеlemi Ж.-Ж. 66, 110, 113,
116–122, 124, 130
Батюшков К. Н. 134, 201, 203
Безбородко А. А. 51, 204
Бейль П. 8
Белосельский-Белозерский А. М.
126
Беляев Н. С. 203
Белянская Ю. В. 203
Берг, фон П. И. 108
Бередников Я. И. 201
Березайский В. 178
Березина О. Е. 160
Берков В. П. 94
Биржакова Е. Э. 41, 160, 161, 162,
164, 167, 168
Бобынин В. И. 72
Богданович А. 159, 163
Богданович И. Ф. 51, 102–104, 201,
204
Болдырев А. В. 151
Болтин И. Н. 18, 21, 22, 75, 76, 162,
164, 186, 188, 205
Боровиковский В. Л. 198, 202
Бороздин К. М. 199

- Бочкарева И. А. 54
Брабцова И. 62
Брюс Я. 160
Буало Н. 9, 89, 117, 118, 128
Будагов Р. А. 14
Букин Н. 192
Булант А. Ш. см. Бюлан А.
Булгаков Я. И. 122
Булич С. К. 151, 154
Бунина А. П. 198, 203
Бург И. Ф. 97, 100, 101
Буров П. 70
Бюлан А. 62
- Варнек А. Г.** 198, 203
Василий Великий 9, 128
Васильев А. И. 115
Вацуро В. Э. 135
Вельяминов И. А. 153
Венецианов А. Г. 198, 202
Вергилий 9, 10, 88, 107, 109, 111, 112, 137, 138
Веревкин М. И. 67–69, 82
Веселовский К. С. 201
Вешняков П. 182
Вигель Ф. Ф. 145, 146
Вильмот М. 196
Виноградов В. В. 26, 27
Вишневецкий М. П. 202
Воейков А. Ф. 49, 50
Вожла К. Ф. 15
Волков С. И. 15
Вольтер 31, 133
Вомперский В. П. 7
Воронцов М. С. 143
Востоков А. Х. 46, 150, 153, 156, 158, 197, 198, 203
Врангель Н. Н. 184, 202
Вяземский П. А. 19, 22
- Гавриил (Петров)** 18, 43, 104, 186, 188, 204
Гайар Г. А. 135
Гамалея П. Я. 204
- Геллерт Х.-Ф. 128
Гелтергоф Ф. 159
Герасимова Е. Ю. 203
Герд А. С. 36
Геродот 109, 117, 127
Гесиод 110, 112, 127
Глинка Г. А. 135
Глинка С. Н. 134
Глуковский С. 204
Глумов А. Н. 53, 54
Глушкова В. Г. 54
Гмелин С.-Г. 175
Гнедич Н. И. 157, 202
Гоголь Н. В. 200, 201, 203
Гокке К. 186, 187
Голенищев-Кутузов И. Л. 98, 204
Голенищев-Кутузов Л. И. 113
Голенищев-Кутузов П. И. 110, 112, 113, 127, 129–131
Голицын А. Н. 201
Головнин А. В. 201
Гомер 38, 88, 107, 109, 128
Гораций 9, 111, 118
Горбунов К. А. 200
Готтшед И.-К. 11
Грибоедов А. С. 200, 201, 203
Григорьев В. 105
Грот Я. К. 50, 66, 127, 149, 155
Гурьев Д. А. 126
- Давыдов Д. В. 201
Давыдов И. И. 151
Даль В. И. 176, 177
Данков В. С. 109
Дасье А. 7, 128
Дашков Д. В. 135, 137
Дашкова Е. Р. 7, 9, 10, 12, 14, 38, 40–44, 52, 65, 67–71, 73, 74, 77–82, 95–99, 108, 116, 186, 192–203, 204
Делиль Ж. 137, 138
Демосфен 9, 10, 38, 107, 109, 111, 112
Демут-Малиновский В. И. 198

- Державин Г. Р. 51, 54, 56, 57, 59, 93, 106, 108, 125, 165, 179, 198, 202, 204
- Десницкий М. М. *см.* Михаил (Десницкий)
- Дивин В. А. 167
- Динарх 111
- Дмитриев И. И. 48, 139, 140, 198, 202
- Дмитриев М. А. 142, 143
- Доватур А. И. 85
- Доза А. 16, 18, 21
- Дягилев С. П. 202
- Евгений (Болховитинов) 66, 67, 126, 127, 192, 202
- Екатерина I 56
- Екатерина II 10, 40, 49, 56, 63, 65, 73, 78, 90, 95, 96, 108, 114, 115, 186–189, 204
- Елагин И. П. 68, 104, 186, 188, 198
- Елесевиц И. Э. 162
- Елизавета Петровна 39, 56, 63, 202
- Ерофеева Е. В. 175
- Живов В. М.** 11, 31, 145
- Жихарев С. П. 122
- Жуковский В. А. 48, 103, 134, 201
- Завадовский П. В. 92, 93, 126, 201
- Загорский П. А. 153
- Загоскин М. Н. 143, 146
- Залезский Я. 204
- Замкова В. В. 22, 23, 161
- Захарова Е. А. 161, 170
- Зыбелин С. Г. 78, 79, 81
- Иванов, студент** 70
- Иванов В., художник 188, 198, 204
- Иванов Вяч. 59, 60
- Иванов Д. А. 142, 143
- Иванов М. И. 198
- Игин Ф. И. 203
- Иголкина В. Н. 203
- Игорь Святославович, кн. 128
- Иннокентий (Нечаев) 186, 188
- Иноходцев П. Б. 93
- Иоанн III Антонович 29
- Иоанн Златоуст 9, 128
- Ир 85
- Ириней (Клементьевский) 111, 186, 202
- Исаев С. 105
- Исей 111
- Калайдович И. Ф.** 151
- Калашников А. А. 200
- Кандаков С. Н. 187
- Каниевский К.-Я. 189, 198, 204
- Кантемир А. Д. 186–191, 197
- Карабанов П. М. 136–139
- Карамзин Н. М. 44, 45, 48, 118, 133, 134, 140, 142, 198, 202, 205
- Карафф А.-Ш. 197
- Катулл 111, 112
- Кашенцев М. А. 200
- Квинтилиан 9, 101
- Келдыш Ю. В. 61
- Кипренский О. А. 198, 203
- Кир Младший 121, 122
- Клавдиан 110–112
- Клипеков А. Ф. 203
- Клостерман И. Г. 117
- Кнапский Г. 87
- Княжнин Я. Б. 51, 186, 188, 200, 201
- Князькова Г. П. 173, 176, 177
- Козельский Я. П. 16
- Козицкий Г. В. 97
- Козлов И. И. 201
- Козодавлев О. П. 21
- Кокошкин Ф. Ф. 143
- Колобова Н. А. 203
- Колюминов В. В. 27, 40, 70, 183
- Кондаков С. Н. 192
- Кондратович К. А. 93, 159, 160
- Константин Павлович, вел. кн. 116
- Корнель П. 15
- Корнилович О. 44

- Костин А. А. 135, 203
Котельников С. К. 42
Котляревский Н. А. 50
Коханова С. Б. 60
Кочеткова Н. Д. 70
Кочнева Е. В. 116
Кочубей В. П. 92
Красовский А. И. 40, 49
Красовский И. И. 93, 100, 105, 128, 129, 204
Крашенинников С. П. 165, 175
Крез 85
Крылов И. А. 201
Кубасов И. А. 41
Кукольник Н. В. 146
Кукушкина Е. Д. 91
Куракин А. Б. 125, 126, 204
Кутина Л. Л. 19, 159, 161
Кутузов А. М. 67, 171
Кюстин А. де 147
- Лагарп Ж.-Ф. 113, 132–140
Лами Ф. 11
Лампи И. Б. (старший) 115, 188, 189, 204
Лампи И. Б. (младший) 115, 188
Лаппо-Данилевский К. Ю. 53, 60, 61
Лаптев Д. О. 203
Ла Сюз Г. де 89
Лафонтен Ж. 89, 111
Лебедев В. И. 28
Лебедева О. Б. 134
Левитский И. М. 106
Левицкий Д. Г. 204
Лейбниц Г. В. 16
Леонтьев Н. В. 18
Лепехин И. И. 18, 38, 40–46, 68–71, 74–84, 99, 107, 165, 175, 186, 188
Лепехин М. П. 41, 44–46, 114
Лермонтов М. Ю. 200, 201
Ликург 111
Линней К. 91
Лихоткин Г. А. 77
- Лобанов М. Е. 143, 153
Лозинская Л. Я. 41
Ломоносов М. В. 7, 9–12, 17, 26–39, 41, 43, 46, 90, 97, 98, 101, 104, 105, 159, 181, 184–188, 197, 198, 202
Лонгин 9, 136
Лосев А. Ф. 59
Лукан 109, 110, 119, 127, 129
Лукиан 111, 112
Лукина Т. А. 41
Лукреций 111
Львов Н. А. 51–65
Львов П. Ю. 111
- Майков Л. Н. 50
Макеева В. Н. 163
Максимович И. 87
Малерб Ф. 9, 15, 89
Мальгин Т. С. 40, 44–46, 111
Мальцева И. М. 161, 165, 174, 175
Мальшева И. А. 181
Мареш И. А. 63
Мария Федоровна, имп. 116
Мармонтель Ж.-Ф. 133
Мартос И. П. 202
Мартынов Д. И. 153
Мартынов И. И. 136, 153, 201, 203
Масловский З. 72, 83
Матусевич М. И. 94
Мейер А. К. 91
Мелиссино И. И. 66–84, 204
Мерзляков А. Ф. 106
Метастазио 64
Мефодий (Смирнов) 111
Мещерский Е. П. 144–146, 148
Мещерский Н. А. 36
Миллер Г. Ф. 28, 30, 34–37
Мильтон Дж. 88
Мильчина В. А. 147
Милоков А. П. 49
Митуар Б.-Ш. 198
Михаил (Десницкий) 126
Михайлов А. А. 47, 183

- Михайловский-Данилевский А. И. 199
Могилянский А. В. 69, 82
Модзалевский Б. Л. 40, 46, 50, 71, 72, 188, 198–203, 205
Модзалевский Л. Б. 48
Моисеева Г. Н. 44, 70, 75
Моллер Ф. А. 200
Мольер Ж.-Б. 15, 89, 147
Монахова Е. Н. 203
Монтень М. 9
Мохнаткин С. 182
Мошарский О. А. 200
Муравьев М. Н. 67, 92
Мусин-Пушкин А. Н. 205
Мусин-Пушкин-Брюс В. В. 199
- Нартов** А. А. 41, 43, 46, 47, 93, 98–101, 107–111, 113–127, 129, 131, 135, 137, 139, 183–198, 200, 203, 204
Нарышкин С. К. 63
Некрасов С. М. 40, 53
Немировская И. Д. 61, 62
Нешумова Т. В. 71
Никитенко А. В. 50
Никитин О. В. 168
Николаев А. С. 85
Николаев С. И. 87, 88
Николай I 40, 47, 49, 143, 144
Никольский А. С. 93, 106, 111, 119, 136, 138
Новиков Н. И. 67, 71, 88, 90, 201
Новосильцев Н. Н. 126
Норов А. С. 188, 200, 201
- Обухов** П. В. 70
Овидий 9, 10, 36, 88, 111, 112, 129, 130
Одесский М. П. 60
Озерецковский Н. Я. 12, 42, 44, 99–101, 105, 128
Озерецковский П. Я. 100, 101, 105
Озеров В. А. 200, 201, 203
- Олсуфьев** А. В. 197, 202
Ольденбург С. Ф. 201
Оскольд 30
Осповат А. Л. 147
- Павел** I 43, 47, 107, 113, 114
Павел (Пономарев) 100, 105, 115, 189, 192, 204
Палладио А. 52
Паллас П.-С. 43, 165, 176
Панаев В. И. 153, 193, 198, 199, 205
Панкевич М. И. 72, 83
Пассеки, семейство 143
Патракеев Ф. И. 181
Перевошиков В. М. 199
Перро Ш. 128
Петито Э. А. 52
Петр I 31, 56, 88, 89, 141, 143–148, 188
Петров В. П. 137, 138, 203
Петров П. Н. 192
Петрова З. М. 161, 170
Петровский М. А. 71, 83
Пиндар 10, 38, 88, 110, 112, 124, 127, 130
Плавильщиков П. А. 139
Платон, древнегреч. философ 9, 88
Платон (Левшин) 68
Плетнев П. А. 50, 148, 150
Плещеева А. И. 171
Плиний 111
Поатвень А. П. 15
Погодин М. П. 145
Подшивалов В. С. 99
Покорский Г. 104
Полевой К. А. 142
Полевой Н. А. 142
Поленов В. А. 44, 153, 199
Поливанов Н. И. 188, 200, 203
Поликарпов Ф. П. 28, 86, 159
Поп А. 128
Попов, художник 186, 188
Порфирьева А. 64

- Потемкин Г. А. 202, 204
Прокопович-Антонский А. А. 71, 72, 83
Прокопович-Антонский М. А. 70, 72, 83
Пропреций 111
Протасов А. П. 42
Пушкин А. С. 47, 48, 202
Пушкин В. Л. 134
Пыляев М. И. 63
- Радищев А. Н. 37, 171, 172, 181
Разумовский А. К. 201
Расин Ж. 9, 15, 89
Рафаэль 9
Ренне Е. П. 196
Ржевский А. А. 108
Рижский И. С. 106, 109, 116
Римская-Корсакова С. В. 184
Ришелье А.-Ж. 15
Ровинский Д. А. 188, 189, 201, 202
Родюкова М. В. 203
Розанов А. С. 61
Розанов И. Н. 94
Розанова В. В. 150, 153, 157
Рокотов Ф. С. 184
Роллен Ш. 11
Романычева И. Г. 184
Ронсар П. 9
Росси К. И. 200
Рубан В. Г. 90, 91, 203
Рубан Я. А. 71, 72, 83
Рудаков И. 88
Румовский С. Я. 18, 42, 100, 107, 109, 112, 125, 128
Русановский П. 72, 83
Руссо Ж.-Ж. 145, 146
Рыбников П. Ф. 192, 204
Рюрик 34, 35
- Салтыков Г. С. 123
Самуил (Миславский) 186, 188, 202, 204
- Сафо 89, 127
Свиясов Е. В. 130
Севастьянов А. Ф. 43, 93, 122
Севергин В. М. 93, 152
Сенека 109, 110, 119, 127, 129
Сергиевский М. В. 16
Сердобинцев И. Л. 175
Серков А. И. 41
Сестренцевич-Богуш С. И. 189, 204
Сидоровский И. 104
Скалигер И. С. 87, 93, 94
Скалигер Ю. Ц. 94
Скаррон П. 88
Симони П. К. 178
Смагина Г. И. 41
Смотрицкий М. 30
Соймонов П. А. 108
Соколов Д. М. 66, 101, 102, 105, 109, 111, 113, 116, 136, 138
Соколов П. И. 40, 46–50, 66, 101, 102, 105, 111–113, 116, 123–126, 136–138, 152, 153, 198
Сократ 121, 122
Соловьев П. К. 91
Сорокин Ю. С. 161
Спивак М. Л. 60
Срезневский И. И. 15, 20, 50
Сталь Ж. де 147
Стасов В. П. 47
Степанов В. П. 76, 97
Столбова Е. И. 196
Стоюнин В. Я. 47
Стратиневич Д. Х. 92
Страхов П. И. 118–126
Строганов А. С. 51
Сумароков А. П. 9, 11, 67, 89, 104, 147, 184–186, 197, 203
Сумароков П. И. 184
Сусанин И. 144
Сухомлинов М. И. 18, 21, 23, 24, 40, 41, 43, 44, 46–48, 50, 74, 75, 78–80, 95, 96, 99, 101–103, 105, 108, 109, 114, 117, 118, 129, 135, 141, 142, 162

- Татищев В. Н. 28
 Татищев И. 15
 Тацит 107, 109, 110, 112, 119, 125, 127, 129, 130
 Теренций 110
 Тибулл 111
 Тимофей, древнегреч. поэт 124
 Тит Ливий 9, 110, 111
 Тициан 9
 Тодд Ч. 133
 Толстой Н. И. 33
 Тредиаковский В. К. 9, 11, 86, 88, 96, 97, 99, 102, 104, 105, 186, 188, 197
 Тропинин В. А. 198, 202
 Троицкий В. 47
 Троицкий Д. П. 92, 115–117, 125, 126, 202
 Трубецкой Н. С. 36
 Турнефор Ж. 91

 Уваров С. С. 200, 201
 Удар де ла Мотт А. 7, 9, 128
 Успенский Л. В. 94
 Уткин Н. М. 204

Файнштейн М. Ш. 12, 27, 40, 70, 183, 196
Фарнабаз 121, 122
Федр 111
Фенелон Ф. 7–12
Феокрит 110, 112, 127
Феокист (Мочульский) 126
Филоксен 124
Феофан Прокопович 87, 88, 93, 94, 105, 192, 193, 197
Фомин В. В. 28
Фомин Е. И. 61
Фонвизин Д. И. 18, 21, 51, 67, 164, 197, 202–204
Фонвизин П. И. 68
Фонтан Л.-Ж.-П. 133
Форопонтов Ф. 188
Фрадкин Н. Г. 41
Фукидид 107, 109

Хвостов А. С. 110, 202
Хвостов Д. И. 66, 102, 103, 115, 117, 119, 122–127, 131, 192–197, 203
Хемницер И. И. 51, 200, 201
Херасков М. М. 51, 68, 70, 74, 81, 102–104, 134, 184, 186, 187, 197, 198, 203, 204
Хераскова Е. В. 89, 186
Хилков А. Я. 197
Холл Дж. 57

Целищева Л. Н. 192
Целларий К. 19, 159
Цицерон 9, 10, 88, 101, 107, 109, 110, 112, 119, 127, 129

Чеботарев Х. А. 78, 79
Черепанов И. А. 182
Черниковская Т. И. 203
Чернышева М. И. 174
Чечулин Н. Д. 41
Чистович И. А. 93

Шахматов А. А. 36, 50, 149, 155
Шаховской А. А. 141–148
Шевырев С. П. 145
Шемиот В. П. 201
Шереметев Н. П. 70
Ширинский-Шихматов П. А. 152, 153, 201
Шишков А. С. 27, 40, 46–50, 128, 129, 131, 134, 135, 137, 140, 145, 149–158, 173, 198, 199, 203, 205
Шлегель А. В. 147, 148
Шлецер А.-Л. 29, 31, 32, 36
Шмидт К. 160
Шторх А. П. 115
Шувалов И. И. 51, 70, 189

Щедровский И. С. 200
Щекин А. С. 150
Щерба Л. В. 94

Щербатов М. М. 68, 70, 74, 75, 80,
81, 83, 84

Щукин С. С. 192–197

Эзоп 111

Эли С. 82

Эрнести И. А. 97, 101

Эсхин 111, 112

Этьенн П. 15, 85

Юстиниан, имп. 28

Ягич В. 36

Языков Д. И. 48, 49, 143, 144

Янкович-де-Мириево Ф. И. 204

Ярослав Мудрый 30, 33

Ярцев А. А. 142, 143

Яхонтов Н. П. 61

Auger A., abbé 111

Considine J. 85

Gail J.-B. 112

Gesenius W. 94

Greswell W. P. 85

Markwardt B. 99

Mazure A. 7, 9

Reyher A. 112

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПСС** – *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950–1983. Т. 1–11.
- БАН** – Библиотека Академии наук.
- ВЛ** – *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон... СПб., 1731.
- Вят. сл.** – Слова и речи Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые (*Симони П. К.* Материалы по истории старинной русской лексикографии // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 1. С. 448–450).
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Држ. Соч.** – *Державин Г. Р.* Сочинения Г. Р. Державина. СПб., 1808–1816. Ч. 1–5.
- ЕС** – Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755–1764.
- ЖКФ** – Юрнaлы и камер-фурьерские журналы 1695–1774. СПб., 1853–1864.
- ИЛИ РАН** – Институт лингвистических исследований Российской академии наук.
- ИРЛИ РАН** – Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом).
- Краш. ОЗК** – *Крашенинников С. П.* Описание Земли Камчатки. СПб., 1755. Т. 1–2.
- КС XVIII** – Картотека Словаря русского языка XVIII века (Институт лингвистических исследований РАН).
- Лом. АСС** – см. АПСС.
- ЛП** – *Поликарпов Ф. П.* Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище... М., 1704.
- МИГ** – Исторический и географический месяцеслов на 1777–1797 гг. СПб., 1776–1797.

-
Пам. Тюм.	– Памятники Тюменской деловой письменности 1762–1796 гг. Тюмень, 2002.
Поденщ.	– Поденьщина, или Ежедневные издания. СПб., 1769.
Псм мас.	– <i>Барсков Я. Л.</i> Письма русских масонов XVIII века. Пг., 1915.
Пут. Леп.	– <i>Лепехин И. И.</i> Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771–1805. Ч. 1–4.
ПФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов.
РГБ	– Российская государственная библиотека.
РГИА	– Российский государственный исторический архив.
Рдшв	– <i>Радищев А. Н.</i> Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938–1952.
ПСС	Т. 1–3.
Рдшв Пут	– <i>Радищев А. Н.</i> Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.
Рдшв Торг	– <i>Радищев А. Н.</i> Письмо о китайском торге // Радищев А. Н. Собрание оставшихся сочинений. М., 1811. Ч. 6. С. 67–167.
САР¹	– Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
САР²	– Словарь Академии Российской. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.
СРНГ	– Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.), 1965–2007. Вып. 1–41.
СРЯ XVIII	– Словарь русского языка XVIII века. Л. (СПб.), 1984–2007. Вып. 1–17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Надежда Юрьевна Алексеева – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 40 научных публикаций, в том числе одной монографии. Область научных интересов – русская литература XVIII века.

Ангелина Вачева – доцент Кафедры русской литературы Софийского университета им. Св. Климента Орхидского (Болгария). Автор более 100 научных работ, в том числе двух монографий. Область научных интересов – история, поэтика и международные связи русской литературы XVIII – XIX вв., мемуаристика.

Сергей Святославович Волков – кандидат филологических наук, руководитель отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, автор более 70 научных работ. Область научных интересов – историческая лексикология и лексикография, история России XVIII века, русская культура XVIII–XIX вв.

Анна Владимировна Волинская – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Автор 32 научных публикаций. Область научных интересов – историческая лексикология и лексикография.

Елена Александровна Захарова – научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Автор 9 научных публикаций. Область научных интересов – историческая лексикология и лексикография.

Дмитрий Александрович Иванов – докторант Тартуского университета (Эстония). Автор 18 научных публикаций. Область научных интересов – история русского и французского театров XVIII–XIX вв., история идей, творчество и биография А. А. Шаховского.

Михаил Пантелеевич Лепехин – старший научный сотрудник Сектора истории книги Библиотеки РАН. Автор более 150 научных публикаций. Область научных интересов – история России (в том числе история русской литературы и библиографии), франко-русские литературные связи, симбирская старина.

Андрей Александрович Костин – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более

20 научных публикаций. Область научных интересов – история русской литературы конца XVIII – начала XIX века, биографии русских писателей, жизнь и творчество А. Н. Радищева, история их изучения и восприятия.

Наталья Дмитриевна Кочеткова – доктор филологических наук, заведующая Отделом русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 3 книг. Область научных интересов – русская литература XVIII века в ее национальном и европейском контексте.

Елена Владимировна Кочнева – научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, хранитель фонда живописи и скульптуры Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов – русское искусство XVIII–XX веков, история формирования художественной коллекции Пушкинского Дома.

Сергей Иванович Николаев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, и. о. заведующего Отделом библиографии и источниковедения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 100 научных работ, в том числе нескольких книг. Область научных интересов – русская литература XVII–XVIII вв., польско-русские литературные связи.

Александр Александрович Малышев – старший лаборант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор 2 научных публикаций. Область научных интересов – русская литература и язык конца XVIII – начала XIX в.

Ирина Алексеевна Малышева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Автор 73 научных публикаций. Область научных интересов – историческая лексикология и лексикография, лингвистическое источниковедение.

Елена Георгиевна Милюгина – кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета. Автор 270 научных публикаций, в том числе 2 монографий. Область научных интересов – теория литературы, эстетика, европейский и русский предромантизм и романтизм, синтез искусств.

Мария Николаевна Приемышева – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Автор более 70 научных публикаций. Область научных интересов – историческая лексикология и лексикография, социальная диалектология.